

**ЧЕЛОВЕК**  
.....  
**СООБЩЕСТВО**  
.....  
**УПРАВЛЕНИЕ**

Научно-информационный журнал

**№ 4 · 2011**

# ЧЕЛОВЕК СООБЩЕСТВО УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный  
журнал

# 4-2011

Издается с марта 1999 г. Периодичность — 4 номера в год. Свидетельство о регистрации №Р2829 от 16 марта 1999 г. выдано Северо-Кавказским региональным управлением регистрации и контроля за соблюдением законодательства о средствах массовой информации и печати Комитета Российской Федерации по печати. Журнал распространяется по подписке. Цена свободная. Подписной индекс по каталогу «Роспечать» 46483.

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 19 февраля 2010 года №6/6 журнал «Человек. Сообщество. Управление», издающийся на факультете управления и психологии КубГУ, включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

#### Учредитель:

Кубанский государственный университет

#### Адрес редакции:

350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, к. 404-н. Тел.: (861) 219-95-63

#### Адрес издателя:

350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149  
Кубанский государственный университет  
Статьи для публикации принимаются по эл. адресу: [chsu1999@yandex.ru](mailto:chsu1999@yandex.ru)  
Сайт журнала: <http://chsu.kubsu.ru>

Дизайн обложки: С. Г. Ажгихин, М. Н. Марченко. Оригинал-макет: Д. А. Хрипков. Отпечатано в типографии Издательско-полиграфического центра КубГУ. Адрес: Краснодар, ул. Ставропольская, 149  
Подписано в печать 29.12.2011  
Уч.-изд. л. 11,18. Усл. печ. л. 11,5  
Тираж 1000 экз. Заказ №

#### Главный редактор:

**Е. В. Морозова**, д-р филос. наук, профессор

#### Редакционный совет:

**Алексеева Т. А.**, д-р филос. н., проф. (МГИМО (У);  
**Арутюнян Л. А.**, д-р филос. н., проф. (Ереванский ГУ);  
**Бабешко В. А.**, д-р физ.-мат. н., проф., академик РАН (Кубанский ГУ);  
**Бедерханова В. П.**, д-р пед. н., проф. (Кубанский ГУ);  
**Бодалев А. А.**, д-р психол. н., проф., академик РАО;  
**Деллер С.**, PhD, проф. (университет Висконсин-Мэдисон, США);  
**Жаде З. А.**, д-р полит. н., проф. (Адыгейский ГУ);  
**Зинченко Ю. П.**, д-р психол. н., проф. (МГУ им. М. В. Ломоносова);  
**Знаков В. В.**, д-р психол. н., проф. (Институт психологии РАН);  
**Иванов А. Г.**, д-р ист. н., проф. (Кубанский ГУ);  
**Кузьмина Н. В.**, д-р психол. н., проф. (РАО);  
**Латфуллин Г. Р.**, д-р экон. н., проф. (Гос. ун-т управления);  
**Марьин М. И.**, д-р психол. н., проф. (МВД РФ);  
**Никовская Л. И.**, д-р социол. н., проф. (Институт социологии РАН);  
**Романова А. П.**, д-р филос. н., проф. (Астраханский ГУ);  
**Рябикина З. И.**, д-р психол. н., проф. (Кубанский ГУ);  
**Сморгунов Л. В.**, д-р филос. н., проф. (СПбГУ);  
**Фадеева Л. А.**, д-р ист. н., проф. (Пермский ГУ);  
**Шабров О. Ф.**, д-р полит. н., проф. (РАГС);  
**Шпак В. Ю.**, д-р филос. н., проф. (Южный федеральный ун-т)

#### Редакционная коллегия:

**Авдеева Т. Т.**, д-р эконом. н., проф. (зам. гл. редактора);  
**Белоконь Т. М.**, канд. филол. наук, доц.;  
**Дёмин А. Н.**, д-р психол. н., проф. (зам. гл. редактора);  
**Ермоленко В. В.**, канд. тех. н., доц.;  
**Ждановский А. М.**, канд. ист. н., проф.;  
**Кимберг А. Н.**, канд. психол. н., доц.;  
**Кольба А. И.**, канд. полит. н., доц. (зам. гл. редактора);  
**Курбатова Г. С.**, отв. секретарь;  
**Лаврова Т. Г.**, канд. эконом. н., доц.;  
**Лузаков А. А.**, д-р психол. н., доц.;  
**Мясникова Т. А.**, канд. эконом. н., доц.;  
**Оберемко О. А.**, канд. социол. н., доц.;  
**Ожигова Л. Н.**, д-р психол. н., проф.;  
**Остапенко А. Н.**, д-р пед. н., проф.;  
**Савва Е. В.**, канд. филос. н., доц.;  
**Филиппов Ю. В.**, канд. эконом. н., проф.;  
**Фоменко Г. Ю.**, д-р психол. н., проф.;  
**Юрченко В. М.**, д-р филос. н., проф. (зам. гл. редактора)

# 4-2011

## Содержание

### **ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ**

*Рябикина З.И., Тиводар А.Р.* Личностная идентичность в супружеских отношениях ..... 4

*Кумыкова Е.В.* Полоролевая идентичность внутренне независимых женщин молодого и зрелого возраста ..... 13

### **ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА**

*Толочек В.А., Денисова В.Г., Журавлева Н.И.* Темпоральные характеристики профессионального становления субъекта ..... 26

### **ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ**

*Кукосян О.Г., Ясько Б.А.* Педагогическая психология на Кубани ..... 35

*Цику З.И.* Доверие в системе психологических критериев группового субъекта педагогической деятельности ..... 43

### **ВОПРОСЫ БЕЗОПАСНОСТИ**

Угрозы безопасности личности: экспертная оценка и психологические аспекты защиты личности (материалы круглого стола) ..... 48

*Кутилин С. А.* Проявления радикализма в информационном пространстве сети Интернет как угроза национальной безопасности (на материалах Южного федерального округа) ..... 74

### **ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА**

*Савва М. В.* Власть как фактор гражданской культуры в современной России ... 80

*Рябченко Н. А.* Online социальные сети в публичной политике: «семь мостов» Египта ..... 92

### **ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ**

*Тихонов Д. Ю.* Концепция «дефектной» демократии как объяснительная модель процессов политической модернизации стран Южного Кавказа ..... 103

*Тороус Н. А.* Партийно-клановые структуры и власть в Израиле. .... 109

*Белоусов С. С.* Конфликтогенные факторы локальных межнациональных конфликтов в постсоветской Калмыкии. .... 122

### **НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ**

*Морозова Е. В.* Экстраординарность, случайность и протест в политике (к итогам IX Всероссийского семинара Исследовательского комитета РАПН по сравнительной политологии) ..... 132

**ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ ..... 137**

**ПОРЯДОК ПРИЁМА И РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ ..... 138**

## ЛИЧНОСТНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СУПРУЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

З. И. Рябикина, А. Р. Тиводар<sup>1</sup>

В субъектно-бытийном подходе к личности акцентируется направленность человека на создание таких отношений с другим человеком, в которых личность получает подтверждение своей личностной идентичности. Семья — одно из важных бытийных пространств личности, в котором человек рассчитывает получить подтверждение своей идентичности от брачного партнера. В предлагаемой статье с этой позиции интерпретируются супружеские отношения.

*Ключевые слова:* субъектно-бытийный подход, личностная идентичность, супружеские отношения.

In the subject-being approach to personality emphasizes the orientation of a person to create such a relationship with another person, in which the person receives confirmation of his personality identity. Family — one of the most important spaces in which a person expects to receive confirmation of their identity from a mate. In the present paper are interpreted from this perspective marriage.

*Key words:* subject-being approach, personality identity, marital relationship.

В объяснении фамилистической феноменологии выделяется основание, к которому часто обращаются исследователи семьи. В соответствии с этим основанием теории базируются на двух основных подходах. В первом случае единицей анализа является индивид как субъект семейного поведения, реализующий в пространстве семейного бытия свойственные ему потребности (подход условно может быть назван персонологическим). Во втором случае единицей анализа является внутрисемейная интеракция, паттерн семейного поведения, т. е. в качестве приоритетной выступает групповая феноменология (социально-психологический подход).

<sup>1</sup> Рябикина Зинаида Ивановна – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии личности и общей психологии Кубанского государственного университета. Эл. почта: ryabikina@manag.kubsu.ru.

Тиводар Антонина Романовна – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии личности и общей психологии Кубанского государственного университета. Эл. почта: psychodep@manag.kubsu.ru.

Происходящие в культуре изменения знаменуют возрастание внимания к единичному, приоритетность личного, индивидуального, ценность каждого человека во всем его своеобразии. Все это, декларируемое современной культурой, не может не сказаться во взглядах на семью и ее ценности. Семья изменяется в соответствии с общими изменениями в культуре. Социальные, социокультурные процессы в обществе обуславливают возрастающую субъектность отдельного индивида в семье, возрастающую личностную обусловленность, индивидуализированность принимаемых решений и соответственно индивидуализированность поведенческих стратегий в пространстве семейных взаимодействий. Вследствие этого особую значимость представляют субъективные аспекты фамилистических феноменов: почему сегодня человек создает семью, что он переживает в семье, какие психологические механизмы обуславливают его поведение в семье?

### **Проблема личностной идентичности в контексте субъектно-бытийного подхода к личности**

Теория личностной идентичности получила широкое распространение в современной психологии личности прежде всего благодаря работам Э. Эриксона, давшим толчок множеству исследований в возрастной, педагогической и социальной психологии [16]. Личностную идентичность Эриксон определял как эмоционально наполненное переживание человеком своей целостности и тождественности, восприятие и осмысление своей отдельности от мира и в то же время причастности к определенным его частям. Переживание это связано также с осознанием и пониманием того, что называется «смысл жизни» или «предназначение», т. е. с осознанием будущих целей, которые человек ставит перед собой, и с их оправданием. Оно связано также с пониманием себя, что может быть интерпретировано как осознание человеком своей определенности в этом мире. Гейл Шихи, например, обозначает период, связанный с поиском и определением идентичности, как достижение подлинности, «того внутреннего состояния, в котором мы узнаем обо всех наших потенциальных возможностях и обретаем силу, позволяющую полностью их реализовывать» [14, с. 46].

Таким образом, идентичность — это и понимание личностью своей позиции в пространствах ее бытия, и переживание себя как субъекта этих бытийных пространств. Оформление субъектно-бытийного подхода к изучению личности в психологии предполагает рассмотрение личности как субъекта бытия, ось «личность — бытие» выступает как организующий принцип в анализе закономерностей и феноменологии личности [6; 9-13 и др.]. Складываются основания для расширения принципа единства сознания и деятельности в новой формуле — единства личности и ее бытия.

В отечественной психологии С. Л. Рубинштейн одним из первых ввёл понятие «субъект» в рассмотрение бытия личности [7]. Предложенная ученым концепция субъекта содержала идею индивидуально активного человека, т. е. человека, строящего условия своей жизни и своё отношение к ней. В идее изменения жизни человеком как ее субъектом, в понимании условий жизни как задач, требующих от человека определённых решений, — в этом состояла новизна предлагаемого С. Л. Рубинштейном подхода [1]. Введённое им понятие «субъект жизни» создало возможности для раскрытия деятельной сущности личности, её активной позиции в целостном жизненном процессе. Идея субъекта является единым логическим основанием философско-антропологической концепции С. Л. Рубинштейна. Высказав положение о включении человека в состав бытия, он считал субъектность наиглавнейшим механизмом этой включённости.

Развивая идеи С. Л. Рубинштейна, А. В. Брушлинский существенно расширил представления о содержании активности как фактора детерминации психики [3]. Целостность человека как субъекта — это онтологическое основание для системности, интегральности всех его психических качеств. Целостность субъекта и неправомерность понимания Я как «текущих процессов», как «отдельных актов» постулировал в своих текстах-размышлениях еще Э. Шпрангер [15]. Чтобы понять образ действий духовного субъекта, «субъекта, идентичного во времени», он полагал необходимым введение в научный психологический анализ метафоричного понятия «субстанциональность». Субстанциональность индивидуального духовного субъекта (личности) мыслится им как связанная со своеобразием такого субъекта, не могущего оставаться неизменным, развивающегося, но в процессе развития «его «сущность» закономерно сохраняется через известные изменения состояний, необходимо следующих одно из другого». Это «осадок закономерного от всего накопленного опыта», и он схватывает «идентичное в меняющемся во времени» [15, с. 287].

Личность организуется как согласованное единение психических процессов, принадлежащих единой живой субстанции — индивиду. Это процессуально претворяющая свое бытие в психических явлениях субстанция. Ее целостность и непрерывность переживается человеком как чувство идентичности или самоидентичности.

Как социальный субъект личность — череда сменяющих друг друга социальных ролей. Каждая роль — это процесс со своей динамикой, включающий принятие роли, ее освоение, возможные спады-подъемы, предписанные социумом временные границы исполнения роли и прочие характеристики. Каждая роль может быть рассмотрена как относительно отдельное пространство бытия личности. Возникает проблема синхронизации ролей, их непротиворечивой интеграции. При неблагоприятном разрешении этой проблемы возможен конфликт ролей, иногда попытки их последовательного расположения во вре-

мени («сначала я встану на ноги как профессионал, а потом женюсь» и пр.). Именно личность, ориентированная своими внутренними побуждениями к чувству личностной идентичности, стремится гармонизировать ансамбль исполняемых ею ролей.

Таким образом, идентичность можно определить как базовый процесс личности, организующий в единый ансамбль различные ситуационно-личностные образования (социальные роли, субличности, представления о себе и др.).

Содержание роли определяется прежде всего той функцией, которая реализуется личностью в конкретной группе. Ролевой ассортимент, которым личность должна овладеть, предусмотрен правилами жизни в социуме, теми ожиданиями, которые социум адресует личности, включая ее в различные социальные образования, институты и тем самым регулируя ее социальную активность. Функция личности — сохранение целостности в последовательности тех неизбежных преобразований ее содержания, которые возникают при ее включении в различные групповые композиции как социального субъекта, исполняющего в этих композициях определенную, возложенную на индивида социальную роль. Здесь возникает пересечение социальной идентичности (чувство своей принадлежности к определенной социальной группе) и личностной идентичности (чувство самостождественности, не прерывающееся во времени и не исчезающее в разных социальных контекстах).

Социум ориентирован на поддержку личности в отдельных ролевых нишах и активно побуждает человека функционировать как полноценный социальный субъект, готовый принять к исполнению весь спектр необходимых для общества социальных ролей. По мысли М. Фуко, посредством многоликих социальных институтов, в том числе и института семьи, реализуется власть общества над личностью. Общество как наделяет личность ролью, включая ее в определенные социальные образования, так и вызывает (провоцирует) у нее переживание неполноценности, если она оказывается неспособной реализовать должное [4]. Каждый проходит предначертанный ему семейный путь. Все попытки свернуть с него заканчиваются тем, что властный дискурс настаивает отступников и клеймит их маргинальными ярлыками: холостяк, старая дева, сирота, разведенная/разведенный. Все мы несем бремя семейного означивания. И маргинальные ярлыки расцениваются как признак неполной реализованности личности, ее неполноценности, незавершенности, как то, что она не состоялась. Личность жаждет пройти через обретение тех социальных ролей, присовокупить к своему образу Я те социальные идентичности, без которых не мыслится ее полноценность.

Таким образом, личностная идентичность отражает два аспекта связи человека с миром: его причастность к социуму, различным группам и их социально значимым деятельности, а также к продуктам этой деятельности;

отдельность, особость личности, заявляющей о своей уникальности и своем пространстве бытия.

Овладение личностью пространствами бытия того мира, в котором она живет, переструктурирование мира в соответствии с собственными потребностями и импульсами развития можно представить как основной способ достижения согласованности между внутренним и внешним мирами человека и, таким образом, достижение им личностной идентичности. Человек преобразует мир и тем самым преобразует себя, стремясь к определенности и гармонии в отношениях с миром, который подтверждает реальность его (человека) субъективности.

Идентичность как психологический феномен близка таким хорошо описанным моделям психологических явлений как Я-концепция, самоуважение, Образ Я, социальные роли, направленность и т. п. Вместе с тем было бы неточно непосредственно отождествлять процесс постоянной дифференциации и становления индивидуальности человека с указанными явлениями. Они входят в содержание идентичности человека, во многом определяют, но не исчерпывают его. Это стороны или проявления сложного взаимодействия индивидуальной судьбы с многогранными силами культурных и социальных влияний, результатом которых становится определенность отношений человека с миром в текущий момент.

Особая важность личностной идентичности состоит в ее роли в личностной регуляции социальной активности человека. Осмысленное совершение выборов, которые жизнь предлагает человеку, постановка целей, которых стоит добиваться, налаживание отношений с друзьями и близкими предполагают отчетливое и дифференцированное переживание человеком себя как особого существа, обладающего самодостаточной ценностью, собственными интересами, устремлениями и проживающего собственную жизнь.

### **Становление личностной идентичности в современной социокультурной ситуации: факторы и проблемы**

Для большого числа наших современников задача построения или становления личностной идентичности оказывается осложненной обстоятельствами их жизни. Потеря обществом четкой структуры привела к размыванию представлений людей о существующих в обществе позициях и о нормативном пути их достижения. Исчезли из общественного сознания те группы людей, которые воплощали собой иерархическое устройство классового общества. На их место пришло хаотическое движение реконструируемого общества, когда ни одна из элитных групп, во-первых, не вызывает доверия, во-вторых, не гарантирует устойчивости связанного с ней социального бытия. Для того чтобы пережить собственную определенность, человеку необходимо иметь некоторые устойчивые ориентиры: стабильные социальные институты, неоспоримые жизненные

ценности, признанные критерии успешности жизни, наконец, ясно различимые социальные группы, к которым можно было бы отнести как к «своим» или «чужим». Отсутствие, подвижность или двусмысленность таких ориентиров затрудняют процесс становления личностной идентичности.

Фундаментальной потребностью личности является стремление получить у других людей подтверждение тем преобразованиям, которые она осуществляет в своих бытийных пространствах ([8; 9]. Феномен подтвержденной/неподтвержденной личности теоретически осмыслен и получил эмпирическое подтверждение во многих работах (К. Роджерс, В.А. Лабунская, У. Леинг, Е.В. Абаева и др.). Человек испытывает естественную потребность в поддержании целостности, в сохранении Self (гомеостатическая модель мотивации), а для этого ему необходимо такое бытийное пространство межличностных отношений, где его Self находило бы подтверждение. Прежде всего это люди со сходным опытом переживаний, те, чей опыт оформлялся в сходных жизненных коллизиях, те, кто ценностно сориентирован на похожие жизненные принципы и образцы. Чувство идентичности, овладение собой достигается через прояснение содержания Self в процессе подтверждающего поведения значимых Других. Человек приближает к себе, углубляя отношения, интенсифицируя их с теми, чьи структуры личностных смыслов более конгруэнтны его структуре смыслов. Личность испытывает потребность быть подтвержденной внешним, тем, через что объективировано ее субъективно-внутреннее. Внешнее по отношению к внутреннему миру личности — это и организация предметно-пространственного мира, в котором живет личность, и согласующийся с ее смысловой организацией, поведением, реакциями на происходящее образ поведения, смысловая организация, реакции на происходящее значимых для нее других людей, посредством и при участии которых она реализует свое бытие.

Семья — одно из существенных бытийных пространств личности, выполняющее функцию подтверждения и поддержки. Это пространство бытия личности включает в себя: а) структуру межличностных отношений, обусловленных принадлежностью личности к семье; б) организацию со-бытийности членов семьи во времени; в) определенным образом организованную предметно-пространственную среду дома (квартиры) и др.

Особая роль принадлежит семье в подтверждении гендерной идентичности личности. Мы обретаем (сохраняем) определенность в отношениях с противоположным. Мужская, женская идентичность подтверждается прежде всего в структуре семейных отношений. Именно социальные роли «муж», «жена», «отец», «мать» с наибольшей очевидностью проявляют различия между мужчиной и женщиной.

### **Современная семья как психологическое убежище**

Один из лидеров психологического рассмотрения проблем семьи Э. Берджесс определяет современную семью как «единство взаимодействующих личностей». Ученый связывает крах традиционной семьи с усилением эмоциональных опор брака и с институтом супружества как относительно автономного от семьи социального образования [2, с. 63]. Семья ослабевает как сдерживаемое нормами родства образование и упрочивается как психологическое убежище. По-новому переживаемая субъектом семейных отношений личностная идентичность порождает множество проблем, требующих научной рефлексии, новых инструментов диагностики и новых практик поддержки личности в ее стремлении к полноценному развитию, реализации всех своих потенциалов, плодотворности и благополучию в семейных отношениях.

Жизнь человека приобретает все более частный характер. К этому процессу (или тенденции) можно относиться по-разному. Но для психолога он означает, что ближайшие пространства бытия, такие как пространство отношений в семье, физическое пространство жилища, позиции человека в нескольких самых близких кругах его общения, начинают играть определяющую роль в становлении и обретении его личностной идентичности. Соответственно удачно или менее удачно складывающиеся в этих пространствах конфигурации взаимодействий, разыгрывающиеся здесь конфликты и их решения становятся особо важными событиями субъективного мира личности. Наличие благоприятной идентичности является необходимым условием для полноценной жизни человека. «Индивид ощущает себя свободным тогда, когда он может свободно идентифицироваться со своей собственной «эго-идентичностью» и когда он научается использовать данность для достижения стоящих перед ним целей» [16, с. 84]. Таким образом, он уходит от мучительной борьбы за преодоление несоответствия своей идентичности и исторически складывающегося определения его внешним миром как социального человека либо осознанно может направить свои силы на овладение социальным миром, ограничивающим и сковывающим его идентичность, с тем чтобы преобразовать его в соответствии со своим внутренним миром.

Итак, роль семьи как пространства бытия, где оформляется и поддерживается чувство личностной идентичности, резко возрастает в связи с тем, что жизнь человека приобретает все более и более частный характер. Он изолируется от решения более крупных общественных вопросов и сосредотачивается на небольшом относительно автономном мире семьи. Это своего рода психологическая защита от происходящих в «большом» социуме изменений. Этим объясняется и рост влияния семьи как фактора формирования и становления личностной идентичности человека.

### **Брачные отношения как фактор обретения и поддержки личностной идентичности**

Играют ли существенную роль соображения обретения и поддержки идентичности для формирования семейной пары? Семья создается на основе многообразных мотивов. В некоторых случаях человек, находящийся в состоянии поиска устойчивой личностной и социальной идентичности, может использовать вступление в брачные отношения (иногда это формальные рамки брака) для обретения статуса, чтобы закончить период внутриличностного разлада, связанного со слишком большим числом путей, которые оказываются открытыми.

Естественное стремление личности к упрочиванию идентичности реализуется в предположении, что в новом статусе, обретаемом при вступлении в брак, будет достигнута ее определенность, чувство самоидентичности или идентичность:

- окрепнет и уточнится свобода от родителей, освобождение от их подавления и регламентаций в организации бытийных пространств;
- расширится за счет приобретения предметов, пространств, времени любящего человека, который будет поддерживать ценности и смыслы, а значит, будет подтверждаться идентичность;
- поведенческие модели станут более органичными, «прорастут внутрь» [5];
- добавится поведение, в котором будут реализованы доселе дремавшие глубинные потребности личности, т. е. реализуются ее свернутые потенциалы.

Таким образом, стремление найти поддержку своей идентичности в отношениях с любящим и любимым человеком — естественное побуждение личности, реализуемое в поиске партнера и последующем возможном заключении брака. Рассмотрение претендентов с точки зрения их соответствия статусным ожиданиям, оценка их финансовых возможностей и пр. — все эти рациональные аспекты, обуславливающие принятие решения о вступлении в брак, также демонстрируют процесс «простраивания» идентичности, самоопределения в социальной структуре сообщества, выбор такого Мы, к которому готово присоединиться в перспективах своего развития Я.

Резюмируя, можно сказать, что потребность в браке и потребность в брачном партнере различаются. Доминирование последней над первой означает снижение ценности брака, супружества, и в наше время это не редкость. Повышение требований к качествам супруга, недовольство супругом и легко оформляющаяся готовность к разводу — свидетельства снижающейся ценности брака.

Брак — это только один из способов жить с Другим (могут восприниматься как более предпочтительные другие способы). Другой — это фактор, конкретизирующий характеристики состояния брака. Другой может быть заме-

нен, Другой «подбирается», чтобы со-бытие в браке обрело желаемые черты. Манипулирование Другими как партнерами в браке (каждый из которых входит в брачный союз со своей субъективной и объективной бытийной реальностью) также может служить иллюстрацией того поиска, который предпринимает личность, определяясь с образом своего Я, со своей идентичностью. Все сказанное раскрывает действенность поиска идентичности как мотива вступления в брак.

### **Библиографический список**

1. *Абульханова К. А., Славская А. Н.* Предисловие // Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003.
2. *Антонов А. И.* Микросоциология семьи. М.: ИНФРА-М, 2005.
3. *Брушлинский А. В.* Проблемы психологии субъекта. М.: Институт психологии РАН, 1994.
4. *Грицанов А. А., Можейко М. А.* Фуко Мишель // Большая философская энциклопедия. Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001.
5. *Мадди С.* Теории личности. Сравнительный анализ. СПб.: Речь, 2002.
6. *Ожигова Л. Н.* Гендерная идентичность личности и смысловые механизмы ее реализации: автореф. дис.... д-ра психол. наук. Краснодар, 2006.
7. *Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003.
8. *Рябикина З. И.* Личность и ее бытие в быстро меняющемся мире // Личность и бытие: теория и методология: материалы Всерос. науч.-практ. конф./под ред. З. И. Рябикиной и В. В. Знакова. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2003.
9. *Рябикина З. И.* Личность как субъект формирования бытийных пространств // Субъект, личность и психология человеческого бытия/под ред. В. В. Знакова, З. И. Рябикиной. М.: Институт психологии РАН, 2005.
10. *Рябикина З. И.* Субъектно-бытийный подход к изучению развивающихся личность противоречий // Психологический журнал. 2008. Т. 29, № 2.
11. *Рябикина З. И., Танасов Г. Г.* Субъектно-бытийный подход к личности и анализу ее со-бытия с другими (конструктивная версия постмодернистских настроений) // Человек. Сообщество. Управление. 2010. № 2.
12. *Тиводар А. Р.* Личность как субъект со-бытия в брачных отношениях: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Краснодар, 2008.
13. *Фоменко Г. Ю.* Личность как субъект бытия в экстремальных условиях: автореф. дис.... д-ра психол. наук. Краснодар, 2006.
14. *Шихи Г.* Возрастные кризисы. Проблемы личностного роста. СПб.: Ювента, 1999.
15. *Шпрангер Э.* Два вида психологии // Хрестоматия по истории психологии. М.: МГУ, 1980.
16. *Эрикссон Э.* Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996.

## ПОЛОРОЛЕВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ВНУТРЕННЕ НЕЗАВИСИМЫХ ЖЕНЩИН МОЛОДОГО И ЗРЕЛОГО ВОЗРАСТА

.....

Е. В. Кумыкова<sup>1</sup>

В работе рассматриваются особенности полоролевой идентичности внутренне независимых женщин молодого и зрелого возраста. Установлена связь внутренней независимости женщины с ее полоролевой идентичностью. Выявлено, что полоролевая идентичность внутренне независимой женщины зрелого возраста более интегрирована. Показано, что образы «мужчина», «женщина», «девушка», «юноша» у внутренне независимых женщин молодого и зрелого возраста отличаются разным содержанием и определяют специфику целостных образов «мужчина» и «женщина».

*Ключевые слова:* внутренняя независимость, полоролевая идентичность, интегрированность полоролевой идентичности, внутренние образы «Мужчина» и «Женщина».

The study examines the peculiar features of the sex — role identity of internally independent young and mature-aged women. Relation between women's internally independence and their sex — role identity was established. The internally independent mature-aged women has got higher degree of sex — role identity integrations. It was shown, the internally independent young and mature-aged women's images of «man», «woman», «young woman», «young man» has got different contents, which determine the «Man» and «Woman» complete images'specificity.

*Key words:* internally independence; sex — role identity; sex — role identity integrity; internal images «man» and «woman».

Начало исследований внутренней независимости личности было положено философами, работы которых посвящены тематике свободы воли (Спиноза, И. Кант, Г. Гегель, И. Фихте и др.). Они подчеркивали важность для эмпирически свободного человека познания, мышления, деятельности, рефлексии, выхода за границы Я, нравственности. Развитие этих идей можно найти в философии

---

<sup>1</sup> Кумыкова Елена Валентиновна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии управления Московского государственного института индустрии туризма. Эл. почта: kumykova@list.ru.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 10-06-00301а.

экзистенциализма (С. Кьеркегор, Ж. П. Сартр, М. Хайдеггер, К. Ясперс, А. Камю) и у представителей русской философской школы (Вл. Соловьев, Н. А. Бердяев, Н. О. Лосский, С. Л. Франк, С. А. Левицкий). Психологические исследования по данной проблеме, продолжив философскую традицию, сконцентрировались в большей мере на таких особенностях внутренне независимой личности, как характер, мотивы, потребности, идентичность, а также на взаимосвязи становления данного качества личности с особенностями взаимоотношения человека с родителями на разных стадиях онтогенеза (З. Фрейд, Э. Эриксон, Э. Берн, М. Эйнсворт, М. Малер, Б. Уайнхолд и Д. Уайнхолд, Э. Дэси и Р. Райан, С. Л. Рубинштейн, Л. С. Выготский, Д. А. Леонтьев, К. А. Абульханова-Славская, С. К. Нартова-Бочавер, Н. Е. Харламенкова и др.).

Существует множество научных философских и психологических взглядов, по-разному раскрывающих понятие внутренней независимости личности. Нами внутренняя независимость личности понимается как *эмпирическая свобода (чувство личной ответственности, умение управлять собой, способность делать осознанный самостоятельный, независимый выбор), которая организует автономность и целостность жизненного пути личности как субъекта жизнедеятельности.*

Независимость как стратегия поведения тесно связана с ее внутренними, т. е. личностными, основаниями, которые недостаточно изучены в рамках построения эксплицитных концепций независимости. Таким образом, обращение к данной теме обусловлено высокой значимостью изучаемой проблемы для психологии субъекта, а также наличием социально-психологического противоречия между активным включением женщины в деловую и политическую жизнь страны и существующими в обществе гендерными стереотипами, предписывающими женщине, в отличие от мужчины, не инструментальную, а экспрессивно-коммуникативную роль.

*Цель* данной работы — теоретическое обоснование и эмпирическое исследование психологических различий полоролевой идентичности внутренне независимых женщин молодого и зрелого возраста

Под полоролевой идентичностью в данной работе понимаются обусловленные биологическим полом паттерны сознательных и бессознательных взаимодействий с другими людьми [18, с. 276]. Полоролевую идентичность человека сложно рассматривать в качестве отдельной единицы анализа, вне связи с остальными составляющими идентичности, поскольку она строится на базе личностной идентичности и аккумулирует в себе ее проявления. Поэтому полоролевая идентичность испытуемых исследована в контексте более широкого поля личностной идентичности внутренне независимых женщин молодого и зрелого возраста.

В качестве *первой гипотезы* рассматривалось предположение о существовании связи между полоролевой идентичностью женщины и ее внутренней

независимостью. *Второй гипотезой* выступило предположение о том, что целостные образы «мужчина» и «женщина» у внутренне независимых женщин молодого и зрелого возраста содержательно различаются.

В качестве *испытуемых* выступили две группы женщин. Первая группа — 50 женщин в возрасте от 31 до 48 лет, средний возраст 35 лет. Из них 22% имеют среднее специальное медицинское образование, 78% — высшее образование. Среди женщин с высшим образованием 41% получили инженерно-экономическое образование, 31 — медицинское и 28% — психологическое. Вторая группа — 50 девушек в возрасте 19-27 лет. Средний возраст — 21 год. Из них 14% имеют высшее гуманитарное образование, 16 — среднее специальное, остальные 70% — незаконченное высшее техническое образование.

В работе использовались следующие *методики*.

1. 16-факторный личностный опросник Р. Кеттелла. Для контроля валидности результатов исследования, полученных с помощью опросника Р. Кеттелла, использовались экспертные оценки. В качестве экспертов выступили люди, хорошо знающие испытуемых. О каждой испытуемой дали сведения три эксперта.

2. Тематический апперцептивный тест (ТАТ) Г. Мюррея. В качестве основных показателей анализа были определены: герой (идентификация по полу, возрасту, единичная (с одним персонажем рассказа) или множественная (с несколькими персонажами)); потребности, цели, исход рассказа, конфликты, временная перспектива, позиция персонажа (отражающие жизненную позицию испытуемого), эмоции, мысли, основная тема были установлены в качестве дополнительных показателей, связанных с основными единицами анализа и представляющих ценность для интерпретации бессознательной сферы испытуемых.

3. Тест-опросник измерения уровня самоактуализации (САМОАА) Э. Шострома (адаптация Н.Ф. Калиной). Метод анкетирования применялся для сбора первичной информации об испытуемых: возрасте, образовании, семейном положении. Респондентам также предлагалось ответить на вопросы о степени эмоциональной привязанности к значимым людям. В качестве инструмента обработки данных эмпирического исследования использовался программный пакет «Statistica 6.0».

Для нахождения различий выборка была поделена на шесть групп в соответствии с показателями нижнего (33,33%) и верхнего (66,66%) тертилей. Первая группа — конформные женщины зрелого возраста с низкими показателями по фактору  $F_4$  ( $F_4 < 4,1$ ;  $n = 15$ ), вторая группа — женщины зрелого возраста со средними показателями по фактору «независимость» ( $4,1 \leq F_4 < 5,8$ ;  $n = 19$ ), третья группа — внутренне независимые женщины зрелого возраста с высокими показателями по фактору  $F_4$  ( $F_4 \geq 5,8$ ;  $n = 16$ ). Четвертая группа — кон-

формные молодые женщины с низким показателем фактора  $F_4$  ( $F_4 < 4,1$ ;  $n = 14$ ), пятая группа — молодые женщины со средними показателями по фактору «независимость» ( $4,1 \leq F_4 < 6,0$ ;  $n = 20$ ), шестая группа — молодые внутренне независимые женщины с высокими показателями по фактору  $F_4$  ( $F_4 \geq 6,0$ ;  $n = 16$ ). В дальнейшем проводились внутригрупповые сравнения между женщинами первой и второй, второй и третьей, а также между молодыми женщинами четвертой и пятой, пятой и шестой групп, однако в связи с дополнительностью этих результатов по отношению к цели исследования, в данной статье они будут описаны частично.

### Анализ результатов эмпирического исследования

*Личностные черты*, согласно утверждению Кеттелла, представляют собой относительно постоянные тенденции, обуславливающие предрасположенность поступать единообразно в различных обстоятельствах и с течением времени [24, с. 308], что, с нашей точки зрения, является проявлением личностной идентичности и согласуется с представлением об эго-идентичности Э. Эриксона как о «внутренней тождественности самому себе», уверенности индивида в том, что другие люди согласны с этой оценкой его тождественности и целостности [26].

*Группа женщин зрелого возраста.* По результатам корреляционного анализа выявлена прямая связь между показателями по шкале «автономность» (опросник САМОАЛ) и факторами  $E$  ( $r_s = 0,38$ ;  $p = 0,03$ , где  $r_s$  — коэффициент корреляции Спирмена;  $p$  — уровень значимости) и  $Q_2$  ( $r_s = 0,35$ ;  $p = 0,01$ ),  $Q_1$  ( $r_s = 0,47$ ;  $p = 0,00$ ). Достоверные различия между внутренне независимыми и конформными женщинами зрелого возраста обнаружены по фактору А «отзывчивость» ( $Me_1 = 8$ ;  $Me_3 = 4,5$ ;  $U = 58$ ;  $p = 0,01$ , где  $Me_1$  — показатели медианы в первой группе,  $Me_3$  — показатели медианы в третьей группе,  $U$  — критерий Манна — Уитни,  $p$  — уровень значимости), фактору  $E$  «доминантность» ( $Me_1 = 6$ ;  $Me_3 = 7$ ;  $U = 44$ ;  $p = 0,00$ ), фактору  $Q_1$  «радикализм» ( $Me_1 = 5$ ;  $Me_3 = 7$ ;  $U = 44$ ;  $p = 0,00$ ) и фактору  $Q_2$  «самодостаточность» ( $Me_1 = 3$ ;  $Me_3 = 6$ ;  $U = 2$ ;  $p = 0,00$ ) опросника Кеттелла.

*Группа молодых женщин.* Эмпирический анализ данных с использованием критерия Спирмена показал, что в группе молодых женщин существуют корреляционные связи между показателями по шкале «автономность» (опросник САМОАЛ) и такими психологическими чертами женщин, как: «недоверчивость» ( $L+$ ) ( $r_s = 0,42$ ;  $p = 0,00$ ), «самодостаточность» ( $Q_2+$ ) ( $r_s = 0,67$ ;  $p = 0,00$ ), ( $Q_1+$ ) «радикализм» ( $r_s = 0,47$ ;  $p = 0,00$ ). Молодые внутренне независимые женщины отличаются от конформных молодых женщин обособленностью ( $A -$ ) ( $Me_4 = 6$ ;  $Me_6 = 4$ ;  $U = 10$ ;  $p = 0,00$ ), менее выраженными показателями интеллекта ( $B-$ ) ( $Me_4 = 7$ ;  $Me_6 = 6$ ;  $U = 19$ ;  $p = 0,00$ ), более низкой эмоциональной устойчивостью ( $C-$ ) ( $Me_4 = 8$ ;  $Me_6 = 5$ ;  $U = 16$ ;  $p = 0,00$ ), недоверчивостью ( $L+$ ) ( $Me_4 = 4,5$ ;

$Me_6 = 8; U = 48; p = 0,01$ ), радикализмом (Q1+) ( $Me_4 = 5; Me_6 = 6; U = 53; p = 0,04$ ), самодостаточностью (Q2+) ( $Me_4 = 2; Me_6 = 6; U = 3; p = 0,00$ ).

*Сравнение внутренне независимых женщин молодого и зрелого возраста.* Внутренне независимые женщины зрелого возраста (3-я группа) отличаются от молодых женщин (6-я группа) более развитым интеллектом (В+) ( $Me_3 = 9; Me_6 = 6; U = 41; p = 0,00$ ), выраженной социальной смелостью (Н+) ( $Me_3 = 7; Me_6 = 4,5; U = 32; p = 0,00$ ) и большей доверчивостью (L-) ( $Me_3 = 4,5; Me_6 = 8; U = 53; p = 0,01$ ). Кроме различий, эмпирический анализ выявил сходство в гендерной специфике личностных черт внутренне независимых женщин молодого и зрелого возраста. Присущие этим женщинам черты (по данным теста Кеттелла), такие как доминантность, самодостаточность, радикализм, отчужденность, можно считать традиционно маскулинными [17].

Далее определяются различия в сфере идентичности между женщинами всех выделенных нами групп с учетом результатов проективного теста ТАТ.

*Группа женщин зрелого возраста.* Непараметрический анализ результатов ТАТ показал, что между конформными (1-я группа) и внутренне независимыми (3-я группа) женщинами существуют значимые различия по степени идентификации с несколькими персонажами ( $Me_1 = 4; Me_3 = 3; U = 66; p = 0,03$ ). Установлена также прямая положительная связь между идентификацией с одним лицом и фактором  $F_4$  «независимость» опросника Р. Кеттелла ( $r_s = 0,34; p = 0,015$ ). Внутренне независимые женщины зрелого возраста, в отличие от конформных женщин, достоверно реже идентифицируются с человеком противоположного пола ( $Me_1 = 8; Me_3 = 5; U = 36; p = 0,00$ ). Ранговый корреляционный анализ выявил обратную связь между внутренней независимостью женщины зрелого возраста и идентификацией с персонажем «мужчина» ( $r_s = -0,47; p = 0,00$ ), а также с персонажами мужского пола разного возраста ( $r_s = -0,50; p = 0,00$ ), что подтверждает гипотезу о связи внутренней независимости женщины зрелого возраста с ее полоролевой идентичностью.

*Группа молодых женщин.* В молодом возрасте внутренне независимые женщины (6-я группа) по сравнению с конформными женщинами (4-я группа) достоверно чаще идентифицируются с мужскими персонажами зрелого возраста в рассказах ТАТ ( $Me_4 = 2,5; Me_6 = 4; U = 31; p = 0,00$ ), а также достоверно реже осуществляют множественную идентификацию, т.е. идентификацию одновременно с несколькими персонажами в одном рассказе ( $Me_4 = 3,5; Me_6 = 2; U = 31,5; p = 0,00$ ). Корреляционный анализ данных показал, что чем более внутренне независима молодая женщина, тем чаще она идентифицируется с мужским персонажем зрелого возраста ( $r_s = 0,40; p = 0,03$ ), что подтверждает гипотезу о связи внутренней независимости молодой женщины с ее полоролевой идентичностью. Кроме того, у такой молодой женщины снижаются потребности в опеке ( $r_s = -0,40; p = 0,03$ ), в поиске помощи ( $r_s = -0,55; p = 0,00$ ) и одновременно возрастают потребности в демонстрации ( $r_s = 0,42; p = 0,00$ )

и в уничижении ( $r_s = 0,47; p = 0,01$ ). Рост же потребности в демонстрации напрямую связан с увеличением количества идентификаций с женщиной зрелого возраста ( $r_s = 0,4; p = 0,04$ ), а также с общим количеством идентификаций с персонажами женского пола в целом ( $r_s = 0,4; p = 0,04$ ).

Итак, исследование показало, что по данным ТАТ, молодые внутренне независимые женщины, достоверно реже осуществляют множественную идентификацию с героями рассказа по сравнению с конформными молодыми женщинами. Одновременно с ростом внутренней независимости молодой женщины происходит увеличение количества идентификаций с мужчинами зрелого возраста, усиливается аутоагрессия. Все перечисленное свидетельствует в пользу недостаточной интегрированности личностной идентичности молодых внутренне независимых женщин.

*Сравнение внутренне независимых женщин молодого и зрелого возраста.* Исследование выявило, что женщины зрелого возраста (3-я группа) по сравнению с женщинами молодого возраста (6-я группа) достоверно чаще идентифицируются с персонажем «женщина» ( $Me_3 = 9; Me_6 = 4; U = 30; p = 0,00$ ) и общим количеством персонажей женского пола ( $Me_3 = 12; Me_6 = 9; U = 36; p = 0,00$ ). Для уточнения представлений об образах героев мужского и женского пола, с которыми идентифицируются внутренне независимые женщины молодого и зрелого возраста, и описания различий был проведен корреляционный анализ. Для этого система анализируемых показателей была дополнена анкетными данными испытуемых, а также данными теста САМОАЛ.

У женщин зрелого возраста (3-я группа) идентификация с персонажем «женщина» имеет множественную положительную корреляцию с общим количеством идентификаций с женскими персонажами ( $r_s = 0,75; p = 0,00$ ), потребностью в опеке ( $r_s = 0,66; p = 0,01$ ), семейной темой ( $r_s = 0,62; p = 0,01$ ) и действенной жизненной позицией героя ( $r_s = 0,60; p = 0,02$ ) в рассказах ТАТ. Отрицательные корреляции по названному признаку получены с общим количеством идентификаций с мужскими персонажами ( $r_s = -0,54; p = 0,04$ ).

У молодых женщин (6-я группа) идентификация с персонажем «женщина» положительно коррелирует с фактором Q2 опросника Р. Кеттелла ( $r_s = 0,64; p = 0,01$ , когнитивным контролем ( $r_s = 0,60; p = 0,02$ ), личной темой рассказов ( $r_s = 0,58; p = 0,02$ ) и общим количеством идентификаций с женским полом ( $r_s = 0,69; p = 0,04$ ) (по данным ТАТ). Отрицательные корреляции у молодых внутренне независимых женщин найдены между идентификацией с персонажем «женщина» и следующими показателями: удовлетворенностью работой ( $r_s = -0,57; p = 0,03$ ) (анкетные данные), фактором F опросника Р. Кеттелла ( $r_s = -0,68; p = 0,01$ ), семейной темой рассказов ( $r_s = -0,71; p = 0,00$ ), идентификацией с пожилой женщиной ( $r_s = -0,68; p = 0,01$ ), множественной идентификацией ( $r_s = -0,55; p = 0,03$ ), бессознательной потребностью в порядке ( $r_s = -0,54; p = 0,04$ ) (по данным ТАТ). Согласно корреляционному анализу, полученному

на основе данных анкетирования, чем более независима молодая женщина, тем чаще она выбирает свою мать в качестве лица, оценивающего испытуемую как наименее эмоционально близкого себе человека ( $r_s = -0,58; p = 0,02$ ).

Следовательно, образ «женщина» у независимых женщин зрелого возраста более феминен, а у молодых независимых женщин содержит черты, традиционно считающиеся маскулинными.

По идентификации с персонажами мужского пола различий между независимыми женщинами молодого и зрелого возраста не выявлено. В то же время внутренние образы мужчин у женщин третьей и шестой групп имеют разное содержание. У внутренне независимых женщин зрелого возраста идентификация с героем рассказов «мужчина» имеет прямую положительную связь с фактором А опросника Кеттелла ( $r_s = 0,59; p = 0,02$ ), положительным исходом рассказа ( $r_s = 0,54; p = 0,04$ ), идентификацией с персонажем «пожилая женщина» ( $r_s = 0,59; p = 0,02$ ) и обратную связь с замещающими фантазиями при достижении цели ( $r_s = -0,60; p = 0,02$ ), отсутствием исхода рассказа ( $r_s = -0,58; p = 0,03$ ).

Корреляционный анализ, как было отмечено ранее, показал, что существует прямая связь между внутренней независимостью молодой женщины и количеством идентификаций с персонажем «мужчина» ( $r_s = 0,40; p = 0,03$ ). Положительные корреляции по идентификации с персонажем «мужчина» у женщин шестой группы получены по факторам М ( $r_s = 0,59; p = 0,02$ ) и N ( $r_s = 0,58; p = 0,02$ ) опросника Кеттелла, потребностью в познании ( $r_s = 0,52; p = 0,05$ ), социальной темой рассказов ТАТ ( $r_s = 0,54; p = 0,04$ ), отсутствием исходов рассказа ( $r_s = 0,80; p = 0,00$ ), наличием конфликтов общего плана ( $r_s = 0,54; p = 0,04$ ), степени разрешаемости конфликтов ( $r_s = 0,63; p = 0,01$ ).

Идентификация с персонажем «мужчина» у молодых независимых женщин отрицательно коррелирует с удовлетворенностью взаимоотношениями с родителями ( $r_s = -0,56; p = 0,03$ ), показателями по шкале ценности самоактуализирующейся личности ( $r_s = -0,59; p = 0,03$ ), фактором Q<sub>2</sub> опросника Кеттелла ( $r_s = -0,53; p = 0,02$ ), общим количеством эмоциональных рассказов ( $r_s = -0,36; p = 0,03$ ), идентификацией с персонажем «девушка» ( $r_s = -0,68; p = 0,01$ ), идентификацией с общим количеством женских персонажей ( $r_s = -0,71; p = 0,00$ ), бессознательными потребностями в аффилиации ( $r_s = -0,53; p = 0,04$ ), агрессии ( $r_s = -0,52; p = 0,04$ ), понимании ( $r_s = -0,57; p = 0,03$ ).

Молодые внутренне независимые женщины выбирают в виде объекта идентификации такие персонажи, как «девушка» ( $Me_3 = 1,5; Me_6 = 3; U = 64; p = 0,02$ ) и «юноша» ( $Me_3 = 0; Me_6 = 1; U = 68; p = 0,02$ ), достоверно чаще, чем женщины зрелого возраста. Кроме того, показатели идентификации с персонажем «девушка» у молодых женщин положительно коррелируют с фактором G опросника Кеттелла ( $r_s = 0,5; p = 0,04$ ), с потребностями в аффилиации ( $r_s = 0,8; p = 0,00$ ) и в чувственных впечатлениях ( $r_s = 0,7; p = 0,00$ ), положительным исходом рассказа ( $r_s = 0,59; p = 0,02$ ), созерцательной жизненной позицией ( $r_s = 0,55; p = 0,04$ ).

Отрицательные корреляции по идентификации с персонажем «девушка» получены с факторами L ( $r_s = -0,56; p = 0,03$ ), M ( $r_s = -0,52; p = 0,05$ ) и O ( $r_s = -0,57; p = 0,03$ ) опросника Кеттелла, ответственностью за себя ( $r_s = -0,75; p = 0,00$ ) (данные СБУ), идентификацией с героем-мужчиной ( $r_s = -0,68; p = 0,01$ ), общим количеством идентификаций с персонажами мужского пола ( $r_s = -0,72; p = 0,00$ ), потребностью в познании ( $r_s = -0,56; p = 0,03$ ), отсутствием исхода рассказа ( $r_s = -0,59; p = 0,02$ ), наличием конфликтов ( $r_s = -0,66; p = 0,01$ ).

Идентификация с персонажем «девушка» у внутренне независимых женщин зрелого возраста положительно коррелирует с фактором N ( $r_s = 0,06; p = 0,03$ ), социальной темой рассказов ( $r_s = 0,58; p = 0,03$ ), бессознательными потребностями в агрессии ( $r_s = 0,67; p = 0,01$ ) и порядке ( $r_s = 0,68; p = 0,01$ ), отрицательным содержанием цели ( $r_s = 0,55; p = 0,02$ ) и положительным исходом рассказа ( $r_s = 0,53; p = 0,04$ ). Обратные корреляции по данному показателю выявлены с фактором интеллекта В ( $r_s = -0,58; p = 0,02$ ), потребностью в опеке ( $r_s = -0,64; p = 0,01$ ), неопределенностью достижения цели ( $r_s = -0,65; p = 0,01$ ).

Показатели идентификации с персонажем «юноша» положительно коррелируют у испытуемых шестой группы с фактором E ( $r_s = 0,8; p = 0,00$ ) и фактором F ( $r_s = 0,7; p = 0,00$ ) опросника Кеттелла, с потребностью в отвержении ( $r_s = 0,6; p = 0,02$ ). Отрицательные корреляции по этому показателю найдены с личной темой в рассказах ТАТ ( $r_s = -0,52; p = 0,05$ ), чувственными потребностями ( $r_s = -0,52; p = 0,04$ ), потребностью в демонстрации ( $r_s = -0,62; p = 0,01$ ) и с удовлетворенностью отношениями с родителями ( $r_s = -0,64; p = 0,01$ ) (анкетные данные). У внутренне независимых женщин зрелого возраста идентификация с персонажем «юноша» имеет прямую положительную связь с социальной темой в рассказах ТАТ ( $r_s = 0,73; p = 0,00$ ) и факторами Q<sub>2</sub> ( $r_s = 0,62; p = 0,01$ ) и Q<sub>3</sub> ( $r_s = 0,55; p = 0,04$ ) опросника Кеттелла.

Итак, исследование показало что, внутренне независимые женщины зрелого возраста чаще идентифицируются с персонажем «женщина» и общим количеством персонажей женского пола по сравнению с внутренне независимыми молодыми женщинами. Молодые внутренне независимые женщины в качестве объектов идентификации достоверно чаще выбирают персонажей «девушка» и «юноша» по сравнению с женщинами третьей группы. По идентификации с персонажем «мужчина» достоверных различий между группами внутренне независимых женщин молодого и зрелого возраста не найдено.

Проведенный корреляционный анализ, а также данные ТАТ показали, что персонажи «женщина» и «мужчина», «девушка» и «юноша» делают определенный смысловой вклад в целостные образы «мужчина» и «женщина» и обладают у внутренне независимых женщин молодого и зрелого возраста разным содержанием, что подтверждает вторую гипотезу.

В отличие от молодых внутренне независимых женщин, в полоролевой идентичности независимых женщин зрелого возраста отсутствуют разнона-

правленные тенденции (внутренние конфликты), а все внутренние образы гармонично включены в их женское Я.

### **Обсуждение результатов эмпирического исследования**

При интерпретации результатов исследования учитывалось то, как женщина сама осознанно оценивает свои личностные качества (на основе тестов-опросников), а также ее бессознательные идентификации с персонажами женского и мужского пола (данные ТАТ).

Опираясь на данные ТАТ и придерживаясь теории аналитической психологии К. Юнга, согласно которой происходит расщепление внутренней идентичности на «Я, определяемое осознаваемым полом, и на осознаваемую в меньшей степени (или вовсе неосознаваемую) контрсексуальную Противоположность» [28, с. 331], а также теории объектных отношений (М. Кляйн, Д. Винникот, Д. Фернберн), рассмотрим особенности внутренних образов мужчин и женщин у независимых женщин молодого и зрелого возраста. Идентификация с персонажем «женщина» независимых женщин зрелого возраста сопряжена с внутренним образом человека, занимающего действенную жизненную позицию, опекающего, защищающего беспомощных, имеющего выраженный интерес к семейным взаимоотношениям. Внутренний образ «мужчина», присутствующий этим женщинам, содержит в себе черты отзывчивого, коммуникабельного, щедрого, открытого человека, в своей деятельности нацеленного на результат. Полученные данные согласуются с высказыванием У. Штейнберга о том, что «девочки, проявляющие позитивную андрогинность в сексуально-ролевом поведении, по всей вероятности, находились под влиянием обоих родителей. Их отцы были теплыми, хорошо относились к женскому полу и постоянно поощряли независимость и успех. Их матери с удовольствием работали и тоже поощряли независимость» [25]. Исследование показало, что чем более независима, самостоятельна, самодостаточна женщина зрелого возраста, тем реже она бессознательно идентифицируется с персонажами мужского пола. Представляется, что опыт отношений, основанных на эмоциональной близости и одновременном поощрении самостоятельности, позволил женщинам этой группы в детстве принять свою женскую идентичность, своевременно сепарироваться от матери, сформировать свою автономность. Впоследствии опыт теплых и доверительных отношений с родителями обоего пола, а также свойственная родителям активность жизненной позиции стали отправной точкой для включения в свое женское Я и в свою социальную роль широкого набора признаков и черт, в том числе и мужских. Надо отметить, что внутренне независимые женщины зрелого возраста в качестве объектов идентификации чаще выбирают женщин своего возраста, а степень их идентификации с девушками и пожилыми женщинами крайне мала (по данным ТАТ). Объектом их идентификации в основном становится один, а не несколько

персонажей. Все эти данные свидетельствуют о высокоразвитом чувстве эго-идентичности и интегрированности полоролевой идентичности независимых женщин этого возраста.

Рассмотрим особенности идентификации молодых внутренне независимых женщин. Молодые внутренне независимые женщины, стремясь действовать самостоятельно, автономно, бессознательно идентифицируются с лицами противоположного пола с неярко выраженными маскулинными чертами. Консолидация мужских стратегий поведения со своей женской идентичностью сопровождается чувством вины и усиливает тревожность, что способствует выбору в качестве альтернативы идентификации с личностью зрелой женщины. Именно в такой идентификации молодая женщина приобретает большинство тех качеств, которые делают ее внутренне независимой: самодостаточность, ответственность, выраженный когнитивный контроль. Процесс идентификации осложняется тем, что образ зрелой женщины, за которым, по данным ТАТ, угадывается материнская фигура, выглядит довольно холодным. Молодая внутренне независимая женщина с выраженной потребностью в демонстрации чаще выбирает свою мать в качестве лица, оценивающего испытуемую как наименее эмоционально близкого себе человека.

Рассмотрим различия в полоролевой идентичности между внутренне независимыми женщинами молодого и зрелого возраста. Согласно результатам сравнительного непараметрического анализа, между ними найдены достоверные различия по идентификации с персонажами «женщина», «девушка», «юноша».

Особенности идентификации с персонажем «женщина» испытуемых шестой группы описаны ранее. Женщины третьей группы достоверно чаще идентифицируются с персонажами женского пола разного возраста, отдавая предпочтение личности женщины зрелого возраста. По сравнению с молодыми внутренне независимыми женщинами образ женщины, сформированный бессознательным независимых женщин зрелого возраста, отличается большей фемининностью, ассоциируется, по данным ТАТ, с фигурой заботливой матери, которая в то же время занимает действенную жизненную позицию. Идентификация с персонажем «девушка» выявляет способность женщины зрелого возраста к дипломатии, организованности, уверенности в достижении цели, а идентификация с персонажем «юноша» характеризует ее как человека самодостаточного, независимого, ответственного, умеющего хорошо контролировать свои эмоции. В целом такие бессознательные идентификации говорят о принятии внутренне независимой женщиной зрелого возраста своей женской идентичности, что дает возможность, чувствуя себя женщиной, при необходимости проявлять активность, доминантность, самостоятельность, прямолинейность — черты характера, традиционно считающиеся мужскими. Кроме того, между самооценкой свой личности этими женщинами

по тестам-опросникам и внутренними объектами (по данным ТАТ) нет принципиального расхождения, что свидетельствует о консолидации Я женщины, в котором хорошо и гармонично интегрированы осознаваемые и бессознательные аспекты ее идентичности.

Молодые внутренне независимые женщины выбирают в виде объекта идентификации персонажи «девушка» и «юноша» достоверно чаще, чем внутренне независимые женщины зрелого возраста. Такой выбор обусловлен возрастными различиями испытуемых. Идентифицируясь с представительницами женского пола своего возраста, независимые молодые женщины приобретают такие черты, как ответственность, дисциплинированность, совестливость, доверчивость, покладистость, оптимизм, практичность, здравомыслие, стремление к дружеским контактам и к принятию. Одновременно посредством такой идентификации молодые внутренне независимые женщины становятся менее конфликтными, чаще используют созерцательную жизненную позицию, позитивно завершая свои рассказы. Кроме того, чем чаще эти женщины выбирают образ девушки, тем чаще такая идентификация бывает единичной. Как видно, образ такой полоролевой модели достаточно фемининен, позитивен и в целом привлекателен для становления эго-идентичности молодой женщины. Неудивительно, что идентификация с образом девушки у женщин шестой группы, по данным описательной статистики, стоит на втором месте после идентификации со зрелой женщиной. Однако, опираясь лишь на него, не решить задачу психологической сепарации.

Идентификация с героем-юношей помогает независимым молодым женщинам быть настойчивыми, напористыми, смелыми, жизнерадостными, энергичными, самоуверенными с выраженным стремлением к самоутверждению. Такое поведение согласуется с групповыми нормами, принятыми в молодежной среде, но одновременно сочетается у молодых внутренне независимых женщин с чувством вины. Можно предположить, что такое поведение женщин этой группы, хотя и служит задачам проявления личностной независимости, все же является компенсаторным.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие *выводы*.

Установлено, что полоролевая идентичность внутренне независимой женщины зрелого возраста более интегрирована. Такие женщины достоверно чаще идентифицируются с одним лицом и реже — с человеком мужского пола, принимают свою женскую идентичность, включая в нее маскулинные черты характера. В молодом возрасте внутренняя независимость женщины связана с конфликтом в сфере полоролевой идентичности, обусловленным разнонаправленными тенденциями: бессознательной идентификацией с мужчиной зрелого возраста и одновременно актуализированной потребностью в демонстрации себя в качестве зрелой независимой женщины.

Выявлено, что образы «мужчина», «женщина», «девушка», «юноша» у внутренне независимых женщин молодого и зрелого возраста различаются по содержанию и определяют специфику целостных образов «мужчина» и «женщина». Эта специфика сопряжена с особенностями интеграции психологических качеств и черт женской индивидуальности внутренне независимой женщины и бессознательных аспектов ее мужского начала в молодом и зрелом возрасте.

### Библиографический список

1. *Абульханова-Славская К. А.* Проблема определения субъекта в психологии // *Субъект действия, взаимодействия, познания.* М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001.
2. *Алешина Ю. Е., Волович А. С.* Проблемы усвоения ролей мужчины и женщины // *Вопросы психологии.* 1991. № 4.
3. *Бем С.* Линзы гендера: трансформация взглядов на проблему неравенства полов: пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2004.
4. *Бердяев Н. А.* О рабстве и свободе человека // *Опыт персоналистической философии.* Paris: YMCA-PRESS, 1939.
5. *Берн Ш.* Гендерная психология. М.: Прайм-Еврознак, 2004.
6. *Винникотт Д. В.* Разговор с родителями. М.: Класс, 1994.
7. *Боулби Дж.* Привязанность. М.: Гардарики, 2003.
8. *Выготский Л. С.* Собрание сочинений: в 6 т. М.: Педагогика, 1983. Т. 3: Проблемы развития психики.
9. *Знаков В. В.* Психология субъекта и психология человеческого бытия // *Субъект, личность и психология человеческого бытия.* М.: Институт психологии РАН, 2005.
10. *Кляйн М.* [и др.] Развитие в психоанализе/М. Кляйн, С. Айзек, Д. Райвер, П. Хайманн. М.: Академический Проект, 2001.
11. *Леонтьев Д. А.* Тематический апперцептивный тест. М.: Смысл, 1998.
12. *Маслоу А.* Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 1999.
13. *Нартова-Бочавер С. К.* Человек суверенный: психологическое исследование субъекта в его бытии. СПб.: Питер, 2008.
14. *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. СПб.: Питер, 1999.
15. *Рукавишников А. А., Соколова М. В.* Факторный личностный опросник Р. Кеттелла: метод. руководство. СПб: ИМАТОН, 2003.
16. *Русалов В. М., Гусева О. В.* Сокращенный вариант личностного опросника Кеттелла (8PF) // *Психологический журнал.* 1990. Т. 11, № 1.
17. *Смелзер Н.* Социология. М.: Феникс, 1994.
18. *Тайсон Ф., Тайсон Р. А.* Психоаналитические теории развития. М.: Когито-Центр, 2006.
19. *Фихте И. Г.* Сочинения: в 2 т. СПб.: Мифрилл, 1993.
20. *Фрейд З.* Психоанализ. Религия. Культура. М.: Владос, 1998.
21. *Фромм Э.* Бегство от свободы; Человек для себя. Минск: ООО «Попурри», 2000.

22. Харламенкова Н.Е. Самоутверждение подростка. М.: Институт психологии РАН, 2004.
23. Хорни К. Женская психология. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 1993.
24. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. 3-е изд. СПб.: Питер, 2007.
25. Штейнберг У. Круг внимания: клинические аспекты юнгианской терапии. М.: Институт общегуманитарных исследований, 1998.
26. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996.
27. Юнг К.Г. Сознание и бессознательное. М.: Академический Проект, 2007.
28. Янг-Айзендрат П. Пол и контрсексуальность: вклад Юнга и его последователей: Кембриджское руководство по аналитической психологии: пер. с англ. М.: Изд-во КДУ, 2007.
29. Deci E. L., Ryan R. M. Overview of self-determination theory: an organismic dialectical perspective // Handbook of self-determination research/edited by E. L. Deci and R. M. Ryan. Rochester: The University of Rochester Press, 2002.
30. Hmel B. A., Pincus A. X. The meaning of autonomy: on and beyond the interpersonal circumplex // Journal of personality, 2002. Vol. 70, № 3.
31. Kohlberg L. A cognitive-developmental analysis of children's sex-role concepts and attitudes // The development of sex differences. Stanford: Stanford University Press, 1966.
32. Mahler M. On Human Symbiosis and Vicissitudes of Individuation. New York: International University Press, 1968.
33. Ryan R. M., Deci E. L. Autonomy is no illusion // Handbook of Experimental Existential Psychology/J. Greenberg, S.L. Koole, T. Pyszczynski (eds.). New York: The Guilford Press, 2004.
34. Sheldon K.M. Self-concordance model of healthy goal striving: when personal goal correctly represent the person // Handbook of self-determination research/edited by E. L. Deci and R. M. Ryan. Rochester: The University of Rochester Press, 2002.

## ТЕМПОРАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ СУБЪЕКТА

В. А. Толочек, В. Г. Денисова, Н. И. Журавлева<sup>1</sup>

На моделях деятельности государственных служащих, менеджеров коммерческих компаний и частных охранников рассматривается профессиональное становление субъекта (ПСС). Выделяются темпоральные характеристики феномена ПСС: макроциклы (эволюция субъекта в масштабе карьеры в целом), мезоциклы (ПСС в период работы в данной организации) и микроциклы (ПСС в период работы на одном рабочем месте). Анализируется роль индивидуально-психологических особенностей субъектов (согласно тесту ММПИ) и факторов среды в успешности ПСС.

*Ключевые слова:* профессиональное становление, субъект, темпоральные характеристики, макроциклы, мезоциклы, микроциклы карьеры.

By an example of such occupations as government employees, business managers and private security guards we get to analyze subject's professional career (PCS). There are few temporal characteristics which are also essential features of PCS phenomenon: macro-cycles (subject's evolution within his career), meso-cycles (PCS for the period of working in certain organization) and micro-cycles (PCS for the period of working at same place of occupation). The extent of influence from environment and individual and psychological characteristics of a Subject (according to MMPI test results) are analyzed.

*Key words:* professional formation, subject, temporal characteristics, macro-cycles, meso-cycles, micro-cycles of career.

В работах Б.Г. Ананьева, К.А. Абульхановой-Славской, А.Г. Асмолова, А.В. Брушлинского, И.А. Джидарьян, Ю.П. Поваренкова, А.В. Петровского,

<sup>1</sup> Толочек Владимир Алексеевич – доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Лаборатории психологии способностей и ментальных ресурсов им. В.Н. Дружинина Института психологии РАН. Эл. почта: tolochekva@mail.ru.

Денисова Вероника Геннадьевна – аспирант Международного славянского института (Москва). Эл. почта: veronikadeny@gmail.com.

Журавлева Наталья Ирековна – аспирант Международного славянского института (Москва). Эл. почта: n.zhuravleva2009@yandex.ru.

Исследование выполнено в рамках гранта РГНФ № 11-06-0081 «Сопряженная профессиональная карьера субъекта».

В. А. Петровского, С. Л. Рубинштейна выделяются следующие аспекты становления человека как субъекта: *образ жизни, жизненный путь, жизненная позиция* человека как *активного субъекта* и как личности. Но *время* как детерминанта обсуждаемых процессов, как их измерение, как контекст их развития чаще остается за пределами внимания ученых.

Согласно положениям современной акмеологии, процессы и условия достижения человеком вершины своего развития (акме), гармоничная жизнь и полнота самореализации в разных жизненных сферах, достижение высшего профессионализма в труде, все позитивные линии онтогенеза возможны лишь при определенном социальном и психологическом контекстах. Достижение *акме* может происходить где-то *в середине жизненного пути* человека при условии и в *процессе* его становления как *профессионала и активного субъекта* своей жизнедеятельности. Однако ни психологические механизмы, ни хронологические границы никем нигде и никогда не упоминаются. Обсуждение феномена акме ограничивается постулированием существования разных акме-условий, которые при определенных обстоятельствах могут становиться акме-факторами, т. е. детерминантами личностного и профессионального развития человека.

В наших исследованиях проблема профессионального становления субъектов (ПСС) и темпоральных характеристик ПСС рассматривается в плоскости, определяемой двумя координатными осями: закрытая/открытая кадровая политика (открытый/закрытый тип организации, прозрачная/непрозрачная кадровая политика и т. д.) и высота профессиональной иерархии (количество должностных позиций, которые может занимать человек в процессе своего профессионального продвижения). Среди условий ПСС мы выделяем «контексты» как потенциальные условия реальной среды жизнедеятельности людей — социальную макросреду, мезосреду и микросреду. Соответственно условиям социальной макро-, мезо- и микросреды можно выделять макро-, мезо- и микроциклы профессионального становления субъекта [5; 7].

### **1. Макроциклы эволюции субъекта (циклы эволюции на протяжении всей профессиональной карьеры)**

Нами сделана попытка, моделируя лонгитюдные исследования, изучить хронологию профессиональной эволюции субъекта, вероятных детерминант феномена ПСС и сопряженных с ним эффектов становления субъекта. Базовый метод исследования был назван *квазидиагностикой* [1; 3; 6]. Профессионально и социально зрелые люди привлекались нами не в качестве бесправных испытуемых, а в качестве экспертов динамики составляющих профессионализма, во-первых, своих коллег и, во-вторых, своей собственной биологической, психической и профессиональной эволюции. Оценивались психологические качества, способности, мета-когнитивные способности, профессиональные

знаний, компетентность, индивидуальные стили деятельности и др. на протяжении всей профессиональной карьеры в 5-летних интервалах от 20 до 65 лет. Динамика эволюции экспертов до их актуального возраста оценивалась как *ретроспектива*, последующая динамика — как *перспектива*, как прогноз профессиональной эволюции. Диапазон самооценок и экспертных оценок по большинству признаков, отражаемых 9-балльными шкалами, колебался от 0-2 до 7-8 баллов, т. е. охватывал от 56 до 100% предложенного испытуемым интервала. Статистически значимые различия между самооценками субъектов и их оценками своих коллег не выявлены; отдельные оценки субъектов разного пола, возраста, опыта также не имеют статистических различий. Используемые методики имели удовлетворительную конструкционную и содержательную валидность и тест-ретестовую надежность ( $r = 0,6-0,8$ ) по большинству переменных [1; 3; 6]. Экссесс и асимметрия большинства переменных чаще были в пределах  $[1, 0]$ ; лишь на старте и на финише профессиональной карьеры, т. е. в 20-25 и 55-66 лет, эти параметры чаще были в пределах  $[1, 1-2, 0]$ , что содержательно объяснимо и считается допустимым для признания эмпирических данных как нормально распределенных и позволяющих формулировать научные гипотезы [2].

Результаты исследований проиллюстрируем на примере трех профессиональных групп: государственных служащих (228 чел. в возрасте от 25 до 65 лет) — закрытая кадровая политика и высокая профессиональная иерархия; менеджеры частных компаний (111 чел. в возрасте от 24 до 62 лет) — открытая кадровая политика и высокая профессиональная иерархия; частных охранников (65 чел. в возрасте от 24 до 58 лет) — открытая кадровая политика и низкая профессиональная иерархия. В каждой профессиональной группе различались подвыборки лиц, занимающих более высокие, «элитные» должности и соответственно более высокие профессиональные и социальные позиции, и лиц, занимающих низовые должности, своего рода массовые профессии. В выборке государственных служащих различались «высокие руководители» (16 чел., заместители министра и начальники департаментов), «руководители» (40 чел., занимающие должности заместителя и начальника отдела) и «специалисты» (171 чел. — специалисты, ведущие и главные специалисты); в выборке менеджеров — топ-менеджеры (39 чел., директора и генеральные директора), «руководители» (29 чел. — руководители подразделений и групп) и «специалисты» (43 чел., занимающие низовые должности в формальной структуре организаций); в выборке частных охранников — «профессиональная элита» (33 чел., специализирующиеся в престижной и высокооплачиваемой «охране физических лиц», или проще — «телохранители») и «профессиональная база» (32 чел., работающие в основной и массовой «физической охране объектов», т. е. обычные охранники на объектах). В выборках госслужащих и менеджеров также различались подвыборки лиц с успешной социализацией (состоящие

в браке, имеющие детей) и лиц с неполной социализацией (не состоящие в браке, не имеющие детей).

Обобщая данные серии исследований, можно констатировать: из усреднённых оценок экспертами других людей и собственной эволюции следует, что динамика разных составляющих профессионализма субъекта имеет три фазы: роста до 35-45 лет, стабилизации в интервале 35-55 лет, угасания после 50-55 лет. Стандартные отклонения характеризуются динамикой их уменьшения до минимума к 35-45 годам по всем составляющим, а затем выраженным их увеличением к завершению карьеры. Диапазоны субъективных оценок (минимальные — максимальные) также уменьшаются к середине профессиональной карьеры. Очевидно, в середине профессиональной карьеры людей происходят процессы своеобразной социальной, профессиональной «*стандартизации*» — стабилизации навыков, качеств, сформированных психологических систем и т. п. После 35-45 лет динамика индивидуального развития субъектов *разделяется, расщепляется*, у одних продолжают процессы развития, у других они стабилизируются, у третьих инволюционируют. *Дельта генеза* — различия в интенсивности и направлении динамики развития субъекта на оцениваемом возрастном этапе — приближается к нулю к 35-45 годам и далее становится отрицательной. *Синхронизация систем* — число и теснота корреляций состояния психологической системы с другими системами — в каждом возрастном интервале от 20 до 65 лет различна. Наиболее тесные корреляции ( $r = 0,33-0,70$ ) имеют место в возрастном диапазоне 35-45 лет. При *дифференцированном подходе* (анализе данных в разных подгруппах: а) специалистов и руководителей; б) лиц с успешной социальной реализацией и лиц, не состоящих в браке, не имеющих детей; в) лиц, различающихся по социальному статусу, специализации и уровню профессионализма; г) мужчин и женщин; д) представителей более и менее престижных специализаций) выделены большие или меньшие различия по всем пяти используемым нами статистическим критериям (средним, стандартным отклонениям, диапазонам оценок, дельте генезиса, синхронизации систем). Выделены эффекты ПСС: разные возрастные пики синхронизации систем у мужчин и женщин, руководителей и специалистов, представителей разных специализаций; смещение пиков эволюции сложных психологических систем к более позднему возрасту на 5-10 лет у руководителей в сравнении со специалистами; смещение пиков эволюции сложных психологических систем к более позднему возрасту на 5-10 лет у профессиональной «элиты» (например, у «телохранителей» по сравнению с объектовыми охранниками); двойные пики у специалистов и женщин (иначе — наличие выраженных профессиональных спадов и кризисов в начале профессиональной карьеры); более оптимальная эволюция ПСС у социально реализованных (имеющих семью и детей). Эмпирические данные, полученные на выборках менеджеров и частных охранников, представлены в табл. 1-3; данные, полученные на выборке государственных служащих, обсуждались раньше [4, 8].

Таблица 1

## Социально-демографические характеристики сотрудников коммерческих компаний

Факторы социальной среды	Подгруппы в целом						Концентрированные подгруппы			
	Топ-менеджеры		Руководители		Менеджеры		Топ-менеджеры		Менеджеры	
	χ	δ	χ	δ	χ	δ	χ	δ	χ	δ
Пол	0,51	0,51	0,55	0,51	0,33	0,48	0,53	0,51	0,36	0,49
Возраст	40,1	8,5	41,2	9,3	34,2*	7,0	43,1	7,14	38,8*	5,74
Брак	0,84	0,37	0,79	0,41	0,46*	0,51	0,86	0,35	0,59*	0,50
Семейный стаж	15,2	10,22	15,1	10,63	6,9*	7,43	17,4	9,64	9,58*	8,17
Наличие детей	1,49	0,79	1,10	0,94	0,85*	0,89	1,64	0,76	1,05*	0,89

*Примечание:* здесь и далее используются следующие обозначения: χ — средние; δ — стандартные отклонения; \* — различия статистически значимы. Топ-менеджеры — 39 чел., руководители (среднего и низового звена) — 29, менеджеры — 43 чел.; концентрированные выборки: топ-менеджеры — 22, менеджеры — 36 чел.

Согласно нашим данным, если у объектовых охранников пик профессионализма приходится на 35-40 лет, у «телохранителей» — на 40-45, у госслужащих-специалистов — на 40-50, у менеджеров — на 45-55 лет, то у госслужащих-руководителей — на 50-55 лет и у топ-менеджеров — на 50-55 лет. Таким образом, есть основания констатировать факты разной протяженности *макроциклов* профессиональной карьеры (ПК) в разных профессиях, а также у субъектов разных специализаций, занимающих разные должностные позиции. Разные условия социальной среды и полнота социализации (состояние в браке, наличие детей) также выступают детерминантой макроциклов профессиональной карьеры (см. табл. 1 и 2).

## 2. Мезоциклы эволюции субъекта (периоды работы в организации, в рамках одной специализации)

88 квалифицированных частных охранников («офицеров» 1-й и 2-й категории, т. е. лиц, имеющих лицензию и работающих в организации не менее 1 года) были обследованы (ММРІ и др.) во время ежегодной аттестации сотрудников ЧОП. В течение одного календарного года 24 чел. из числа обследованных были уволены за дисциплинарные нарушения или уволились по собственному желанию. В течение второго года были уволены еще 22 чел. Ретроспективное сопоставление диагностических характеристик работающих и уволенных по-

Таблица 2

Зависимость между должностной позицией и оценками менеджерами коммерческих компаний роли разных факторов социальной среды в их профессиональном становлении

Факторы социальной среды	Подгруппы в целом						Концентрированные подгруппы			
	Топ-менеджеры		Руководители		Менеджеры		Топ-менеджеры		Менеджеры	
	χ	δ	χ	δ	χ	δ	χ	δ	χ	δ
Отец	4,8	2,98	4,6	2,72	4,3	2,32	5,3	2,87	4,5	2,15
Мать	5,3	2,32	5,0	2,39	5,4	1,92	5,5	2,06	5,8	1,81
Братья и сестры	2,1	2,37	1,8	2,32	1,2	1,88	2,1	2,47	0,9*	1,45
Родственники	2,9	2,80	1,4	2,32	1,4*	1,63	3,0	3,00	1,1*	1,48
Друзья	3,4	2,62	2,5	2,64	3,0	2,47	3,5	2,71	3,4	2,82
Женщины	2,6	2,33	2,3	2,69	2,7	2,45	2,8	2,41	2,5	2,37
Мужчины	4,1	2,84	3,1	3,17	3,0	2,44	4,3	2,38	2,7*	2,47
Супруги	3,8	2,95	3,1	2,77	2,1*	2,44	3,7	2,89	2,3	2,65
Дети	2,2	2,68	1,9	2,70	1,7	2,45	2,1	2,70	2,1	2,78
Руководители	4,8	2,22	4,7	2,60	3,7*	2,35	4,9	2,11	3,3*	2,16
Профессиональные группы	4,1	2,42	4,7	2,52	3,8	2,21	4,3	2,38	3,6	2,06
Ситуации	4,2	2,79	3,7	2,66	4,1	2,27	4,0	2,73	4,4	2,13
Наука	3,5	2,47	3,6	2,80	2,5	2,28	3,3	2,53	2,8	2,42
Искусство	2,5	2,41	2,2	2,55	2,0	1,86	2,3	2,45	1,9	1,79
Религия	2,35	2,53	2,3	3,03	1,3*	1,69	2,1	2,38	1,4	1,91
Среднее	3,5		3,1		2,9		3,5		3,0	

казало, что есть выраженная зависимость карьеры охранников в организации, работающих в одной специализации, или мезоциклов профессиональной карьеры, от степени выраженности психологических особенностей субъектов.

Первым качественным критерием «Карьера» был избран факт работы в компании более 1 года после нашего обследования. Вторым критери-

Таблица 3

Зависимость между должностной позицией и оценками менеджерами коммерческих компаний динамики их профессионального становления в разном возрасте

Возраст, лет	Подгруппы в целом						Концентрированные подгруппы			
	Топ-менеджеры		Руководители		Менеджеры		Топ-менеджеры		Менеджеры	
	$\chi$	$\delta$	$\chi$	$\delta$	$\chi$	$\delta$	$\chi$	$\delta$	$\chi$	$\delta$
20	2,8	1,99	2,7	1,89	2,5	1,92	2,9	2,03	2,5	1,57
25	4,4	1,69	3,7	1,60	3,7	1,75	4,5	1,58	3,6	1,82
30	5,6	1,41	4,8	1,58	5,0	1,88	5,7	1,30	4,7*	1,99
35	6,2	1,23	5,7	1,51	5,8	1,51	6,4	1,12	5,5*	1,65
40	6,8	0,99	6,2	1,43	6,6	1,27	7,0	0,91	6,3*	1,36
45	7,2	0,79	6,7	1,17	6,8*	1,11	7,3	0,73	6,6*	1,26
50	7,5	0,63	6,8	1,23	6,8*	0,92	7,5	0,61	6,8*	0,99
55	7,5	0,70	6,8	1,06	6,7*	0,92	7,5	0,70	6,7*	0,84
60	7,0	0,75	6,7	1,09	6,1*	1,13	7,0	0,72	5,9*	1,23
65	6,6	0,98	6,5	1,38	5,4*	1,07	6,5	0,94	5,2*	1,11
Среднее	6,2		5,7		5,5		6,2		5,4	

ем «Перенапряжение» стали: а) величина, равная или превосходящая 71 тен по любой из 10 диагностических шкал (не считая коррекционных шкал), как это принято в клинической диагностике; б) величина, равная или превосходящая 67 тен по двум и более из 10 диагностических шкал (это эмпирически выделенный критерий на основании качественного анализа диагностических данных, подтвержденный количественным анализом).

В целом у 24 уволенных (27% от общего состава обследованных) констатировалось: «перенапряжение» — у 20 чел. (22%); «норма» — у 4 (5%). Среди 64 продолжающих работать в компании в течение календарного года «перенапряжение» имело место у 7 чел. (8%), «норма» констатировалась у 57 (65%). Если эмпирические данные представить иначе, приняв состав каждой подгруппы за 100%, у уволенных баланс «перенапряжение»/«норма» составляет 20 чел. (83%) к 4 (17%); у еще работающих в компании — 7 (11%) к 57 (89%). Согласно критерию  $\chi$ -квадрат различие статистически значимо ( $p < 0,001$ ). Значимых различий между уволенными по возрасту, стажу работы, квалификации не было.

Показатель «Карьера» (работа в компании более 1 года после нашего обследования) отрицательно коррелирует с показателем «перенапряжение» (— 0,623,  $p < 0,001$ ) и значимо ( $p < 0,05$  и  $p < 0,01$ ) отрицательно коррелирует с тремя шкалами (2, 4, 5).

Далее выборка (88 чел.) делилась на три части. Для сопоставления данных трех подгрупп: «Короткая карьера» (24 чел., уволенные в течение одного года), «Прерванная карьера» (22 чел., уволенные в течение второго года) и «Прологнированная карьера» (22 «ветерана», работавших в компании более двух лет после обследования), привлекались разные методы параметрической статистики (корреляционный, факторный, кластерный, дискриминантный анализ). По результатам анализа имеет место выраженная зависимость значений по шкалам ММРІ и продолжительности ПК охранников в организации.

Психическое перенапряжение частных охранников, выявленное в начальный период их работы в компании, вероятно, выступает если не решающим, то весомым фактором их увольнения из организации, нарастает диффузно и тотально в отношении разных психических свойств (диагностируемых шкалами ММРІ), отличаясь при этом выраженной межиндивидуальной вариативностью. При явной индивидуальной вариативности тем не менее выделяется специфический симптомокомплекс «перенапряжение — короткая/прерванная карьера»).

### **3. Микроциклы эволюции субъекта (периоды работы в одной организации, в рамках одной специализации на одном рабочем месте)**

Исследование состояло в привлечении 3 экспертов — начальника службы охраны ЧОП (частного охранного предприятия) и двух его заместителей к оценке по 9-балльной шкале (от 0 до 8 баллов) успешности работы на одном рабочем месте 28 квалифицированных частных охранников («офицеров» 2-й категории, т. е. лиц, имеющих лицензию и работающих в организации не менее 1 года). Оценивалась успешность работы охранников в интервале от 1 до 24 мес. (определяемая по наличию/отсутствию замечаний заказчика и проверяющих, отсутствию опозданий на работу и других нарушений должностных инструкций и трудовой дисциплины) на отдаленных от главного офиса объектах, охраняемых 1-2 сотрудниками в смене. На разных объектах время работы разных охранников было различным — от 6 до 24 мес. Обобщая, можно выделить типичную кривую динамики: адаптация субъекта и рост успешности на протяжении первых шести месяцев, «плато» как отражение стабильности в течение около 12 мес. и последующее понижение.

В заключение отметим, что возможно спонтанное и направленное изменение продолжительности как макроциклов, так и мезо- и микроциклов ПСС. В частности, есть основания полагать, что синдром психическое перенапряжение, выступающий весомой детерминантой увольнения сотрудников, во многом обусловлен именно профессионально-трудовыми процессами в организации и ее корпоративной культурой. Даже частичная оптимизация составляющих корпоративной культуры может приводить к ощутимым позитивным эффектам, выражающимся в увеличении среднего стажа работы сотрудников

в организации и других изменениях (более позитивных оценках социально-психологических условий и т. п.).

### **Библиографический список**

1. *Журавлева Н. И.* Квазиизмерения в управлении человеческими ресурсами: формальные характеристики квазиданных // Психология управления в современной России: теория, эмпирические исследования, практика: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Тверь: ТГУ, 2010.
2. *Наследова А. Д.* SPSS: Компьютерный анализ данных в психологии и социальных науках. СПб.: Питер, 2007.
3. *Толочек В. А.* Квазиизмерения в изучении профессиональных способностей // Материалы итоговой научной конференции ИП РАН 2008 г. М.: Институт психологии РАН, 2008.
4. *Толочек В. А.* Биологические и социальные факторы эволюции психологических систем // Вестник Самарской гуманитарной академии. Сер. Психология. 2008. № 2.
5. *Толочек В. А.* Становление субъекта в социономических профессиях: историческая эволюция феномена // Проблемы социальной психологии личности: межвуз. сб. науч. тр. Саратов: СГУ, 2010. Вып. 8.
6. *Толочек В. А., Денисова В. Г.* Квазиизмерения в психологии: содержание, потенциал, перспективы // Математическая психология: школа В. Ю. Крылова. М.: Институт психологии РАН, 2010.
7. *Толочек В. А.* Профессиональная успешность: «способности» и «ресурсы» в объяснении феномена // Человек. Сообщество. Управление. 2010. № 2.
8. *Толочек В. А.* Сопряженная профессиональная карьера субъекта: контексты и измерения // Человек. Сообщество. Управление. 2011. № 2.

## ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ НА КУБАНИ

О. Г. Кукосян, Б. А. Ясько<sup>1</sup>

Анализируются региональные психолого-педагогические исследования на Кубани. Выделены основные сферы и перспективы научного поиска в области педагогической психологии.

*Ключевые слова:* педагогическая психология, региональные психологические исследования.

Analyzed regional psycho-pedagogical studies in the Kuban. Marked the main areas and perspectives of the scientific search in the pedagogical psychology field.

*Key words:* pedagogical psychology, regional psychological studies.

Современное психологическое знание обогащается научными открытиями в крупных и активно развивающихся ее отраслях — общей психологии, психологии личности, психологии развития и акмеологии, психологии труда, социальной психологии и др. Особое место в системе научного знания о человеке занимает педагогическая психология. Сложившись исторически на слиянии научных открытий педагогики и общей психологии, возрастной психологии, психофизиологии детства, современная российская педагогическая психология стоит на фундаменте культурно-исторической концепции Л.С. Выготского, деятельностном, субъектном, личностном подходах (А.Н. Леонтьев, С.А. Рубинштейн, В.В. Давыдов, А.В. Брушлинский, А.Г. Асмолов, З.И. Рябикина и др.), интегрируя передовые достижения мировой науки.

В 1964 г. в Краснодарском педагогическом институте (ныне — Кубанский государственный университет) была создана первая на Кубани кафедра педагогики и психологии, из которой в 1974 г. выделилась кафедра психологии. Кафедра строила научные проекты в тесном сотрудничестве с ведущими научными центрами: факультетом психологии Ленинградского государственного университета,

<sup>1</sup> Кукосян Ованес Гайкович — доктор психологических наук, профессор Института экономики и управления в медицине и социальной сфере (Краснодар). Эл. почта: kaf.soc.ps@list.ru.

Ясько Бэла Аслановна — доктор психологических наук, профессор кафедры управления персоналом и организационной психологии Кубанского государственного университета. Эл. почта: shabela@yandex.ru.

научной школой Д. Н. Узнадзе (Институт психологии АН Грузии), Институтом психологии АПН (ныне — ПИ РАО). Она интегрировала в своих рефлексивных процессах методологию советской науки, теоретические концепции выдающихся отечественных ученых-психологов. Защита в 1982 г. первой на Кубани докторской диссертации по психологии (О. Г. Кукосян), в которой рассматривались профессиональные особенности познания людьми друг друга [7], придала мощный импульс развитию психологических исследований вообще и в области педагогической психологии в частности.

В 1995 г. на базе Кубанского госуниверситета был открыт совет по защите диссертаций, представляющих результаты научных исследований в области педагогической психологии. Более 15 лет работы совета — достаточный срок для анализа некоторых результатов, осознания научной и практической продуктивности изысканий, одобренных научным сообществом психологов.

Содержательный анализ выполненных за этот период научных работ в области педагогической психологии позволяет выделить несколько сфер предметного поля, разрабатываемых кубанскими исследователями.

К первой можно отнести работы, посвященные поиску психологических закономерностей профессионального становления, самореализации субъекта. Среди них исследования В. П. Бедерхановой, завершившиеся защитой в 2002 г. докторской диссертации [1]. На стыке двух наук — педагогики и психологии — автор предлагает концепцию личностного и профессионального развития педагога для гуманистически ориентированных образовательных учреждений. Личностно ориентированная позиция педагога рассматривается как интегративная характеристика его личности и деятельности, отражающая систему ценностей и основные характеристики образовательной системы в личностно ориентированной парадигме [1, с. 17-18]. Процесс становления личностно ориентированной позиции представлен в виде трехфакторной модели, включающей в себя субъективные, объективные и объективно-субъективные факторы [1, с. 18]. Эмпирически проверенной и теоретико-методологически обоснованной стала модель психолого-педагогической поддержки становления личностно ориентированной позиции педагога [2]. В основе ее лежит специально организованная психолого-педагогическая деятельность, которая разворачивается в формах и методах, адекватных личностно ориентированному подходу. Она осуществляется через психолого-педагогическое обеспечение процесса самоидентификации и самоактуализации студентов и педагогов, оказание превентивной и оперативной помощи всем участникам образовательного процесса посредством выявления их трудностей и проблем [1, с. 19].

Исследования психологических аспектов личностного становления будущего профессионала в педагогической деятельности и в целом в социально-экономических профессиях в работах кубанских психологов представлены наиболее рельефно. При этом в поле внимания включены различные уровни и системы

образования: общее (этап профессиональной оптиции); среднее специальное; высшее; дополнительное. В исследованиях выделяется существенный прикладной аспект: определение научно и методологически обоснованных путей психологической поддержки личностного становления, самореализации субъекта оптиции, а затем и субъекта учебно-профессиональной деятельности. Так, в диссертации Е.М. Шалиной [22] на примере психолого-педагогического анализа образовательного процесса в педагогическом лицее показано, что специально организованное психологическое сопровождение формирует важные психические новообразования будущего педагога в виде триединой готовности: к профессиональному выбору, к профессиональному обучению и к профессиональной деятельности [22, с. 9]. Систематизация профессионально важных качеств для педагогической деятельности с точки зрения интегральной индивидуальности позволили автору выделить основные показатели на каждом уровне (психодинамическом, индивидуальном, личностном, на уровне метаиндивидуальности) [22, с. 22]. Здесь следует отметить, что феномен *профессиональной готовности* как предмет психолого-педагогического анализа рассматривается с устойчивой последовательностью в научных исследованиях кубанских психологов. Так, в работе А.С. Моцарь изучена *готовность студента к профессиональной деятельности*, которая рассматривается как проекция тенденций самореализации. Автор выделяет три уровневых характеристики готовности: проявленная готовность; квазиготовность и псевдоготовность, определяемые сочетанием трех параметров. Первый — уровень самооценки студентом собственной готовности к профессиональной деятельности. Второй — достигнутый уровень реального осознания владения студентом полученными профессиональными знаниями и навыками. Третий — уровень исследовательской активности студента в период обучения в вузе [8, с. 8].

Профессиональная готовность как результат становления субъектных качеств специалиста на ранних этапах профессионализации исследована в диссертации Г.А. Гюрджяна [4]. Выбор одной из профессионально-ролевых позиций, как показывает автор, есть результат взаимосвязи личностных характеристик субъекта и требований будущей профессиональной деятельности. Основываясь на актуальности развития концепций профессиональной идентичности (ПИ), Г. Гюрджян рассматривает взаимосвязи типов ПИ и процесса формирования профессиональной субъектности-готовности [4, с. 7-8].

С первых шагов российского профессионального образования по пути создания многоуровневого образовательного пространства в учебных заведениях кубанские психологи включились в процесс исследования закономерностей становления личности будущего профессионала, избравшего поэтапное профессиональное становление в учебном заведении такого типа. В 1998 г. на примере трехуровневой подготовки специалиста в области сестринского дела в работе Б.А. Ясько была исследована феноменология формирования личност-

ной готовности к профессиональной деятельности в условиях многоуровневого образовательного пространства. Эмпирически выведены содержательные компоненты профессиональной ориентации на каждом образовательном этапе, показана психологическая результативность предложенной модели [23].

Типология учебной активности и её взаимосвязь с индивидуальными особенностями студентов, формирование гендерной идентичности и гендерная интерпретация самоактуализации личности в профессии (на материале педагогической профессии), групповая активность как фактор повышения коммуникативной компетентности в студенческих группах [3; 11; 14; 17] — это далеко не полный перечень исследований, устанавливающих психолого-педагогические закономерности самореализации личности в образовательном пространстве вуза. Важная особенность названных работ — акцент на тех особенностях педагогического процесса и личности обучаемого, которые выступают препятствием, психологическим барьером на пути к реализации жизненных целей и сохранения центральных, терминальных ценностей.

Выявленные в ряде диссертаций феномены продолжают исследоваться, результатом чего стало обогащение науки новыми концепциями. Так, исследование А.Н. Ожиговой гендерных аспектов становления личности на этапе студенчества [11] послужило стартовой площадкой для формирования концепции гендерной идентичности личности, отраженной в докторской диссертации автора [10], защищённой уже по специальности 19.00.01 (общая психология, психология личности, история психологии).

Во второй сфере предметного поля педагогической психологии, разрабатываемой кубанскими психологами, относится проблематика школьного этапа личностного становления, а также проблема личности педагога как субъекта образовательного процесса. В проведенных исследованиях раскрыты личностный аспект трудностей общения в юношеском возрасте [13], психолого-педагогические особенности правового сознания школьников [5]; дается психологическая интерпретация феномена невнимательности младших школьников. Так, важным не только научным, но и прикладным результатом исследования Е.В. Улько является обоснование отсутствия различий между невнимательными и внимательными детьми на уровне динамических характеристик нервной системы и традиционно выделяемых свойств внимания. Показано, что значимые различия проявляются на личностном уровне в особенностях учебной мотивации и отношении к школьному обучению в целом. На основании данных, полученных в формирующем эксперименте, автор убедительно демонстрирует, что развитие способности ученика к выделению свойств внимания, адекватной самооценке их выраженности и осознание значения внимания для учебной деятельности обуславливают уменьшение проявлений им невнимательности в учебном процессе [18, с. 8-9].

В диссертации С.Д. Некрасова показаны психологические особенности профессионального становления руководителя педагогического коллектива на богатом эмпирическом материале, собранном автором в реальной практике регионального управления образованием. Показано, что самоактуализация является динамической характеристикой личности руководителя школы. Она подвергается изменениям под влиянием профессиональных ситуаций, опыта, имеет разную степень выраженности на различных этапах профессионального цикла [9, с. 4-5]. В 2009 г. в развитие данного подхода диссертационному совету было представлена работа, в которой рассматривается феномен профессиональной ответственности педагога. Определяется, что этот феномен включает в качестве значимого компонента личностное *принятие* ответственности, которое интерпретируется как способность педагога наделять личностным смыслом цели и результат педагогической деятельности в сочетании с эмоциональным отношением к ее задачам [6, с. 7]. Показано, что принятие профессиональной ответственности обуславливается разной конфигурацией личностных качеств педагога в виде смысложизненных ориентаций, самоотношения, уровня самоактуализации [6]. Автор установил, что более половины учителей, принимающих ответственность за задачи обучения и воспитания, рассматривают приоритетной задачу подготовки ученика к жизни, к образовательной активности вне школы. Используя категорию «профессиональная готовность» и исходя из новой образовательной парадигмы, можно сказать, что М. Кох удалось выделить те психологические качества педагога, которые демонстрируют его готовность к формированию у учеников универсальных жизненных компетенций.

Включение в структуру Кубанского госуниверситета Института профессиональной переподготовки кадров (изначально — факультет дополнительного образования) обусловило устойчивый научный интерес к психологическим аспектам нового для системы профессионального образования России направления. Так выделилась третья предметная сфера психолого-педагогических исследований. Уже с первыми группами слушателей проводилась научно-экспериментальная работа, направленная на выявление психологических особенностей и закономерностей самореализации личности при получении дополнительного профессионального образования. Рассматривая процесс дополнительного образования в контексте формирования психологической готовности психолога-практика к реализации профессиональной деятельности, М.М. Силенок вводит понятие базовых психологических механизмов профессионального взаимодействия как условия профессионализации. Установлено, что их функционирование в процессе профессиональной переподготовки осуществляется на двух уровнях: центрации и децентрации, причем более высокая профессиональная готовность формируется на уровне децентрации как интегральной способности к эмпатии, конгруэнтности, интернальности [12].

В исследовании Г.Н. Траилина показано, что конструктивная личностная рефлексия выступает как системообразующий фактор и центральная компонента формирующейся в процессе переобучения новой системы психологической регуляции специалиста [15, с. 5]. Установлены пути развития конструктивной рефлексии обучаемого в процессе особым образом организованной профессиональной переподготовки.

А.П. Траилина рассматривает роль внутреннего диалога как специфической формы субъектной активности. Автор утверждает, что конструктивное преобразование внутреннего диалога ведет к формированию продуктивной личностной позиции в учебном процессе, разрешению внутриличностных противоречий и содействует успешной переподготовке специалиста [16, с. 7]. На наш взгляд, важно подчеркнуть одну существенную деталь: научными руководителями диссертаций М. Силенок, Г. Траилина, А. Траилиной выступали ведущие отечественные ученые (В.А. Якунин, Ю.М. Орлов, Ю.М. Забродин). В содружестве с научными школами, которые ими представлены, развивается традиция интеграции кубанской региональной науки с общим потоком российской психологии.

Нельзя не отметить еще одно важное направление научного поиска: развитие методологии педагогической психологии. Конечно, сам по себе предмет исследований в этом направлении не может предполагать большого и разнообразного потока научных работ. Но те, что успешно проходят признание в кубанском научном сообществе, не остаются незамеченными в российской психологии. Здесь прежде всего следует выделить диссертацию Г.Ю. Флоровской (Фоменко), посвященную разработке дифференциально-типологической модели соотношения различных типологических подходов к личности. Применение модели позволяет выделить структуры разноуровневых внутригрупповых противоречий, что по замыслу автора обеспечивает возможность их разрешения и создает основу для выработки стратегии воспитания личности [20, с. 7]. Развитие методологических основ психологии на протяжении последующих лет стало магистральным направлением исследовательской активности Г.Ю. Фоменко, что воплотилось в защите в 2006 г. докторской диссертации, в которой с позиций субъектно-бытийного подхода разработана концепция модусов бытия субъекта в экстремальных условиях жизнедеятельности [22].

Краткий ретроспективный анализ вклада кубанских психологов в педагогическую психологию будет незавершенным, если не постараться увидеть пути дальнейших исследований, подготовленных продолжительной историей развития психологической региональной науки. Новые тенденции в российском образовании, экономические, социокультурные процессы, охватившие страну в последние два десятилетия, коренным образом изменили социальную ситуацию детства, а вместе с этим и психологический облик современного ребенка [19]. К этому надо добавить социальные парадоксы современности. С од-

ной стороны, развиваются процессы глобализации, нивелирующие различия в условиях функционирования образовательных систем, сглаживающие национальные особенности формирования психических новообразований у ребенка. Но, с другой стороны, все более очевидной становится консолидация этнического самосознания народов, формирование региональной идентичности социумов. Становятся наиболее востребованными исследования, вскрывающие закономерности учебной деятельности в новых условиях функционирования образовательного процесса, его влияние на психические новообразования обучающихся, их личностное развитие, субъектное становление педагога, противодействие рискам развития его профессиональной дезадаптации, социальной фрустрированности. Проблемы, которые ставит жизнь, не могут быть не отрефлексированными научными школами. Кубанская педагогическая психология обладает достаточным фундаментом предшествующего периода своего развития для их постановки и решения.

### Библиографический список

1. Бедерханова В.П. Становление личностно ориентированной позиции педагога: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Краснодар, 2002.
2. Бедерханова В.П. Становление личностно ориентированной позиции педагога. Краснодар: КубГУ, 2001.
3. Гусейнов А.Ш. Групповая активность как фактор повышения коммуникативной компетентности в студенческих группах: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 1999.
4. Гюрджян Г.А. Становление субъектных качеств специалиста по безопасности жизнедеятельности на ранних этапах профессионализации: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2011.
5. Иманкулов Р.И. Психолого-педагогические аспекты правового сознания: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 1998.
6. Кох М.Н. Личностные особенности принятия педагогом ответственности: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2009.
7. Кукосян О.Г. Профессиональные особенности познания людьми друг друга: дис.... д-ра психол. наук. Тбилиси, 1982.
8. Моцарь Л.С. Взаимосвязь субъектно-личностной сферы и тенденций самореализации выпускника вуза: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2011.
9. Некрасов С.Д. Психологические особенности профессионального становления руководителя педагогического коллектива: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 1998.
10. Ожигова Л.Н. Гендерная идентичность личности и смысловые механизмы ее реализации: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Краснодар, 2006.
11. Ожигова Л.Н. Гендерная интерпретация самоактуализации личности в профессии (на материале педагогической профессии): автореф. дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2000.

12. *Силенок М. М.* Развитие базовых механизмов профессионального взаимодействия психолога-практика как условие профессионализации: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 1999.
13. *Сомова Е. Г.* Личностный аспект трудностей общения в юношеском возрасте: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 1999.
14. *Тиводар А. Р.* Формирование гендерной идентичности девушек-студенток: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2000.
15. *Траилин Г. Н.* Развитие рефлексивных способностей в процессе профессиональной переподготовки (на примере специальностей социономического типа): автореф. дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 1997.
16. *Траилина Л. П.* Роль внутреннего диалога в процессе профессиональной переподготовки специалиста: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 1999.
17. *Третьяк В. Г.* Типология учебной активности и индивидуальные особенности обучающихся юридического вуза МВД: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 1997.
18. *Улько Е. В.* Психологическая интерпретация феномена невнимательности младших школьников: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 1997.
19. *Фельдштейн Д. И.* Глубинные изменения современного детства и обусловленная ими актуализация психолого-педагогических проблем развития образования. М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2011.
20. *Флоровская Г. Ю.* Методология психологического обследования и воспитания личности как субъекта самопознания и саморазвития: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 1998.
21. *Фоменко Г. Ю.* Личность как субъект бытия в экстремальных условиях: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Краснодар, 2006.
22. *Шалина Е. М.* Формирование личностной готовности учащихся к профессиональному выбору и профессиональному обучению: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 1997.
23. *Ясько Б. А.* Формирование личностной готовности к профессиональной деятельности в условиях многоуровневого образовательного пространства: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 1998.

## ДОВЕРИЕ В СИСТЕМЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ КРИТЕРИЕВ ГРУППОВОГО СУБЪЕКТА ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

.....

З. И. Цику<sup>1</sup>

Обосновывается проблема психологических критериев группового субъекта совместной деятельности в системе дошкольного образования, реализующего коррекционно-развивающие программы для детей с нарушениями развития. На основании анализа эмпирических данных делается вывод, что основу профессионально-доверительных отношений в совместной педагогической деятельности педагогов ДООУ составляют два компонента: *надежность* коллег и *единство* взглядов, убеждений, целей и ценностей. Отмечается преобладание названных критериев в среде педагогов-дефектологов и психологов, совместная коррекционная деятельность которых взаимообусловлена.

*Ключевые слова:* доверие, надежность, единство, совместная деятельность, коллективный субъект деятельности.

The problem of psychological criteria of the group subject of joint activity in system of the preschool education realizing proper-developing programs for children with infringements of development is proved. On the basis of the analysis of the empirical data the conclusion becomes that the basis of is professional-confidential relations in joint pedagogical activity of teachers of children's educational institution is made by two components: reliability of colleagues and a sameness of views of belief, the purposes and values. Prevalence of the named criteria among teachers-defektologists and psychologists, joint which correctional activity is marked.

*Key words:* trust, reliability, unity, joint activity, the collective subject of activity.

Проблема доверия относится к актуальным аспектам исследований современной психологии и ее отдельных направлений (социальной, психологии управления, организационной психологии). На протяжении ряда лет создается теоретическая и эмпирическая база исследования данного феномена. В частности, рассматривается роль и место доверия в структуре отношений личности к себе [5] и группе [2; 7; 10; 11 и др.]; изучается доверие как компонент со-

---

<sup>1</sup> Цику Зара Ибрагимовна – заведующая муниципальным дошкольным образовательным учреждением МДОУ ДС № 214 г. Краснодара. Эл. адрес: Zara-65@mail.ru.

циального капитала организации и группы [3-7], доверие в сфере бизнеса [12] и пр. Выделены виды доверия личности, основанные на базальном доверии [8]: доверие к миру, к себе и другим людям. Разнообразие подходов обуславливает и акценты на разных аспектах феномена доверия при формулировании его определения. Нельзя не согласиться с точкой зрения А. Б. Купрейченко, опирающейся в своих исследованиях на определение, предложенное Л. Хосмер: «Доверие — это оптимистическое ожидание человека, группы или фирмы в условиях уязвимости и зависимости от другого человека, группы или фирмы в ситуации совместной деятельности... с целью облегчения взаимодействия, ведущего к обоюдной выгоде. При этом... подразумевается добровольно принятое обязательство тех, кому доверяют, защищать права и интересы всех участников взаимодействия» [9, с. 392-393].

Изучение публикаций, освещающих научные результаты исследований, обнаруживает, что наиболее активно в настоящее время разрабатывается данная проблема применительно к современным аспектам бизнеса и рыночных отношений. Роль и место доверия в совместной деятельности группового субъекта в традиционно развитых в России социальных сферах (образование, здравоохранение, социальная работа и т. п.) остается малоисследованной. Это, на наш взгляд, ограничивает поиск средств и методов конструктивного психологического воздействия на организационные процессы и обеспечение условий успешности как организации в целом, так и каждого ее участника. Одним из перспективных аспектов исследования является рассмотрение феноменологии межличностного доверия при реализации профессиональной деятельности, в которой участники выступают как групповой субъект.

В современном обществе фактически всякую трудовую деятельность по содержанию и по форме можно назвать совместной [1, с. 87]. В психологии выделены основные признаки совместной деятельности (СД), определена структура и показана роль взаимодействия, определены ее динамические особенности [1]. Так, исходным пунктом анализа психологической структуры совместной деятельности служит *общественно необходимая* задача. Кроме того, по аналогии с индивидуальной деятельностью структура СД включает ряд других компонентов: общую цель деятельности; общий мотив, побуждающий общность индивидов к совместной деятельности; совместные действия, направленные на выполнение текущих задач СД; общий результат, полученный ее участниками [1, с. 91].

Важно понимать, что СД представляет единство двух сторон: во-первых, совместные воздействия на общий предмет труда; во-вторых, воздействия участников СД друг на друга [1, с. 92]. Иными словами, взаимодействия между людьми — существенная особенность структуры СД. Можно предполагать, что успешность такого взаимодействия обуславливается совокупностью не только организационно-проектировочных задач профессиональной дея-

тельности, но и психологическими компонентами, среди которых немаловажную роль играет состояние внутригруппового *доверия* участников СД.

Педагогическая деятельность в системе дошкольного образовательного учреждения имеет все основные признаки совместной деятельности. Она реализуется в едином территориальном и образовательном пространстве и режиме работы учреждения, строго структурирована, строится на координации индивидуальной деятельности участников (педагогов, вспомогательного персонала), централизована в управлении. В ней имеются определенные «производственные циклы» с наличием единого конечного результата (готовность выпускника — ребенка 7 лет — к обучению в школе). Однако следует констатировать отсутствие исследований, в которых раскрывалась бы структура педагогического взаимодействия, выделялась система его критериев, в частности, применительно к дошкольным образовательным учреждениям (ДОУ) комбинированного вида, осуществляющим педагогический процесс для детей с нарушениями развития.

Одна из задач проводимого нами исследования состояла в выявлении специфики межличностного доверия в системе психологических критериев группового субъекта коррекционного образовательного процесса в ДОУ комбинированного вида.

### **Организация исследования**

В эмпирическую выборку вошли педагоги общего дошкольного образования (26 чел.), педагоги-дефектологи и психологи, включенные в коррекционно-развивающий педагогический процесс, всего 31 чел. Совокупная выборка исследования составила 57 испытуемых. Применена методика оценки доверия личности другим людям (А.Б. Купрейченко) [2, с. 88-89]. Методика позволяет определить основные критерии доверия другим людям (надежность, единство или предсказуемость), а также склонность к замене доверия верой или расчетом. В соответствии с этим методика включает пять шкал: надежность; предсказуемость; приязнь; единство; расчет. Факторы приязни и расчета не относятся к компонентам доверия, однако очень часто выступают его заменителями [2, с. 73]. При количественном анализе результатов тестирования высокую информативность имеет показатель дельты ( $\Delta$ ), который рассчитывается как разность диагностических результатов по отношению к двум категориям людей: тех, кому человек доверяет ( $\Delta$ ), и тех, кому он не доверяет ( $H\Delta$ ). Если значения  $\Delta$  по определенной шкале высоки (в диапазоне от +2 до +4), этот фактор интерпретируется как критерий доверия у данного человека или группы испытуемых.

Показатели доверия как критерия группового взаимодействия  
в совместной деятельности педагогов ДОУ комбинированного вида

Шкалы	Педагоги (n = 26 чел.)			Педагоги-дефектологи (n = 32 чел.)		
	Δ	НΔ	Δ	Δ	НΔ	Δ
Надежность	4,2 (σ = 0,95)	1,64 (σ = 0,63)	2,56	4,8 (σ = 0,43)	1,08 (σ = 0,52)	3,72
Предсказу- емость	2,16 (σ = 0,76)	2,54 (σ = 0,64)	-0,38	3,27 (σ = 1,05)	2,8 (σ = 0,73)	0,47
Приязнь	3,23 (σ = 0,76)	1,85 (σ = 0,78)	1,38	2,84 (σ = 0,73)	1,26 (σ = 0,83)	1,58
Единство	3,06 (σ = 0,69)	1,54 (σ = 0,68)	1,52	4,36 (σ = 0,83)	0,94 (σ = 1,16)	3,42
Расчет	2,38 (σ = 0,86)	3,18 (σ = 0,82)	-0,8	1,34 (σ = 0,65)	4,26 (σ = 0,42)	-2,92

**Результаты и их обсуждение**

Диагностика показала, что основу профессионально-доверительных отношений в совместной педагогической деятельности педагогов ДОУ составляют два компонента: *надежность* коллег и *единство* взглядов, убеждений, целей и ценностей (см. таблицу).

Показатель Δ в целом по выборке испытуемых по названным шкалам находится в диапазоне высоких значений (3,05 и 2,47 соответственно). Менее всего выражены значимость *предсказуемости* и личной *приязни* как компонентов внутригруппового доверия, а также фактор расчета — единственного критерия, по которому значения дельты находятся в отрицательной зоне (см. таблицу).

Важно отметить, что если *надежность* отражает истинное доверие, т. е. «оптимистическое ожидание человека, группы в условиях совместной деятельности», то *единство* служит показателем *веры* в человека, партнера, коллегу по совместной деятельности.

Сравнение результатов по двум профессиональным подгруппам демонстрирует, что при общем единстве в выделении критериев внутригруппового доверия имеются различия в уровнях их выраженности: оба компонента достоверно более значимы в представлении педагогов-дефектологов, психологов, логопедов, т. е. специалистов, непосредственно занятых совместной психолого-педагогической коррекционной деятельностью (при  $t = 2,06$  и  $2,14$   $p < 0,05$ ).

Полученные результаты позволяют сделать некоторые выводы.

Педагогическая деятельность в системе ДОУ комбинированного вида обладает основными компонентами психологической структуры совместной деятельности, что дает основание исследовать феноменологические аспекты группового субъекта данной профессиональной сферы, в частности, рассма-

тривать феноменологию внутригруппового взаимодействия и доверия как одного из его критериев.

Выявленная специфика межличностного доверия может стать основанием для поиска взаимосвязей с типологическими аспектами организационной культуры, стилевыми характеристиками управления совместной деятельностью, групповой сплоченностью. Этот аспект мы рассматриваем как задачу следующего этапа проводимого исследования.

### Библиографический список

1. Журавлев А. А. Психология совместной деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
2. Купрейченко А. Б. Методика оценки доверия личности другим // Современная психология: Состояние и перспективы исследований. Ч. 5: Программы и методики психологического исследования личности и группы: материалы юбилейной науч. конф. РАН. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002.
3. Нестик Т. А. Социальный капитал организации: социально-психологический анализ // Психологический журнал. 2009. Т. 30, № 1.
4. Нестик Т. А. Социальный капитал организации: социально-психологический анализ // Психологический журнал. 2009. Т. 30, № 2.
5. Скрипкина Т. П. Психология доверия: учеб. пособие. М.: Академия, 2001.
6. Татарко А. Н. Культурно-психологические особенности социального капитала этнических групп России // Психологический журнал. 2009. Т. 30, № 2.
7. Шо Р. Б. Ключи к доверию в организации: Результативность, порядочность, проявление заботы. М.: Дело, 2000.
8. Эрикссон Э. Детство и общество. М.: Прогресс, 1996.
9. Hosmer L. Trust: the connecting link between organizational theory and philosophical ethics // The Academy of Management Review. 1995. Vol. 20, № 2.
10. Levicky R. J., Stevenson M., Bunker B. B. The three components of interpersonal trust: instrument development and differences across relationships // The Ohio State University: WPS. 1997. Feb.
11. Rempel J. K., Holmes J. G., Zanna M. P. Trust in close relationship // Journal of personality and social psychology. 1985. Vol. 49, № 1.
12. Special topic forum on trust and between organizations // The Academy of Management Review. 1998. Vol. 23, № 3.

**УГРОЗЫ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ:  
ЭКСПЕРТНАЯ ОЦЕНКА И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ  
АСПЕКТЫ ЗАЩИТЫ ЛИЧНОСТИ  
(МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА)**

.....

21 апреля 2011 г. на факультете управления и психологии Кубанского государственного университета в рамках Недели науки состоялся круглый стол «Угрозы безопасности личности: экспертная оценка и психологические аспекты защиты личности».

Организаторы семинара: кафедра психологии личности и общей психологии, кафедра социальной психологии и социологии управления, лаборатория психологии безопасности личности, НИИ социально-гуманитарных проблем КубГУ. В работе семинара приняли участие психологи с опытом экспертной работы и специалисты в области судебных экспертиз различного профиля из Украины, Адыгеи, Ростова-на-Дону, Краснодара и других городов Краснодарского края.

Доклады были посвящены различным аспектам проблемы безопасности личности. Участники отметили, что глобализация, технологизация и одновременно с этим сложное социально-экономическое, религиозное и политическое расслоение создают условия для высокой межнациональной, межгрупповой и межличностной вражды, что в свою очередь отражается в индивидуальном сознании личности как ощущение угрозы, опасности и формирует различные защитные и деструктивные формы поведения.

Были выделены различные факторы, влияющие на сознание и саму социальную жизнь человека: сетевой терроризм; тоталитарные секты; собственно социально-экономическая политика, которая отчасти или в целом содействует психологической дестабилизации личности. Отмечено, что современный мир — это часто мир «сконструированный» СМИ. Мир, в котором социальному субъекту еще нужно уметь «разместить» свою субъектность так, чтобы ему (субъекту) было безопасно, а другим субъектам рядом с ним неопасно.

Отдельной темой стало обсуждение проблемы социально-психологической и лингвистической экспертизы тех агентов (продуктов), которые несут в себе агрессивный или экстремистский заряд. Участники дискуссии поделились опытом и секретами своей работы в области судебно-психологической и психолингвистической экспертизы. Интересным и сложным оказался вопрос об определении морального вреда в гражданском судопроизводстве.

Безусловно, что актуальной становится проблема подготовки специалистов, готовых к различного уровня экспертизам в областях и профессиях, обеспечивающих безопасность личности. Здесь участники обменялись мнениями о специфике подготовки студентов-психологов к экспертной деятельности с использованием полиграфа.

В ходе обсуждения был рассмотрен ряд конкретных психологических состояний личности, провоцирующих деструктивное поведение или, наоборот, спровоцированных социальной ситуацией. Здесь обозначены такие феномены, как протестное поведение подростков и молодежи; социальный интеллект; социальное неблагополучие граждан пожилого возраста; отдельные виды профессиональной деятельности.

Безусловно, не на все вопросы были получены ответы. Центральные понятия данного исследовательского поля «безопасность», «психология безопасности», «психологическая безопасность» и др. находятся в стадии операционализации и понимаются скорее в контексте языкового или социально-политического объяснения. Однако все участники отметили, что пока теоретико-методологическое осмысление находится на этапе дискуссии (примером которой отчасти выступило содержание докладов семинара), необходимо продолжать практическую разработку технологий, снижающих угрозы или их последствия для личности.

**Участники обсуждения:**

**Фоменко Галина Юрьевна** — доктор психологических наук, профессор кафедры психологии личности и общей психологии Кубанского государственного университета;

**Дёмин Андрей Николаевич** — доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии и социологии управления Кубанского государственного университета;

**Тесля Светлана Николаевна** — доктор философских наук, профессор Сочинского государственного университета туризма и курортологии;

**Шуванов Игорь Борисович** — кандидат психологических наук, заведующий кафедрой общей психологии и социальной коммуникации Сочинского государственного университета;

**Землянская Елена Владимировна** — доктор психологических наук, профессор кафедры психологии, менеджмента, социальных и информационных технологий Харьковского национального университета внутренних дел;

**Ковалева Людмила Васильевна** — заведующая отделом судебной психологической и лингвистической экспертизы Краснодарской лаборатории судебной экспертизы Минюста РФ;

**Сухих Станислав Алексеевич** — доктор филологических наук, профессор Кубанского государственного университета;

**Таганова Анна Александровна** — кандидат психологических наук, доцент Краснодарского университета МВД;

**Макаревская Юлия Эдуардовна** — кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии и социальной коммуникации Сочинского государственного университета;

**Гусейнов Александр Шамильевич** — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Кубанского государственного университета физической культуры, спорта и туризма;

**Цергой Тереза Александровна** — кандидат психологических наук, доцент Адыгейского государственного университета;

**Сокур Елена** — кандидат филологических наук, доцент Адыгейского государственного университета;

**Шиповская Виктория Владимировна** — кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры социальной и клинической психологии Института экономики и управления в медицине и социальной сфере (г. Краснодар);

**Щербакова Елена Алексеевна** — начальник научно-исследовательской лаборатории филиала военного научно-учебного центра ВВС «Военно-воздушная академия» им. профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина;

**Мальчинский Федор Валентинович** — начальник научно-методического отдела филиала военного научно-учебного центра ВВС «Военно-воздушная академия» им. профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина.

Первой выступила **Г. Ю. Фоменко (Угрозы безопасности личности со стороны тоталитарных сект: социально-психологический анализ):** Начну с попытки прояснения и определения понятий «тоталитарность», «деструктивность» и «секта», поскольку это во многом сразу же проиллюстрирует важность именно социально-психологического анализа данного явления — деятельности тоталитарных сект.

Когда говорят о тоталитарной группе, то обычно понимают объединённое общим мировоззрением, ритуалами и образом жизни сообщество, для которого характерен абсолютный контроль властвующей верхушки над всеми об-

ластями личной жизни отдельных индивидуумов. Можно утверждать, что сторонники тоталитаризма стремятся переопределить и поставить под контроль все сферы социальной жизни (образно говоря, от представлений об устройстве мироздания до способа чистки зубов).

При этом подчеркнем, что если тоталитарные движения первой половины XX столетия исходили из последовательности «изменение мира — изменение человека», то тоталитаризм конца XX — начала XXI в. основывается на последовательности «изменение человека — изменение мира». Прежние тоталитарные движения апеллировали, как правило, к коллективным мифам и к большим социальным группам, современные — основной упор делают на захват психологического пространства личности и малых социальных групп и важнейшим фронтом своего наступления избирают базовую структуру «основной реальности» («основного общества») — реальность повседневной жизни.

Деструктивный характер тоталитарных сект состоит прежде всего в том, что в результате целенаправленного влияния на их приверженцев и последователей у последних полностью подавляется прежняя личностная идентичность, разрушаются все прежние социальные связи. Адепту группы внушается негативистское отношение ко всему внегрупповому социуму. В тоталитарных сектах активно культивируется «образ врага» в дихотомии «мы — они». Стремление найти причину существующих проблем во внешней ситуации может привести к обвинению социальных институтов и других единиц общества, что в свою очередь может актуализировать стремление к уничтожению врага. В подобных призывах и конкретной деятельности таких сект содержится реальная угроза для общества.

Важным аспектом в отношении заявленной нами темы, является, в частности, то, что лидерами деструктивных культов для реализации своих целей берутся на вооружение достижения современной психологии. В своих организационных формах они мимикрируют под психологические тренинги личностного роста, тренинги по менеджменту и т. п. А это наносит ущерб как безопасности граждан, так и психологической практике, а также репутации психологии как науки.

Отмечу, что учеными Института Гэллага (США) разработан ряд правил, которые призваны помочь в определении, является ли секта тоталитарной. Проанализированы также психические негативные последствия пребывания сознания личности под культовым контролем, которые в то же время служат индикаторами деструктивности секты (19 позиций).

Мы считаем, что причины широкого распространения многообразных деструктивных культов и интенсификации их деятельности в настоящее время отчасти заложены в самом постиндустриальном обществе с его интенсификацией информационных и культурных сообществ. Все это создаёт условия для бегства большинства своих граждан в те или иные группы, которые за-

щищают рамками своих простых, но законченных и целостных мировидений от всё нарастающего давления внешней информации. Примерами таких групп могут быть панки, рокеры, болельщики, толкиенисты, политические партии и т. п. Речь идёт об особой форме групповой психозащиты, которая может рассматриваться как попытка конституционально и культурно схожих индивидуумов совместно защититься от размывающих и дезориентирующих их культурных влияний.

Наиболее антисоциальным и имеющим тенденцию к перманентному росту вариантом такого рода групповой психозащиты являются тоталитарные секты. Каждая такая группа имеет свою символику, свою ритуалистику, свой свод нравственных правил, свою систему наказаний и поощрений. Однако тоталитарные секты, в отличие от рокеров, металлистов и т. п., опасны прежде всего тем, что при их создании целенаправленно используется целый комплекс приёмов суггестивного, программирующего воздействия, что создаёт условия для количественного и имущественного разрастания секты, подобно раковой опухоли.

В заключение акцентирую внимание на том, что потенциальной группой риска является в первую очередь молодёжь, в адрес которой и следует направлять большинство профилактических мероприятий.

**А. Н. Дёмин (Социальные риски и проблемы, связанные с притязаниями молодых людей):** Не секрет, что экспертиза социально-экономических решений в нашей стране осуществляется без учёта их психологических предпосылок, механизмов реализации и последствий. Среди прочих причин такого положения дел выделим следующую: психологи редко пытаются найти ответ на вопрос о том, как психологическое взаимодействует с социальным, экономическим и какие феномены наиболее явно воплощают это взаимодействие? С нашей точки зрения, поиск ответов на данный вопрос в плоскости макропсихологического анализа весьма перспективен. Приведу такие факты. За последние 20 лет наблюдалась неуклонно возрастающая конвергенция показателей сферы высшего образования с притязаниями молодёжи на получение высшего образования. В рамках этой конвергенции притязания выступили *ведущим*, провоцирующим началом. Как показывает анализ литературы, их высокий уровень сформировался ещё в советский период, а после шоковых реформ, освободившись от сдерживающих социальных скреп, они повели за собой высшую школу, выступили тем рубежом, на который та стала ориентироваться и к которому стала неуклонно и с ускорением приближаться весь постсоветский период.

В 2008 г. произошло резкое изменение социально-экономических условий (начало финансово-экономического кризиса), это привело к ухудшению ситуации на рынке труда, инициировало ужесточающуюся политику государства в сфере профессионального образования. На первый взгляд соотношение

карьерных притязаний молодёжи и показателей социально-экономической сферы в новых условиях должно поменяться, однако этого не произошло. В 2009-2010 гг. конвергенция психологического и социально-экономического завершилась, более того, показатели институциональной доступности высшего образования стали перехлёстывать притязания молодых людей.

Имеются ли социальные риски в свершившейся конвергенции притязаний и доступности высшего образования?

Полагаем, что подобное положение вещей деструктивно и для самой высшей школы, и для экономики. За последние 20 лет в недрах высшей школы сформировался новый, внутренне противоречивый и достаточно массовый тип молодого человека, выходящего на рынок труда. В этом типе сочетаются: иллюзия лёгкости достижения целей; амбициозность при отсутствии на рынке труда возможностей для полноценной реализации амбиций, как следствие — обесценивание полученной квалификации, имеющихся притязаний и фрустрированность; развитие на этом фоне цинизма, трудовой гипермобильности. С такими характеристиками человеческого капитала обеспечить многократный рост производительности труда к 2020 г. проблематично.

Какие уроки могут быть извлечены из результатов проводимого исследования?

Во-первых, это необходимость переосмысления государственной политики в сфере образования. В постсоветский период в рамках так называемого рывка к свободе государство отказалось от регулирования рынка труда и, следовательно, образования, а работодатели никак не обозначили себя в образовательной политике. По этой причине механизм социально-профессионального отбора и восхождения оказался в поле воздействия преимущественно одной силы — молодых людей и стоящих за ними домохозяйств с их социальными, финансовыми и прочими ресурсами и амбициями. Соединение с встречным вектором деиндустриализации всей страны дало оглушающие эффекты. В частности, мы продолжаем терять среднее профессиональное образование (для молодых людей оно, как правило, становится ступенькой для получения высшего образования, и наши данные это отчётливо демонстрируют).

Но молодёжь и стоящие за нею домохозяйства не могут быть ведущими субъектами образовательной политики — у них слишком узкий социальный кругозор. Очевидно, что роль государства и бизнеса в регулировании процессов учебной занятости должна быть более весомой. Если говорить о государстве, то оно уже пытается робко осуществлять данную функцию (попытки сократить число вузов, перераспределение бюджетных квот между специальностями, желание сместить акценты с высшего образования на развитие начального и среднего профессионального образования — тому пример) и её дальнейшее усиление неизбежно. Вопрос заключается в формах, темпах и системности реализации данной функции. С одной стороны, время уже упущено,

реиндустриализацию и модернизацию силами бухгалтеров, юристов, менеджеров, дизайнеров и других популярных профессий высшей школы осуществить невозможно. С другой стороны, наверняка мы увидим разнообразные способы сопротивления со стороны домохозяйств и вузов, и победитель в этой борьбе в краткосрочной и даже среднесрочной перспективе не очевиден.

Во-вторых, на материале сферы образования можно утверждать: противоречие между личными (индивидуальными) и социальными интересами в условиях российских реформ не может решаться в пользу личного, по крайней мере, в прежних формах. Это не вполне укладывается в идеологию «индивидуальных свобод» и установку на либерализацию социально-экономических отношений, что создаёт немалую проблему для власти, которая, получается, сама себе выстроила институциональную ловушку. Скорее всего, выход из данной ловушки будет сопряжён с различными временными и социальными издержками. Потребуется специальные усилия, чтобы избежать, например, безработицы среди преподавателей высшей школы, уже сейчас находящихся в ситуации ненадёжной работы, психологические эффекты которой далеко не самые благоприятные.

В-третьих, вызревающая проблема — если государство будет последовательным в регулировании сферы высшего образования, то весьма тяжёлой будет адаптация молодёжи и их семей к новой ситуации, в которой реализация образовательных притязаний невозможна в прежних объёмах. Способны ли государство и бизнес обеспечить приемлемые, привлекательные места обучения в средней и начальной профессиональной школе, которые могут прийти на замену высшей школе? Пока мы не видим ясной стратегии в этом направлении. Не исключено, что в обортке высшей школы население в дальнейшем будет получать не высшее, а среднее профессиональное образование.

**С. Н. Тесля, И. Б. Шуванов (К вопросу о месте психологической модели безопасности социального субъекта в структуре субъектности):** Начнем свое сообщение с того, что понятие «социальный субъект» введено в ход рассуждений с целью кодифицировать особенности *позиции*, приемлемой для производства «сценария» жизни, базирующегося на рационалистической парадигме жизнеустроения. Логично было предположить, что утверждение этой позиции нуждается в определенных *регулятивных* технологиях, сопровождающих субъектность как основной способ существования социального субъекта и социальным субъектом и включенных в нее. Психологическая модель безопасности, на наш взгляд, входит в разряд таких регулятивных технологий. В этом контексте, поставив проблему вычленения элементов психологической модели безопасности социального субъекта, было предложено понятие «психологическая техника субъектности», которую конкретизировали как *элемент* психологической модели безопасности «*переживание-проживание опасности/безопасности*».

Если допустимо считать, что понятия «опасность» и «безопасность» обладают психологическим статусом и принадлежат социальному субъекту, то мы можем говорить, что конкретно из относящегося к субъектности подлежит регуляции посредством психологической модели безопасности на операциональном уровне работы данной модели. *Моделирование* образов опасности и безопасности пойдет в нескольких направлениях.

Во-первых, в направлении формирования социальных представлений об опасности и безопасности — как целевая установка социализации и социального научения (1). В этом случае, мы говорим о формировании в индивидууме в ходе социализации «запроса» на переживание-проживание опасности/безопасности, качество и глубина которого варьируют в зависимости от того ресурса, который актуализируется социальным субъектом в той или иной среде его субъектной идентификации.

Во-вторых, в направлении налаживания механизмов, гарантирующих осуществление субъектности, направленностью которой выступает идентификация как особая регулятивная технология, разворачивающаяся в рамках субъектности социального субъекта (2). В этом случае мы говорим о структуре субъектности социального субъекта, включающей мотивационный и поведенческий блоки переменных, в которых сосредоточена и действует такая психологическая техника субъектности, как «переживание-проживание опасности/безопасности (элемент психологической модели безопасности), выполняющая роль регулятивного фактора субъектности.

В-третьих, в направлении организации самой субъектности как регулятивной активности социального субъекта, нацеленной на производство условий эффективного функционирования психологической модели безопасности (3). В этом случае мы говорим о создании условий для актуализации индивидуумом психологических кодов запроса на «опасность» и об обратной связи — об актуализации индивидуумом адекватных кодам опасности кодам безопасности. Одно из условий такой актуализации, производством которого занята сама субъектность социального субъекта как самостоятельная регулятивная деятельность, это — производство *ситуации опасности/безопасности (переживания-проживания опасности/безопасности)*.

Созданием запроса на опасность (1), ситуации опасности (2) и контролем запроса на безопасность и ситуации безопасности (3) и увлечена субъектность как регулятивная деятельность социального субъекта и в этих аспектах подлежит эмпирическому психологическому изучению.

Главный интерес, на наш взгляд, представляет сам процесс производства ситуации опасности как *регулятивная деятельность* субъектов, вовлеченных в социальный сценарий жизни и как такая регулятивная деятельность, которая *запрашивается* ими самими. Запрос на опасность как ведущая мотивационная тенденция, выстраивает логику этой регулятивной деятельности, под-

сказывая, как могут выглядеть эталонная и действительная ситуация опасности. Поставляя потребителю согласованную с эталонной ситуацией опасности (продукт регулятивной деятельности), оцифровывают этой ситуацией запрос на опасность, который и должен воспроизводиться заново, поскольку запрашивать опасность — значит искать стимул к возобновлению усилий к идентификации, являющейся психологической максимой безопасности: только при переживании страха, угрозы, беспокойства (психологические индикаторы запроса на опасность) утверждается мотив выбора идентификации, достижение которой и отождествляется с переживанием-проживанием своих идентификационных границ как ситуации безопасности. Ситуация безопасности, таким образом, становится собственной инициативой, потребностью и целью субъекта.

**Е. В. Землянская (Современные подходы к проведению судебно-психологических экспертиз):** По нашему мнению, актуальность обсуждаемой темы определяется большим теоретическим и практическим значением, поскольку имеет использование специальных психологических знаний и методов научной психологии позволяет объективно устанавливать и оценивать психологические особенности, субъективные причины и внутренние механизмы конкретных поступков людей, вовлеченных в сферу уголовного и гражданского судопроизводства.

Подчеркнем, что СПЭ в своем развитии также достигла того этапа, когда ее предметом должны выступать не отдельные качества, психические процессы или состояния, а целостная личность участника события криминала или гражданского конфликта, психологический портрет которой является важным для установления объективной истины в уголовном и гражданском процессе. В исследовании личность рассматривается как субъект правосознания, разнонаправленного правового поведения (правопослушного и противоправного). Полемизируя с позицией тех исследователей, которые считают, что предметом экспертизы могут быть отдельные психические свойства, а не целостная личность, отметим, что именно личность как субъект, конкретный носитель всех содержательных, структурных и мотивационных характеристик целенаправленной активности в условиях межличностных и социальных конфликтов является центральной фигурой для эксперта-психолога. В СПЭ исследуется личность подэкспертного, который находится в системе межличностных взаимосвязей и взаимодействий с окружающим миром (социальной микро- и макросредой) и его ролевые позиции (подозреваемого, преступника, потерпевшего, свидетеля, гражданских истца и ответчика) в условиях досудебного и судебного следствия.

Опираясь на результаты наших исследований и опыт практической деятельности (33 года проведения СПЭ), сформулируем основные принципы СПЭ: принцип системности структурных компонентов правосознания,

принцип объективности детерминант делинквентного поведения, принцип субъективизации правовых понятий, принцип моделирования естественных и социальных ситуаций, связанных с преступлениями и правонарушениями, принцип негэнтропии (преодоления неопределенности), принцип экстраполяции — распространение выводов, полученных в результате исследования, одной части психического явления на другую его часть (определение перспектив ресоциализации личности). В процессе анализа учитывалась возможная виктимность, т. е. провокационность поведения участников конфликта.

Наши исследования показали, что системный подход к организации судебно-психологической экспертизы значительно повышает эффективность психологического изучения лица, которое оказалось в сфере криминального или гражданского судопроизводства.

В условиях СПЭ личность должна рассматриваться как целостная, динамическая, саморегулирующаяся система, особенности правопослушного или противоправного поведения которой нужно оценивать с учетом предыдущего онтогенеза и прогноза будущего поведения (степени социальной опасности, возможности ресоциализации и др.). Полученные данные должны быть научно обоснованы экспертом в выводе СПЭ и оказывать реальную помощь суду в вынесении адекватного решения. Психологическое обследование личности в СПЭ не должно быть сведено к использованию стандартного набора известных тестов, оно требует специальной разработки и использования экспертных комплексов теоретических и эмпирических методов, которые позволяют адекватно понять структуру личности подэкспертного в ее динамике и разнообразии связей с действительностью, которая его окружает. Они должны строиться в соответствии с принципом индивидуализации, т. е. с учетом: возрастных, гендерных особенностей личности; уровня сформированности и соотношения интеллектуальных, коммуникативных, регулятивных (эмоционально-волевых) процессов; мотивационно-целевой сферы; особенностей жизненного пути подэкспертного лица; системы его отношений с окружающим миром и людьми; присущих ему особенностей реагирования на сложные, эмоционально отрицательно насыщенные ситуации; характера профессии конкретной личности как носителя правосознания и субъекта целенаправленной деятельности.

**А. В. Ковалева (Психолингвистическая экспертиза: анализ приёмов психологического воздействия в текстах экстремистской направленности):** В последние годы в нашей стране, как и во всем мире, отмечается заметный рост экстремистских проявлений, что побуждает к разработке и организации эффективного противодействия этому негативному явлению. Одной из наиболее активно распространенных в последние годы в России форм криминального экстремизма является разжигание национальной, расовой, религиозной, социальной вражды, унижение человеческого достоинства с помощью

средств массовой информации, иной печатной, аудиовизуальной продукции, Интернета, а также публичных выступлений политиков, общественных, религиозных деятелей. Эти действия образуют состав преступления, предусмотренного ст. 282 Уголовного кодекса РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства».

У правоприменителей зачастую возникают значительные сложности при предварительном расследовании и судебном разбирательстве уголовных дел данной категории. Эти сложности обусловлены недостаточной разработанностью теории судебных экспертиз и самой спецификой преступлений такого рода — деяния совершаются в подавляющем большинстве посредством устной или письменной речи, путем использования продуктов речевой деятельности, т. е. рукописной, печатной, аудиовизуальной продукции (а также невербальных средств коммуникации). Никаких иных объективных поведенческих признаков преступного деяния здесь не возникает.

Объективные признаки преступления заключены в самой публичной речи или публикации. Именно текст и невербальные компоненты обнародованных материалов являются главным предметом исследования и основным источником доказательств по делам этой категории. Предварительное определение смысловой направленности спорного текста является непременным условием юридической оценки деяния как противоправного. Однако правоприменители зачастую выстраивают доказательства, базируясь лишь на материалах и выводах судебных экспертиз, в которых анализируется смысловая направленность спорных материалов СМИ, публичных выступлений.

Отметим, что в случаях, когда объектом судебной экспертизы выступают тексты и невербальные компоненты, наиболее плодотворно для решения экспертных задач использование двух подходов — лингвистического и психологического. В настоящее время судебно-экспертная практика идет по пути как моноэкспертного подхода (преимущественно лингвистического), так и комплексного. При реализации последнего используются различные процессуальные формы. Распространенной формой является проведение комплекса моноэкспертиз, когда психологическая экспертиза проводится параллельно с лингвистической или вслед за ней. Чаще комплексная психолого-лингвистическая экспертиза фактически является комплексом моноэкспертиз (каждый эксперт подписывает свою часть экспертного заключения). Возникающие противоречия в нашей практической деятельности успешно разрешаются специалистами, поскольку достигнуто понимание, что предметная область психологической экспертизы шире лингвистической.

Объектами исследования судебно-психологической экспертизы по делам, сопряженным с экстремизмом, выступают вербальная и невербальная продукция (тексты, изображения, аудио- и видеозаписи), психологический анализ материалов уголовного дела, а также в ряде случаев обследование автора.

В рамках этого вида экспертизы решаются следующие задачи: установление смысловой направленности тестов и изображений, определение особенностей восприятия адресатом различных видов информации, установление наличия пропагандистской информации и использования приемов манипулятивного воздействия на сознание адресата. Предметом судебно-психологической экспертизы выступают продукты психической деятельности человека либо группы лиц, направленные на пропаганду ксенофобии, имеющие вербальный и невербальный характер.

Судебная лингвистическая экспертиза занимается исследованием исключительно продуктов речевой деятельности (слова, высказывания, тексты). Компетенция судебной лингвистической экспертизы по делам, сопряженным с вербальным экстремизмом, определяется исключительно предметной областью исследования — анализом языковых и речевых средств. Экспертами-лингвистами выявляются высказывания, в которых экстремизм или его разновидности каким-либо образом проявляются, а также оценочные высказывания ксенофобской направленности, дается толкование и интерпретация их семантики.

Таким образом, предмет и объект психологической экспертизы шире предмета лингвистической экспертизы. В рамках этого вида экспертизы предметом становится выявление приемов психологического воздействия, применяемых с целью формирования у аудитории вражды и ненависти к тем или иным этническим, расовым, религиозным или социальным группам и их представителям.

Наш опыт показывает, что перспективно использование коммуникативной модели Г. Ласуэлла, позволяющей в ходе психологической экспертизы прояснить основные смысловые категории, составляющие концептуальную схему исследования: психологическое воздействие, методы психологического воздействия, манипуляции; основные приёмы коммуникативного воздействия (убеждение и внушение).

В итоге сделаем вывод о том, что возможность противостоять используемым манипулятивным приемам имеет аудитория информированная, с устойчивой системой обоснованных взглядов, знающая технику манипулятивного воздействия и обладающая некоторым опытом целенаправленной социально-психологической защиты. То есть можно констатировать, что безопасности личности в социуме, повышению эффективности противодействия экстремистским проявлениям будут способствовать: совершенствование методического обеспечения, создание интеграционных методик комплексных судебных психолого-лингвистических исследований и подготовка соответствующих специалистов.

**С. А. Сухих (Лингвопсихологические принципы анализа текстов в судебно-психологической экспертизе):** В современной науке сосуществуют три эпистимологических ценности. Они задают сущностную, прагматическую

и гуманистическую парадигмы со своей феноменологией. В рамках утилитарно-прагматического подхода лингвopsихология открывает возможности решения прикладных задач судебной экспертизы типа: имеются ли в представленных материалах (протоколах, фонограммах) резкая негативная оценка или враждебное отношение не к отдельным представителям, а ко всей этнической группе; содержит ли текст высказывания со значением скрытого или явного воздействия на психику субъекта, находится ли субъект в состоянии, влияющем на адекватность восприятия высказываний в его адрес; содержит ли текст высказывания, выражающие оскорбление личности или унижающие честь и достоинство гражданина.

Несмотря на различные углы рассмотрения лингвистических конструкций, прикладная сфера предполагает использование единицы описания в зависимости от задач судебной экспертизы. В качестве методов исследования могут выступать операции по работе с содержательными единицами: интерпретация значения предложения через элементарные пропозиции; различение номинативных и предикативных комплексов, так как эта оппозиция указывает на динамичность/ригидность сознания.

Об эмоциональном состоянии коммуниканта может также сигнализировать употребление слов-паразитов, инверсированных фраз и их незавершенность. При эмоциональных помехах происходит сдвиг от левополушарной активности к правой, которая определяет преобладание клишированных форм выражения, конкретности лексических значений, образности, неологичности при вербальном конструировании. Если левое полушарие отвечает за образование речевых паттернов, то правое — за их механистичность выполнения. Депрессивность также может иметь лингвистические индексы — возрастание указательно-заместительных частей речи, служебной лексики, наречий, частиц. Повторяемость некоторых слов, как и повторяемость вообще, в том числе эхолаличность, есть вербализация как способ уменьшения состояния неопределенности. Ведь состояние неопределенности — один из атрибутов тревожного и депрессивного психоэмоционального состояния.

Активность и пассивность залога также может сопрягаться с некоторыми психологическими переменными. Пассивность может указывать на желание коммуниканта снять с себя ответственность за то, что утверждается в высказывании, или на экстернальность субъекта, т.е. склонность его к описанию мира сквозь призму внешних причин и личной безответственности, а также инфантильности сознания. Синтаксическая связь выступает индикатором особенностей ассоциативности мышления и когнитивной простоты-сложности. Тема-рематическое членение указывает на психическое состояние. Тенденция полиремного изложения, когда одной теме приписывается много разных рем, указывает на обсессивное, или навязчивое состояние сознания.

Сложность объективирования психологических механизмов речевых продуктов обусловлена слабой исследованностью сопряжения лингвистических и психологических переменных. В качестве релевантных лингвистических переменных отмечают длину предложения, номинативность/предикативность, абстрактность/конкретность лексики, активность/пассивность залога, сочинительность/подчинительность синтаксической связи предложений, типы темарематических прогрессий, наличие стилистических фигур, количество местоимений и наречий, коэффициент эпизодичности в нарративных структурах.

Прагмалингвистическая парадигма в лингвистике открывает новые возможности выделения единиц речевой активности: это типы речевых действий, особенности экспликации в тексте когнитивных структур темы коммуникации, языковые индексы, указывающие на типы отношений между партнерами.

Процесс манипуляции массовым сознанием СМИ может раскрываться с помощью контурного анализа воздействия на уровни психики коммуниканта и фантазийного анализа, использующего экспликацию связи символических средств с глубинным родовым опытом.

Однако остается большое количество вопросов. Как проявляются когнитивные стили в символической репрезентации? Как влияет содержание бессознательного на символическое конструирование? Какие формально-содержательные индикаторы языка психологически релевантны? Ответы на эти вопросы позволят более объективно проводить судебную психолингвистическую экспертизу.

**Т. А. Цергой, Е. А. Сокур (Комментарии к вопросам, выносимым на комплексное психолого-лингвистическое исследование):** Судебная экспертиза и такие ее разновидности, как психологическая и лингвистическая, определяются и регулируются Федеральным законом № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31 мая 2001 г. Объединение различных видов экспертизы образует комплексную судебную экспертизу. По нашему мнению, данный вид экспертиз отражает современный многоаспектный научный подход, интегрирующий разные парадигмы знания и в настоящее время наиболее востребованный в гражданском и уголовном праве.

В качестве объектов экспертизы выступают материальные носители информации о фактах и событиях. Сегодня отмечается достаточно большое разнообразие материалов, представляемых на исследование. В соответствии с этим возрастает актуальность обсуждения вопросов, которые ставятся перед экспертом, и качества материалов, выставляемых на исследование, при проведении комплексной психолого-лингвистической экспертизы.

В последнее время значительно возросло количество экспертиз по делам об экстремизме. Объектом судебно-экспертного исследования в данном случае является текст. В подавляющем большинстве исследований корпус вопросов определяется ФЗ «Об экстремистской деятельности» (докладчики привели перечень наиболее часто встречающихся вопросов по этой категории дел).

Таким образом, чтобы быть признанным экстремистским, текст должен содержать призывы или побуждения (т. е. речевые акты, имеющие определенные формы, способы своего выражения на лингвистическом уровне) к экстремистской деятельности в любых ее формах. Однако на сегодняшний день открытый призыв к экстремистской деятельности встречается в материалах крайне редко, более того, и косвенная форма призыва используется далеко не всегда. Чаще всего воздействие осуществляется на глубинном уровне путем умелого манипулирования всеми необходимыми средствами языка, чтобы внушить необходимые идеи, поскольку большая часть глубинной структуры высказывания неосознаваема, она отражает внутреннее переживание того, о чем идет речь. Именно на глубинные структуры ориентировано нейролингвистическое программирование (НЛП), а также другие психологические техники, направленные на то, чтобы сравнительно быстро произвести глубокие и устойчивые изменения любой человеческой активности. В связи с этим считаем неконструктивным использование только указанных вопросов. В качестве рекомендаций лицам, принимающим решение о вынесении постановления о назначении соответствующего исследования, было предложено до вынесения постановления представлять материал на рассмотрение специалистам и, главное, допускать возможность изменения привычного круга вопросов по подобным делам.

Также полагаем, что необходимо активнее использовать материалы, иллюстрирующие обратную связь и общественную значимость экстремистских высказываний (комментарии в Интернете, отзывы в прессе и т. д.). Особенно важны исследования обратной связи в качестве доказательства публичности экстремистских высказываний в случае, если в исследуемом тексте отсутствуют прямые призывы к экстремистской и террористической деятельности, поскольку именно в комментариях они часто трансформируются уже в прямые угрозы.

В последнее время в практике проведения судебных комплексных психолого-лингвистических экспертиз намечается тенденция расширения круга дел (и соответственно вопросов, выставляемых на исследование), по которым проводятся исследования. Например, в ходе проведения экспертиз нам пришлось столкнуться с совершенно новым видом комплексной психолого-лингвистической экспертизы (по уголовным делам), проводимой по видеозаписи допроса, в которой перед экспертами ставятся вопросы относительно признаков физического или психического давления на подследственного со стороны следо-

вателя либо иных лиц. Здесь от эксперта требуются особые знания и умения в оценке процедуры проведения самой видеозаписи допроса, вопросов, которые ставятся перед экспертами.

В итоге обозначим, что комплексная психолого-лингвистическая экспертиза — один из актуальных и востребованных сегодня видов судебных экспертиз, требующий особого внимания и новых подходов к развитию теории и практики таких исследований.

**А. А. Таганова (Психологические аспекты определения морального вреда в гражданском судопроизводстве):** Судебно-психологическая экспертиза по делам о моральном вреде — новый вид экспертизы, сравнительно недавно появившийся в нашей стране. В связи с его новизной и фактическим отсутствием опыта, инструктивных и методических материалов суды склонны присуждать либо отказывать в присуждении морального ущерба практически интуитивно, руководствуясь не доказательной базой, а своими представлениями о том, что такое моральный вред и каковы его признаки. В действительности, только используя специальные психологические знания, можно установить наличие либо отсутствие признаков причиненного личности морального вреда.

Остановимся на современной интерпретации морального вреда. Под моральным вредом понимаются нравственные или физические страдания, причиненные действиями, посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага (жизнь, здоровье, достоинство личности, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна и т. п.), нарушающими его личные неимущественные права (право на пользование своим именем, право авторства и другие неимущественные права в соответствии с законами об охране прав на результаты интеллектуальной деятельности) либо нарушающими имущественные права гражданина. Открытый перечень охраняемых законом неимущественных благ приведен в ст. 20-23 Конституции РФ и ч. 1 ст. 150 ГК РФ.

Таким образом, общее понятие «моральный вред» представлено двумя видами страданий — физическим и нравственным. Поскольку понятие «страдание» входит в категориальный аппарат психологии, то феноменологическим установлением его наличия (или отсутствия), а также степени выраженности должны заниматься лица, обладающие специальными знаниями именно в этой области науки. Специальные знания эксперта при производстве экспертизы — это система психологических, теоретических и методологических знаний о закономерностях и особенностях динамики и структуры психической деятельности пострадавшего, о ее изменениях, имеющих юридическое значение.

В рамках гражданского процесса по делам о компенсации перед психологом стоит задача квалификации феномена «морального вреда» с помощью соответствующих средств, методов и категорий, через установку и анализ негативных изменений психической деятельности потерпевшего.

Судебно-психологическая экспертиза по делам о компенсации морального вреда может быть проведена как в отношении причинителя вреда, так и в отношении пострадавшего. Задачей диагностики причинителя вреда является установление его способности правильно оценить ситуацию, принять правильное решение и реализовать его. Судебно-психологическая экспертиза в отношении пострадавшего ставит своей задачей выделение и диагностику психологических элементов понятий «моральный вред» и «нравственное страдание». Психологический компонент включает следующие группы факторов, которые необходимо исследовать для определения степени морального вреда и причиненных страданий индивида:

— связанные с особенностями психологической травмы: сила действия травмирующего фактора; продолжительность действия и временной период, прошедший с момента причинения страдания до рассмотрения дела в суде (травмирующий фактор на языке психологии называется стрессом);

— связанные со свойствами личности индивида, которому причинена травма: его психическими процессами и состояниями до травмы; качества, способствующие тому, что индивиду причинены страдания; качества, определяющие способность индивида пережить страдания (например, эмоциональная устойчивость, психофизиологическая зрелость, развитость психологических защит личности) или его повышенную чувствительность к ним; качества, определяющие уровень притязаний и поведение индивида во время рассмотрения дела;

— связанные со свойствами личности правонарушителя, его психическими процессами и состояниями: качества, способствующие причинению моральных страданий, осознанность или неосознанность поступка и его последствий.

Судебно-психологическая экспертиза не выявляет наличие или отсутствие морального вреда как такового, а также не определяет степень вины причинителя вреда и размер компенсации, подлежащей взысканию. В то же время только с ее помощью и возможно это сделать действительно научно и обоснованно, поскольку к задачам СПЭ морального вреда относится установление наличия переживаемых истцом психических страданий, степени (интенсивности, глубины и т. п.) этих переживаний, а также причинно-следственной связи между ними и действиями ответчика. Таким образом, в делах о компенсации морального вреда эксперт-психолог может оказать суду существенную помощь в выявлении признаков причиненного личности психологического ущерба.

**Ю.Э. Макаревская (Формы подготовки студентов-психологов к экспертной деятельности (на примере лабораторного практикума с использованием полиграфа):** Экспертная деятельность в настоящее время рассматривается как важная составляющая профессиональной деятельности специалиста-психолога. Современный профессионал-психолог начинает вовлекаться

в те сферы экспертной деятельности, к которым его до настоящего времени не готовили в достаточной степени (к таким, например, как психологическая экспертиза в гражданском или уголовном процессе или инженерно-психологическая экспертиза и др.).

Теоретически сегодня уже определены наиболее общие признаки (например, специфика задач, критериальные характеристики, организация и процедура проведения и т. д.), объединяющие различные психологические процедуры и технологии, которые позволят выделить их как истинно экспертные работы, но проблема подготовки специалистов к этому виду профессиональной деятельности остается.

Сложность экспертной деятельности предъявляет особые требования к уровню подготовки лиц, ее осуществляющих. Эксперт должен быть подготовлен не только теоретически, но и технологически. Поэтому современные программы подготовки психологов, готовящихся к экспертной деятельности, должны включать теоретическое освоение методологии соответствующих наук и тренинг экспертных умений, навыков и компетенций. Полагаем, что основы обучения экспертной деятельности можно закладывать еще в период вузовской подготовки специалистов.

Понятно, что студенты еще не имеют достаточного опыта практической деятельности для осуществления психологической экспертизы, поэтому именно в этом аспекте необходимы дополнительные аудиторные и неаудиторные нагрузки. В рамках разработки учебных планов и рабочих программ подготовки психологов-бакалавров и психологов-магистров обозначенные проблемы сохраняются, только преобразуются в проблему формирования компетенций.

Несомненный интерес в этом вопросе могут представлять спецкурсы и практикумы, сохраняющиеся и в стандартах нового поколения. В ходе специально организованной работы в рамках учебного курса, в процессе реальных учебно-профессиональных интеракций и общения студент будет иметь возможность приобрести необходимые для экспертной деятельности компетенции и способность к профессиональному саморазвитию в этом направлении.

Наши наблюдения и практика работы со студентами в рамках спецкурса «Основы психологической экспертизы» (специальность 030301 — «Психология, СГУТиКД») показали так называемые слабые места в подготовке студентов к экспертной деятельности. В основном студенты испытывали трудности:

- с грамотным составлением плана беседы с подэкспертным;
- с подготовкой интегративного заключения и разработкой психологического портрета подэкспертного по результатам диагностики;
- с четкостью формулировки выводов.

Такие навыки, как ведение предтестовой беседы, управление мотивацией обследуемого, наблюдение за невербаликой подэкспертного, гибкость реагиру-

вания на ситуативные реакции подэкспертного, ретроспективный психологический анализ информации о личности, поведенческий прогноз и др. вообще оказались незатронутыми при выполнении лабораторного практикума по основам психологической экспертизы.

В настоящее время развитию обозначенных профессиональных навыков и компетенций могут способствовать инновационные формы организации учебного процесса. Особый интерес, на наш взгляд, представляет использование интерактивных методов обучения и выстраивание самого учебного процесса как модели реальной профессиональной деятельности (естественно, в рамках дисциплин позволяющих это осуществить). В учебных интеракциях значительное место могут занимать проектирование и моделирование ситуации, выполнение должностной роли, разыгрывание ролей (элементы ролевой игры) и др.

Важную роль в организации учебных интеракций играют аппаратные практикумы, где у студентов появляется реальная возможность думать, делать, взаимодействовать, овладевать навыками обращения с аппаратурой, формировать и развить профессионально важные качества.

В настоящее время на базе лаборатории кафедры общей психологии и социальных коммуникаций (СГУТиКД) в рамках лабораторного практикума «Основы психологической экспертизы» с целью подготовки студентов-психологов к экспертной деятельности реализуется лабораторная работа с использованием прибора медико-биологического класса — компьютерного полиграфа «РИФ».

При выполнении лабораторной работы «Оценка достоверности воспроизведения информации методом опроса с использованием полиграфа» студенты узнают общие принципы организации обследования по запросу с использованием этого прибора. В работе использованы такие формы познавательной, учебной и интерактивной деятельности, как моделирование, ролевое распределение и проигрывание, наблюдение, прогнозирование, отработка конкретных навыков и компетенций студентов.

Считаем, что организованный таким образом учебный процесс может стать основным звеном подготовки студентов к экспертной деятельности. Эффективность формирования заданных компетенций может быть подтверждена или поставлена под сомнение после анализа и обобщения достаточного количества образцов экспертной деятельности, создаваемых самими студентами в процессе освоения конкретных дисциплин.

**А. Ш. Гусейнов (Деструктивный протест подростков и молодёжи как фактор угрозы безопасности личности):** Исследование проблемы протеста востребовано в связи тем, что в нашей стране протестная активность стихийна, неуправляема и опасна. Реакции оппозиции типичны для подростков.

Моральные предпосылки протеста — отсутствие национальной идеологии; пренебрежительное отношение к прошлому Родины, одновременно с превознесением демократических ценностей, провоцирующее и разрыв поколений, и размыв ценностей семьи. Негативное отношение молодежи к старшим иногда провоцируют телевидение, кино и Интернет.

Протест определяется нами как субъективное переживание личностью угрозы потери благ, свободы, достоинства и ценностей и проявляется в виде устойчивых личностных особенностей или ситуативных реакций, направленных на устранение этой угрозы.

Цель исследования, выполняющегося при поддержке РГНФ, грант № 10-66-38645 а /Ю, заключается в выявлении особенностей проявлений протеста у подростков как негативного фактора, создающего угрозу безопасности личности.

Т. Гарр указывает на относительную депривацию, т. е. чувство недовольства, возникающее у людей, при сравнении своего положения со статусом других, имеющих больше благ. Протест тем выше, чем больше ожидания, подстегиваемые сравнениями субъектов друг с другом.

Методологическим основанием исследования послужила концепция Т. Гарра, а также модель протестного поведения, разрабатываемая нами. В основе нашей модели лежит представление о том, что протестная активность возникает в моменты жизненных кризисов. Эскалация протеста наблюдается в периоды обострения противоречий между привязанностью к важным объектам и стремлением к самостоятельности, когда личность стремится от зависимости к независимости.

В эмпирическом исследовании личностных особенностей подростков, склонных к протестному поведению, использованы: опросник ППЛ «Протестное поведение личности» (А. Ш. Гусейнов); Индекс жизненного стиля Келлермана — Плутчика, тест «Копинг-стратегии» С. Хобфолла, опросник «Мини-мульти», опросник А. Басса и А. Дарки, социометрия. Опрошено 150 школьников г. Краснодара в возрасте от 13 до 16 лет. Применен корреляционный анализ по Спирмену, учитывались только значимые ( $p < 0,05$ ) связи.

Выявлена значимая прямая связь между показателями протеста и показателями примитивных психологических защит: регрессией, компенсацией, проекцией, замещением. Установлены положительные связи показателей протеста со шкалами методики «Мини-мульти»: депрессии, истерии, импульсивности, паранойяльности, психастении, шизоидности, гипомании. Наличие этих связей свидетельствует о внутрличностном конфликте. Подростки с протестными установками проявляют ответственность, чувство долга и достоинства, независимость, активны в отстаивании своих позиций. В то же время они оппозиционны, не уверены в себе, обидчивы, стремятся заслужить любовь

окружающих; эмоционально незрелы, увлекаемы новыми идеями и зависимы от авторитетов. Показатели агрессии по опроснику А. Басса и А. Дарки у подростков завышены. Выявлены положительные связи показателей протестных установок по 9 из 10 шкал методики Басса — Дарки. Протестные подростки агрессивны, склонны к вербальной и физической агрессии, недоверчивы, вспыльчивы. Обнаружены тесные связи показателей протеста и неэффективных копинг-стратегий: избегание, непрямые действия, асоциальные действия, агрессивные действия. Наблюдается тенденция к отрицательной связи протестных установок с показателем статуса ( $p < 0,10$ ). Низкий статус может негативно влиять на общую психологическую удовлетворенность личности, в свою очередь, обуславливая протест подростков.

Таким образом, подростки с протестными установками неуспешны в социальном взаимодействии, не могут адекватно оценивать себя и искаженно воспринимают других, агрессивны, применяют неконструктивные копинг-стратегии, зависимы от авторитетов и могут быть легко вовлечены в деструктивные группы, что позволяет говорить о протесте как негативном факторе, создающем угрозу личностной безопасности.

**Т. А. Цергой (Уровень развития социального интеллекта как фактор, влияющий на психологическую безопасность личности):** В начале выступления сразу обозначим свое понимание конструкта «психологическая безопасность личности». Под психологической безопасностью личности можно понимать состояние защищенности психики от негативных факторов, способствующее формированию адекватной ориентировочной основы социального поведения человека, конструктивных отношений к миру и к себе, в целом его сохранность и целостность как развивающегося социального субъекта. Антонимом безопасности личности является опасность — наличие угроз, действие сил, являющихся дисфункциональными, дестабилизирующими, деструктивными по отношению к человеку. Существуют внешние и внутренние угрозы, наиболее значимые для личности и выделяемые большинством исследователей.

Анализ угроз и их источников позволяет выделить факторы психологической безопасности личности: способность к критичному анализу информации, неконформность, стрессоустойчивость, приверженность этическим ценностям, целевая и ценностная определенность, самостоятельность мышления и поведения, реальный социально-коммуникативный опыт и др. Указанные и иные факторы обеспечивают человеку получение в достаточном объеме данных для ориентации в жизненных ситуациях, что, как известно, является одним из необходимых условий для социально-психологической адаптации личности, ее приспособления к происходящим общественным изменениям.

Сказанное позволяет в качестве комплексного фактора психологической безопасности личности рассматривать социальный интеллект. Под социаль-

ным интеллектом понимают способность человека правильно понимать поведение людей, необходимая для эффективного межличностного взаимодействия и успешной социальной адаптации. Как интегральная интеллектуальная способность, социальный интеллект объединяет и регулирует познавательные процессы, связанные с отражением социальных объектов: социальную чувствительность, социальную перцепцию, социальную память и социальное мышление.

Тот факт, что практически все ученые в структуре социального интеллекта выделяют качества, характеризующие знания, познавательные способности (в том числе способность находить, анализировать и интерпретировать социальную информацию), способности оценивать информацию и предвосхищать события, теоретически подтверждает правомочность рассмотрения интеллектуального интеллекта как внутреннего фактора психологической безопасности личности.

Опираясь на теоретические исследования, можно считать, что об отсутствии психологической безопасности личности свидетельствуют следующие признаки: 1) внутренние: тревожность, психологическая напряженность, неуверенность; чувство незащищенности, страх; 2) внешние: неадекватность социального поведения, проявляющаяся в том, что человек попадает в ситуации, опасные для его жизни и здоровья (подвергается насилию, добровольно оказывается в эпицентре техногенных и природных катастроф и т.п.) либо становится участником асоциальных или антисоциальных групп и т.п. Для подтверждения взаимосвязи между уровнем социального интеллекта и психологической безопасностью личности было (по внешним признакам) проведено обследование группы респондентов, в которую вошли женщины, подвергшиеся сексуальному насилию, и граждане, позитивно откликнувшиеся на экстремистские призывы в прессе и Интернете.

В процессе исследования у респондентов вначале были измерены показатели, субъективно характеризующие неблагополучие личности в контексте ее психологической безопасности: уровень тревожности (методика Дж. Тейлора); стрессоустойчивость и социальная адаптация личности (методика Холмса и Раге); уровень социальной фрустрированности (методика Л.И. Вассермана в модификации В.В. Бойко); степень удовлетворения основных потребностей (методика Д.Я. Райгородского). Уровень социального интеллекта отобранных респондентов оценивался по методике Дж. Гилфорда. Была проведена также экспресс-диагностика характерологических особенностей личности (Н. Айзенк в модификации Т.В. Моталиной).

Результаты исследования свидетельствуют о том, что несформированность социального интеллекта, социальная незрелость существенно снижают психологическую безопасность и, как следствие, физическую безопасность личности. В связи с этим представляется чрезвычайно важным разработка и вне-

дрение в практику действенных психолого-педагогических средств и методов развития социального интеллекта, прежде всего подрастающего поколения, поскольку именно молодежь ввиду недостаточного жизненного опыта, несформированности целостной системы ценностных ориентаций и т. п. составляет в контексте обеспечения психологической безопасности основную группу риска в современном информационном обществе.

**В. В. Шиповская (Личностная беспомощность как показатель эмоционального неблагополучия граждан, проживающих в домах престарелых: гендерный аспект):** Ситуация старения для каждого человека является лично чрезвычайно значимой, поскольку возникает единовременно как становление нового пространства жизни и сопряжена с формированием новых жизненных стратегий и личностной трансформацией. Исследователи неоднократно пытались понять, связана ли беспомощность с неизбежным старением и какие внешние и внутренние факторы ее обуславливают.

Ситуационные факторы беспомощности в период старения представляются достаточно весомыми, поскольку этап поздней взрослости сопровождается постоянным изменением личностного и социального статуса: вынужденный уход с работы, утрата высокого поста, выраженное ухудшение здоровья и другие негативные события (смерть супруга, близких родственников). Кроме того, в настоящее время в российском обществе наблюдается трансформация отношений младших возрастных групп к старшему поколению в направлении от традиционно почтительного к нетрадиционному и нехарактерному для российского менталитета — отвергающему, порицающему, осуждающему. В массовом сознании (как в скрытой, так и в явной форме) формируется отношение к старикам как к людям беспомощным, неспособным себя обеспечить и защитить. Экономическое положение престарелых людей, часто лишенных самого необходимого, оставляет желать лучшего. В общественном сознании россиян распространено мнение, которое характеризуется стратегией вытеснения старости из сферы доступа к престижным ценностям, власти, работе, культуре, благодаря СМИ появился термин «период дожития».

Предполагаем, что беспомощность как бы навязывается пожилым людям, поскольку само общество не может гарантировать им работу и достойный уровень жизни. Также наблюдается снижение роли семьи, когда пожилой человек не только не получает достаточно любви, уважения и заботы близких, но и постепенно вытесняется из семьи. Кроме отмеченных внешних факторов, большое значение приобретают внутренние индикаторы беспомощности, обусловленные личностной диспозицией пожилого человека. В итоге довольно часто пожилому человеку приходится делать сложный выбор: остаться в конфликтной, негативной семейной обстановке или уйти в дом престарелых. Последний вариант для многих людей уже не кажется пугающим и необычным, несмотря на неопределенность собственных перспектив.

В период с 2008 по 2010 г. нами проведено сравнительное исследование в нескольких домах престарелых Краснодарского края. Исследовано 150 пожилых людей в возрасте от 65 до 90 лет. Цель исследования — выявление внешних и внутренних факторов личностной беспомощности в позднем возрасте.

Установлено, что для большинства пожилых людей проживание в стационарном учреждении является сильным стрессорным воздействием в связи с утратой прежнего семейного статуса и отсутствием привычных социальных ролей. Новые условия микроокружения нередко воспринимаются пожилыми людьми негативно, что усиливает переживания одиночества, безнадежности, обуславливает развитие пессимизма и личностной беспомощности, которые приводят к депрессии. Обнаружена положительная взаимосвязь показателей одиночества и беспомощности. Мужчины и женщины неодинаково переживают процесс старения. Женщины в большей степени испытывают недовольство условиями проживания, труднее приспосабливаются к новым ситуациям, чаще оценивают своё здоровье как неудовлетворительное, острее мужчин переживают разлуку с семьёй, у них чаще наблюдается личностная беспомощность. Женщинам труднее приспособиться к новым условиям в связи с утратой привычных социальных ролей в семье, отсутствием роли хозяйки и заботливой бабушки. Вместе с тем некоторые мужчины сильно переживают одиночество и демонстрируют устойчивую личностную беспомощность, вплоть до деперсонализации. Это связано не только с вынужденной сменой социальной роли, утратой реального авторитета, но и с низким материальным статусом, отсутствием дружеской компании, которые продолжают играть важную роль в жизни мужчины.

Отрадно заметить, что долгожители в меньшей степени, чем 60-70-летние респонденты, ощущают социальную изолированность и личностную беспомощность. Эти лица, несмотря на слабеющие силы и пребывание вне семьи, оптимистичны и общительны, увлечены хобби, что косвенно свидетельствует о связи долголетия с мудростью. Высокие показатели по шкале оптимизма могут служить одним из диагностических показателей адаптированности личности в старости. Обнаружено, что большинство пожилых людей рассматривают доверительные отношения с родственниками как один из важных источников удовлетворённости жизнью. Поэтому для предупреждения личностной беспомощности необходимо качество эмоциональной поддержки со стороны родственников, ощущение у пожилых людей востребованности их жизненного опыта, которое поддерживает их чувство достоинства. Деятельный стиль жизни, самостоятельность в принятии решений, социальные связи, оптимизм, уважение и почтение со стороны микро- и макросоциума выступают главными условиями эмоционального благополучия в старости.

**Е. А. Щербакова, Ф. В. Мальчинский (Безопасность полетов: человеческий фактор в профессиональной деятельности военного летчика):**

Решение проблемы человеческого фактора в авиации начинается с профессионального психологического отбора кандидатов на зачисление в военный летный вуз. Отбор основан на выявлении профессионально важных качеств летчика (ПВК), включающих в себя пять групп: личностную, интеллектуальную, психофизиологическую, физиологическую, физическую.

Теоретические положения концепции профессионального психологического отбора военных летчиков были разработаны рядом авторов (В. А. Пономаренко, Д. В. Гандер и др.) в 1980-х гг. Современные исследования в области изучения эффективности и надёжности специалиста в условиях военной летной профессиональной деятельности (В. В. Козлов и др.) отмечают особую роль человеческого фактора. Человеческий фактор — это совокупность индивидуальных и присущих летному контингенту в целом свойств и качеств личности, которые проявляются при взаимодействии с авиатехникой в конкретных условиях, обуславливая его эффективность и надёжность.

Анализ авиационных катастроф за последние 5-10 лет, показывает, что ошибка летчика очень часто не связана с его профессиональной неподготовленностью, что ошибку определили другие мотивы, которые нашли благодатную почву в структуре его личности. Следовательно, при проведении профессионального психологического отбора у абитуриента военного летного вуза не были выявлены те качества личности, которые негативно влияют на всю структуру ПВК летчика. До определенного момента они не проявлялись и находились в дремлющем состоянии. Практическим подтверждением этого положения является тот факт, что профессиональное долголетие не у всех летчиков одинаково. Целью исследования было выявление статистически значимых различий между личностными характеристиками действующих летчиков ( $n = 77$ ) и летчиков, списанных с летной работы по состоянию здоровья ( $n = 10$ ). Все респонденты — мужчины в возрасте 27-32 лет.

Приведем наиболее значимые теоретико-практические выводы.

Оценка профессиональной пригодности будущего летчика должна носить пролонгированный характер. Тогда, более детально изучая личность, можно выявить на ранних этапах профессионализации качества, которые будут негативно влиять на всю структуру личности будущего специалиста и снижать его профессиональную надёжность в случае их развития.

Обе категории летчиков имеют средний уровень агрессии, предпочитают физическую форму ее проявления, чувство вины как форма проявления агрессии не выражена; они уравновешены в полярных проявлениях самоуверенности — чувства вины, консерватизма/радикализма, коммуникативные свойства развиты на среднем уровне. Различия: действующие летчики представляют целостную личность, ответственную за себя, свои достижения, реализацию своих намерений, добродушны, не обращают внимания на физические недомогания. Для летчиков, списывающихся по состоянию здоровья, характер-

ны сниженная психологическая зрелость, перекладывание ответственности за свою жизнь на других, озабоченность состоянием своего здоровья.

С позиции экзистенциального подхода у положительных качеств личностной группы ПВК есть обратная сторона: жизнелюбие имеет обратным себе одиночество и суицидальную направленность; моральная нормативность — асоциальное поведение; ответственность, инициативность — вину. До настоящего времени традиционная система профессиональной подготовки не учитывала это обстоятельство.

Самоуверенность как личностная особенность является обратной чувству вины: чем выше самоуверенность, тем выше чувство вины и наоборот. Ощущение дискомфорта при увеличении чувства вины служит сдерживающим фактором роста самоуверенности. Снижение чувства вины может осуществляться при снижении самоуверенности. В соответствии с этим можно предположить, что чувство вины выступает внутренним регулятором самоуверенности. Спокойствие, жизнерадостность как ПВК военного летчика могут проявиться при невыраженных самоуверенности и чувстве вины.

С целью профилактики отклоняющихся форм поведения, в том числе профессионального, считаем возможным в дальнейшем дополнить систему профессионального психологического отбора выявлением личностных особенностей, обратных положительным ПВК и структуры.

**Г. Ю. Фоменко:** Уважаемые коллеги! Спасибо за содержательные выступления, думаю, что они расширили и уточнили предметное поле психологии безопасности. Главная цель нашего круглого стола выполнена и, надеюсь, что мы ещё не раз встретимся для обсуждения интересующих нас вопросов.

## **ПРОЯВЛЕНИЯ РАДИКАЛИЗМА В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ СЕТИ ИНТЕРНЕТ КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (НА МАТЕРИАЛАХ ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА)**

.....

**С. А. Кутилин<sup>1</sup>**

В статье речь идет о проявлениях политического радикализма в информационном пространстве Юга России (на примере черкесского и казачьего движений). Проанализированы политические риски Олимпиады в Сочи, создаваемые радикальными черкесскими организациями. Указана роль Интернета в радикализации этнополитических движений в качестве канала политизации этничности.

*Ключевые слова:* национальная безопасность, политические риски, политический радикализм, черкесское движение, казачий сепаратизм, региональное политическое сознание, интернет-пространство.

The author reveals expressions of political radicalism in the informational field of the South of Russia (evidence from Circassian and Cossack movements). Political risks of the Olympic Games in Sochi created by radical Circassian organizations are analyzed. The role of the Internet in radicalisation of ethno-political movements is specified as a channel of ethnic politicization.

*Key words:* national security, political risks, political radicalism, Circassian movement, Cossack separatism, regional political consciousness, Internet space.

Политический анализ рисков национальной безопасности предполагает выяснение роли политических механизмов в обеспечении устойчивости социальной системы к неблагоприятным воздействиям, создающим угрозы личности, обществу и государству. На Юге России значительны политические риски национальной безопасности в виде радикальных этнополитических и религиозных движений.

Цель работы — определить проявления политического радикализма в информационном пространстве Юга России (на примере черкесского и казачьего движений).

---

<sup>1</sup> Кутилин Сергей Анатольевич – аспирант кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета. Эл. почта: kutilin\_sergio@mail.ru.

Политические риски национальной безопасности нами понимаются в рамках социально-управленческого подхода как вероятность наступления нежелательных для национальной безопасности последствий в результате определенной последовательности событий в развитии политического процесса. [4]

Политический радикализм — это приверженность крайним взглядам и методам достижения групповых целей различных организаций, при этом этнический, религиозный и другие компоненты выступают в неразрывной связи друг с другом [14]. Он проявляется в ЮФО на уровне социальных групп и этноэлиты, обуславливая негативные модели поведения и формы политического участия части населения макрорегиона. Основаниями проявлений радикализма служат определенные теоретические концепции, последователи которых критически относятся к политической ситуации в макрорегионе и считают, что она может быть изменена при помощи радикальных политических действий.

В адыгейской среде существует ряд влиятельных умеренных организаций, а общественное мнение в Республике Адыгея имеет потенциал толерантности и лояльности конституционному порядку, что подтверждают результаты соцопроса, проведенного Адыгейским республиканским институтом гуманитарных исследований в 2010 г. [5].

Радикальный вариант лозунгов черкесского движения представлен в виде требований к Российской Федерации официально признать геноцид адыгов в годы Кавказской войны и мухаджирства XIX в., призывы к репатриации адыгской диаспоры с преференциями при получении гражданства и приобретении собственности, а также проекты создания укрупненного адыгского субъекта РФ, объединяющего Адыгею, КЧР, КБР и, возможно, часть Краснодарского и Ставропольского краев [16, с. 97-107]. Определенный риск для национальной безопасности РФ представляют негативные оценки черкесскими организациями Олимпиады в г. Сочи как готовящейся «на земле геноцида», а также призывы к бойкоту проведения Олимпиады.

Выбор Сочи в качестве олимпийской столицы в 2014 г. актуализировал давно существующие проблемные вопросы, а также способствовал появлению «олимпийского измерения» черкесского вопроса. Сочи занимает особое место в черкесской политической риторике — здесь в июне 1861 г. вожди шапсугов, убыхов и абадзехов создали представительный орган Великое и свободное заседание (меджлис), который через год был ликвидирован десантом русской армии. Это дает повод современным сетевым лидерам общественного мнения, в частности, популярному адыгскому блогеру Андзору Кабарду, известному в сети под ником Zora Kabard, использовать тему сочинского меджлиса для конструирования образа черкесского Иерусалима [9].

При наличии комплекса проблем, обозначенных черкесскими этноэлитами еще в 1990-е гг., эксплуатация тематики Сочи в качестве места и воплощения черкесской трагедии как черкесскими общественными организациями в РФ, так и внешними политическими акторами, которые заинтересованы в разыгрывании «черкесской карты», неизбежно будет увязана с правомерностью Олимпийских игр в Сочи. Против проведения Олимпиады в Сочи выступает наиболее радикальная черкесская организация в России — Черкесский конгресс, она последовательно продвигает эту тему в медийном пространстве.

Характерной чертой всех черкесских протестных движений, разворачивающихся вокруг Олимпиады, является активное участие представителей зарубежной черкесской диаспоры. Первая волна активности диаспоры приходится на октябрь 2007 г. Перед зданием российского посольства в Стамбуле, российского консульства и офиса ООН в Нью-Йорке более 200 чел. вышли на одновременные демонстрации протеста под лозунгами «Сочи — земля геноцида!», «Нет Олимпиаде на крови» [17]. В 2010 г. активность диаспоры возросла — американские адыги организовали движение «NoSochi2014», в декларации которого говорится: «Мы, члены Организационного комитета «NoSochi2014», осуждаем проведение Олимпийских игр в Сочи. Мы просим мировое сообщество и МОК не проводить Олимпийские игры в Сочи, так как Сочи — это земля геноцида» [13]. В дни проведения зимней Олимпиады в Ванкувере представители движения организовали три акции — пикет у «Русского дома», шествие со свечами у корабля «Крузенштерн», который рассматривался российской делегацией как один из символов передачи эстафеты от Ванкувера к Сочи, и пикет у Музея искусств. Лозунгами запрета Олимпиады и признания геноцида черкесов сопровождалась и акции памяти погибших в Кавказской войне, прошедшие 21 мая 2011 г. в Стамбуле и Аммане [8].

Черкесские организации заявляют о необходимости публичного осуждения и моральной оценки политики Российской империи в регионе до проведения Олимпиады. Вместе с тем лидер Черкесского конгресса М. Берзегов открыто признает, что тема геноцида и бойкот Олимпиады соподчинены задаче создания Черкесской республики, дистанцированию от современной России [18]. В отношении Международной черкесской ассоциации, высказавшейся в поддержку проведения Олимпийских игр в Сочи, на сайте черкесских активистов [www.elot.ru](http://www.elot.ru) ведется идеологическая борьба с использованием жесткой риторики, квалифицирующей Олимпиаду как направленную на «фальсификацию истории и оскорбляющую память предков», а пророссийские заявления лидеров МЧА как «деятельность, которая наносит вред интересам черкесского народа» [12].

Большую роль в радикализации черкесского движения играет Интернет, который способствует образованию независимых от традиционных общественных организаций молодежных сетевых сообществ, как правило, предлагающих радикальные проекты решения «черкесского вопроса». Сетевые

порталы и форумы служат сегодня каналами политизации этничности. Необходимо отметить участие внешних акторов в деятельности черкесских сетевых ресурсов.

Проявления политического радикализма налицо также в деятельности ряда русских, в том числе казачьих, объединений. В этом отношении показателен кейс о создании так называемой Донской казачьей республики во главе с А. Юдиным. Им разрабатывался проект конституции республики, готовились соответствующие документы для подачи в ООН на признание ДКР полноценным субъектом международных отношений [10]. 14 октября 2009 г. в ст-це Старочеркасской прошел II Общенациональный съезд казачьего народа, на который съехались 360 представителей казачьих округов [7]. 3 июля 2010 г. в г. Армавире состоялся Учредительный большой круг Кавказской казачьей линии Юга России, куда приехали 1143 делегата-казака с Дона, Кубани и Терека. Событие слабо освещалось в СМИ, данные о нем находятся на малопосещаемых новостных ресурсах [6].

Делегаты выступили за необходимость «организоваться и стать хозяевами своей земли и нашей жизни». По заявлению председателя Совета стариков Донской республики Николая Задорожного, у казаков отняли возможность жить в хуторах и станицах, «живем как зеки в поселениях с ограниченными правами. Земля кровью добыта нашими предками и завещана нам, её необходимо вернуть и передать нашим детям» [10].

Сразу после съезда, на котором было провозглашено создание Донской республики, в Интернете, в частности в «Живом журнале» и на тематических ресурсах, началась масштабная информационная поддержка [11]. Последовали обвинения в адрес «путинской системы» и призывы «свержения этого преступного строя и формирования свободного от влияния Москвы независимого Донского государства». Выдвинут лозунг формировать вооруженные партизанские отряды и вести борьбу за независимость. На сайтах «Кавказ-Центр» и «Кавказский узел» было анонсировано создание Донской повстанческой армии, а затем регулярно появлялась информация о ее деятельности [1].

Прокуратура Ростовской области провела проверку деятельности организации «Донская казачья республика». По заключению прокуратуры области, распространяемая литература содержит угрозу восстания, а также заявления о намерении нарушить территориальную целостность РФ путем образования самостоятельной административно-территориальной единицы. Тексты формируют в сознании людей конфликтную картину мира, что может стать причиной экстремистских действий. По результатам проверки в феврале 2011 г. прокурор Ростовской области В. Кузнецов вынес предупреждение организации о недопустимости осуществления экстремистской деятельности, иначе деятельность этой организации будет запрещена [3]. Но к началу октября

2011 г. ни сайт данной организации, ни материалы «Донской казачьей республики» не включены в Федеральный список экстремистских материалов [15].

В случае казачьих сепаратистских идентификаций налицо элементы мифологизации массового сознания, определенные В. А. Ачкасовой, а также формируется двойная идентичность — «мы вместе с Россией» вместо «мы — Россия» [2].

*В заключение необходимо отметить, что в регионах Юга России с преобладанием корпоративных и умеренно-консервативных ориентаций политической культуры радикальные идеи легли на подготовленную социокультурную почву — укорененную в общественном сознании систему региональных ценностей и мифов, несколько сглаженную политической мифологией советского периода, однако полностью ею не искорененную. В условиях пограничного макрорегиона сепаратистские настроения представляют особый риск национальной безопасности, поскольку могут быть использованы общественными движениями, ряд которых действует не без поддержки иностранных структур. Развитие современных средств связи переносит дискурс сепаратизма в новое коммуникационное поле. Если раньше радикальные идеи транслировались преимущественно местной политизированной интеллигенцией или использовались некоторыми представителями этнизированной элиты в предвыборных целях, то сегодня сеть Интернет представляет собой значимый канал политизации этничности. В этой связи нужен системный мониторинг коммуникационной среды — печатной прессы, телевидения, радио, других СМИ и сети Интернет с целью обнаружения и нейтрализации сепаратистских структур. С негативными социокультурными тенденциями невозможно бороться исключительно силовыми методами, поэтому необходимо создание специализированных экспертных групп, доказывающих несостоятельность радикальных сепаратистских проектов, а также противопоставляющих им созидательный проект общероссийской идентичности.*

### **Библиографический список**

1. Атаман «Донской казачьей республики» считает предупреждение прокурора Ростовской области необоснованным URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/181796>.
2. Ачкасова В. А. Региональный политический ландшафт России: столкновение интересов. СПб.: СПбГУ, 2002.
3. Бровкина М. Шашки в ножны // Российская газета. 2011. 21 февр.
4. Быченков Д. Проблема политического риска: понятие и методы оценки // МЭиМО. 2008. № 1.
5. В Адыгее большинство коренного населения поддерживает проведение Олимпиады в Сочи. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/177563>.

6. В Армавире возродили Кавказскую казачью линию. URL: <http://pan.ru/region.php3?rg=32&tp=2&th=0&bid=31194&id=30626>.
7. Выписка из протокола 2-го Общенационального съезда казачьего народа. URL: <http://kazachiikrugdona.forumpro.eu/t235-topic>.
8. Выходцы с Кавказа провели акцию памяти и скорби в Стамбуле. URL: <http://www.zihia.net/index.php?newsid=96>.
9. *Кабард А.* Черкесская хроника: оптимистическая трагедия. Портал «Адэгэ Хэку». URL: <http://www.aheku.org/page-id-2399.html>.
10. *Коваленко А.* Казачество плюс сепаратизм равно... URL: <http://evrazia.org/article/1397>.
11. Обращение генштаба Донской повстанческой армии. URL: <http://nationalliberal.livejournal.com/249077.html>.
12. Открытое письмо Аскеру Сохту. URL: [http://www.elot.ru/main/index.php?option=com\\_content&task=view&id=2592&Itemid=98](http://www.elot.ru/main/index.php?option=com_content&task=view&id=2592&Itemid=98).
13. Сайт движения «NoSochi2014». URL: <http://nosochi2014.com>.
14. *Смертин А.Н.* Политический радикализм: некоторые аспекты определения понятия // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. №9.
15. Федеральный список экстремистских материалов. URL: <http://www.minjust.ru/ru/activity/nko/fedspisok>.
16. *Цветков О.М.* Адыгский (черкесский) вопрос на Кавказе // Юг России: проблемы, прогнозы, решения. Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2010.
17. *Черкесская диаспора провела в США и Турции акции протеста против политики России на Северном Кавказе.* URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/124903>.
18. Черкесы выступают против Олимпиады. URL: [http://www.elot.ru/main/index.php?option=com\\_content&task=view&id=355&Itemid=1](http://www.elot.ru/main/index.php?option=com_content&task=view&id=355&Itemid=1).

## ВЛАСТЬ КАК ФАКТОР ГРАЖДАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

М. В. Савва<sup>1</sup>

Статья посвящена исследованию проблем влияния власти на гражданскую культуру в современной России. Власть является определяющим фактором формирования гражданской культуры. Автор делает вывод о том, что актуальные для современной России типы гражданской культуры могут быть выделены методом отстройки от типов стратегий политического управления, используемых в ходе реформ. Новации в системе власти сопровождаются одной из трех стратегий: игнорированием; имитацией; внедрением. Соответственно, стратегия игнорирования порождает протестную гражданскую культуру, имитация — культуру правового сопротивления, и внедрение — культуру гражданского сотрудничества.

*Ключевые слова:* гражданская культура, участие граждан в управлении, административная реформа.

The article devotes to the problem investigation of authority influence on civic culture in modern Russia. Authority is a determining factor of civic culture forming. The author concludes that relevant types of civic culture for modern Russia can be separated from types of political administration strategy using in the course of the reforms by turning-out method. Innovations in the authority system are accompanied by one of the three strategies such as: neglect; imitation; implementation. Accordingly, neglect strategy causes protest civic culture, imitation causes legal opposition culture, and implementation causes civic cooperation culture.

*Key words:* civic culture, administration on citizen's participation, administrative reform.

Понимание гражданской культуры со времени издания классического труда Г. Алмонда и С. Вербы [10] усложнялось и дифференцировалось в понимании различных авторов [11]. В настоящее время уже возникает необходимость определения авторского подхода к гражданской культуре в каждой новой работе. Автор настоящей статьи исходит из того, что гражданская культура — это система установок человека на его взаимодействие с властью и другими гражданами в решении общих проблем и тип поведения в таком взаимодействии. В данном понимании нет отсечения каких-то форм гражданской куль-

<sup>1</sup> Савва Михаил Валентинович — доктор политических наук, профессор кафедры связей с общественностью КубГУ. Эл. почта: srrcmike@list.ru.

туры из-за их неразвитости или агрессивности. Протестная активность, по нашему мнению, также является частью гражданской культуры. Гражданская культура связана с деятельностью теснейшим образом. Так, Е. В. Соцкая пишет: «Гражданскую культуру можно охарактеризовать как исторически обусловленный способ духовно-практической деятельности человека по освоению действительности, воплощающий опыт предшествующих поколений в сочетании с социокультурной динамикой» [7, с. 16].

Гражданская культура, как любое социальное явление, не автономна, она вырастает под влиянием системы факторов. Для России важнейший из этих факторов — роль государства. Одной из особенностей нашей страны является большая роль государства во всех сферах жизни. Один из интереснейших современных российских исследователей власти академик Ю. С. Пивоваров говорит о том, что в России сформировался такой тип развития, в котором власти и государству принадлежит решающая роль. Именно поэтому в России стала складываться особая культура, которую Ю. С. Пивоваров назвал властечцентричной [4].

Избыточность государства приводит к его сильному влиянию на гражданскую культуру. Это влияние осуществляется через «сцепление» культуры властного управления и гражданской культуры. При этом тренды культуры управления в современной России крайне противоречивы. С одной стороны, федеральная власть провозгласила в первой половине нулевого десятилетия административную реформу с такими направлениями, как: переход на управление результатами, оптимизация функций исполнительной власти и борьба с коррупцией, стандартизация и регламентация деятельности власти, повышение эффективности взаимодействия власти и гражданского общества [2]. Цели административной реформы отвечают интересам гражданского общества: повышение качества и доступности государственных услуг; ограничение вмешательства государства в экономическую деятельность субъектов предпринимательства, в том числе прекращение избыточного государственного регулирования; повышение эффективности деятельности органов исполнительной власти.

С другой стороны, на уровне субъектов РФ и в муниципальных образованиях вектор изменений власти довольно часто направлен в противоположном направлении. Это подтверждается, например, усилением коррупции в течение последнего десятилетия. Так, по экспертным оценкам, только в период с 2000 по 2005 г. размер деловой коррупции в России вырос в 9 раз. Несмотря на активную риторику власти на тему борьбы с коррупцией, коррупция становится все более системной и социально опасной. Исследования, в том числе исследования Южного регионального ресурсного центра [3], фиксируют несколько тенденций в этой сфере.

1. Рост процента «откатов». Дойдя до планки 50% и более, откаты «замораживают» экономическую жизнь. С одной стороны, отдать столько чиновнику нельзя, поскольку это означает разрушить проект, который за эти средства необходимо по поручению государства выполнить. С другой стороны, поскольку чиновник ждет не меньше 50%, он просто не принимает решений о финансировании.

2. Появление новых практик, которые говорят о развитии коррупции. Например, продажа должностей в органах власти на определенный срок. Это ускоряет коррупционный оборот и одновременно усиливает коррупционную нагрузку на бизнес и граждан.

3. Внедрение коррупции в сферы, где ее раньше не было. Практически отсутствовала коррупция в распределении грантов на поддержку социальных проектов некоммерческих организаций, пока этим занимались зарубежные фонды. В то же время практики распределения грантов для российских НКО некоторыми российскими грантодающими организациями демонстрируют высокую коррумпированность.

Это противоречие между федеральной стратегией и региональной практикой может быть объяснено различиями интересов федеральной и региональной власти, а точнее, групп влияния, принимающих решения на федеральном и региональном/местном уровнях. Так, федеральная власть объективно заинтересована в суверенитете и конкурентоспособности страны на мировом рынке. Для сохранения первого и достижения второго и была начата реформа системы власти в России. Известный российский политолог А. И. Соловьев пишет: «Современные тренды эволюции политики наглядно показывают, что и качество управления государством, и перспективы развития общества напрямую зависят от характера вовлеченности граждан в управление государством. Именно этот показатель, предполагающий полное использование всех общественных ресурсов для разработки выигрышных управленческих решений, становится ключевым в условиях нарастания неопределенности» [5, с. 16]. В то же время интересов сохранения суверенитета и роста конкурентоспособности объективно нет у региональной власти и органов местного самоуправления: их функционал сохранится и в условиях отсутствия суверенитета и конкурентоспособности.

Что в настоящее время пытается делать федеральная власть с механизмами своего влияния на гражданина и общество в целом? В 2005 г. в России была концептуально оформлена административная реформа, т. е. реформа системы исполнительной власти. Фактически она начала реализовываться еще на пару лет раньше. Административная реформа вводит формализованные процедуры взаимодействия гражданина с властью. Сильная сторона этих процедур — именно их формализованность, которая защищает гражданина. Механизм защиты очень прост — если есть формализованная процедура, то за отступле-

ние от нее чиновник должен быть наказан. Для России чрезвычайно актуален переход к новому типу взаимоотношений между гражданином и властью. Его можно назвать взаимодействием на основе формализованных процедур. Эти процедуры массово вводятся именно в настоящее время на самом насыщенном взаимодействиями уровне — в системе местного самоуправления. Если вводимые регламентами процедуры взаимодействия будут сконструированы не в интересах гражданина или если они останутся только на бумаге — неизбежен дальнейший рост относительной депривации. Это определяется тем, что в условиях чрезмерности российской власти доминирование неформальных практик означает подчинение и подавление гражданина.

В то же время для российской современности характерны массовые неформальные практики деятельности власти. Они находятся в тени и в принципе не формализуемы. Таким образом, одно из главных противоречий современной политической культуры России — это противоречие между реальной неформальностью и вводимой формализацией.

Неформальные практики, в том числе противоречащие закону, свойственны всему обществу и всем уровням политической элиты. Так, руководитель одной из республик Северного Кавказа получил доклад о необходимости принять нормативный документ о порядке проведения публичных слушаний, поскольку этого требует федеральный закон, взял время для обдумывания и сформулировал решение: «Я звонил соседям-главам. Ни у кого этого нет, и нам не нужно».

Гражданский контроль становится ключевым понятием в системе активной гражданской культуры. Власть уже не в состоянии эффективно контролировать сама себя, федеральному центру требуется поддержка в лице общественного контроля. На местном и региональном уровнях, несмотря на попытки активизировать механизм ротации силовиков, очень часто возникают партнерские отношения между должностными лицами, которые должны контролировать друг друга (полиция, прокуратура, суды, следственный комитет). Новые механизмы гражданского контроля вводятся на протяжении нескольких последних лет. Необходимо вспомнить Общественную палату России, систему общественных наблюдательных комиссий в субъектах РФ (контролируют соблюдение прав человека в местах принудительного содержания). Наиболее яркий пример последнего времени — Указ Президента России «Об общественных советах при министерстве внутренних дел РФ и его территориальных органах». Согласно указу одна из задач общественных советов — «осуществление общественного контроля за деятельностью органов внутренних дел». Необходимо подчеркнуть, что впервые в нашей стране общественная консультативная структура была наделена контрольными полномочиями. При этом речь идет не об одном совете, а о системе таких органов. В Краснодарском крае полтора

года назад были сформированы общественные советы при каждом управлении и отделе внутренних дел в городах и районах.

Рассмотрим, какие полномочия даны общественным советам системы МВД указом Президента:

«6. Общественный совет для выполнения возложенных на него задач имеет право:

а) запрашивать и получать в установленном порядке от органов внутренних дел информацию об их деятельности...;

б) заслушивать в порядке, установленном Министром внутренних дел Российской Федерации, информацию должностных лиц Министерства внутренних дел Российской Федерации и его территориальных органов о деятельности органов внутренних дел по пресечению преступлений, охране общественного порядка, обеспечению общественной безопасности и профилактике правонарушений;

в) вносить руководителям органов внутренних дел Российской Федерации предложения по совершенствованию деятельности органов внутренних дел;

г) создавать по вопросам, отнесённым к компетенции общественного совета, комиссии и рабочие группы...;

д) принимать в порядке, определяемом Министром внутренних дел Российской Федерации, участие в работе аттестационных комиссий органов внутренних дел и конкурсных комиссий по замещению вакантных должностей сотрудников органов внутренних дел;

е) оказывать содействие сотрудникам органов внутренних дел в защите их прав и законных интересов» [8, с. 31].

Приведенный перечень является исчерпывающим.

Сравним с полномочиями членов Совета по наблюдению за действиями полиции Сан-Диего (США). Этот опыт известен автору по результатам стажировки в 2009 г. Члены Совета по наблюдению за действиями полиции, сформированного мэром города, имеют право:

— участвовать в патрулировании совместно с полицейскими;

— знакомиться со служебными файлами сотрудников полиции и обсуждать вопросы соблюдения закона этими сотрудниками на закрытых заседаниях (в течение месяца проводится два закрытых заседания совета и одно открытое);

— проводить проверки законности применения оружия полицейскими; в случае если расследование рабочей группы совета и полицейского начальника приведет к разным выводам, принимается позиция Совета;

— самостоятельно проводить рассмотрение жалоб на действия полицейских.

Таким образом, полномочия членов Совета по наблюдению за действиями полиции значительно шире. Конечно, оба случая являются компромиссами между интересами органа власти (полиции) и гражданского общества. Но в американском варианте этот компромисс построен за счет интересов органа власти, в российском — за счет интересов гражданского общества.

Напрашивается вывод: понимая необходимость расширения гражданского участия в управлении, федеральная власть выстраивает модель контролируемого участия. Это можно назвать участием совещательного типа.

Для ответа на вопрос, будет ли такая модель эффективной, необходимо учитывать особенности российской гражданской культуры. Как показывают результаты исследований, она очень своеобразна. В нашей стране наиболее широко распространены пассивные, аполитичные субкультуры. Наиболее распространенный тип — субкультура наблюдателей (чуть более половины населения — 56%). Почти каждый десятый россиянин — носитель «приходской» культуры (9%), а каждый двадцатый — культуры «подчинения» (5%) в терминологии Г. Алмонда и С. Вербы. На протяжении последних полутора десятилетий эти пропорции сохраняются [11].

Главная характеристика политической жизни современной России — это устойчивое отчуждение большинства населения от власти. При этом в России существует довольно высокий уровень интереса к политике, что не характерно для классических аполитичных культур. Таким образом, можно составить социальный портрет россиян постсоветского периода: достаточно образованные люди, привыкшие использовать различные каналы политической коммуникации, на досуге разговаривать о политике и одновременно не верить политикам и представителям власти.

Носители субкультур активной группы — это россияне, желающие оказывать влияние на власть. Однако большинство из них не верят нынешней власти и олицетворяющим ее персонам. Доверие к власти людей, потенциально составляющих ее опору, в частности, в организации гражданского участия в управлении, может быть достигнуто в результате демонстрации властью серьезности своих намерений. Другими словами, уровень этого участия, закрепленный нормативно, должен быть выше современной российской практики общественного контроля и даже выше экспериментального варианта, который в настоящее время осуществляется в российской полиции.

Актуальные для современной России типы гражданской культуры могут быть выделены методом отстройки от типов стратегий политического управления, используемых в ходе реформ. Новации в системе власти сопровождаются одной из трех стратегий: игнорированием; имитацией; внедрением. Игнорирование предполагает, что власть не делает ничего даже в сфере своей прямой ответственности. Имитация означает формальное выполнение, когда проблема не решается, но создается видимость активности по ее решению.

Внедрение — оптимальный вариант, при котором власть искренне и целенаправленно внедряет важную для общества инновацию.

Соответственно стратегия игнорирования порождает протестную гражданскую культуру, имитация — культуру правового сопротивления, внедрение — культуру гражданского сотрудничества. Культура гражданского общества субъектов РФ и даже более крупных по территории регионов может быть отнесена к одному из этих основных типов. Другими словами, гражданское общество остается ведомым, позицию ведущего сохраняет власть. Один из главных вопросов современной российской сферы гражданской культуры: какую гражданскую культуру производит власть своими действиями?

От одного субъекта РФ к другому ответ на этот вопрос будет разным. Есть ряд территорий России, где можно говорить об общем векторе эффективного внедрения новаций в интересах общества: Пермский край, Самарская область. Здесь создаются условия для формирования культуры гражданского сотрудничества.

Для значительной части субъектов РФ характерна модель имитации. Это можно уверенно сказать, например, о Краснодарском крае. Требования административной реформы по повышению эффективности взаимодействия власти и гражданского общества в рамках данной модели выполняются формально, т. е. без ориентации на результат. Но все же выполняются. Это определяет главную ответную стратегию гражданского общества, которая реализуется в рамках культуры правового сопротивления. Другими словами, здесь структуры гражданского общества ориентируются на то, чтобы наполнить содержанием создаваемые властью «пустые формы»: общественные советы при органах власти, другие переговорные площадки. Кроме того, на таких территориях граждане сами иницируют и создают новые механизмы взаимодействия с властью (пример — ежегодный гражданский антикоррупционный форум Краснодарского края). При этом есть установка на взаимодействие именно с этой властью, конкретными чиновниками и депутатами. Представителями данной гражданской культуры власть воспринимается в значительной степени как функция. Это означает, что в этой системе у людей сохраняется надежда заставить власть действовать по правилам. Имитационный характер управленческой культуры в Краснодарском крае подтверждается результатами недавнего исследования, проведенного под руководством профессора В. Н. Якимца «Индексы оценки состояния гражданского общества в регионах современной России». Итоги исследования были представлены на симпозиуме «Культура конфликта во взаимодействии власти и гражданского общества как фактор модернизации России» в Подмоскowie в марте 2011 г., край занял третье место среди субъектов РФ по такому показателю, как «развитие партнерских отношений между гражданскими организациями и властью по продвижению механизмов межсекторного социального партнерства». Кубань оказалась сразу

за Самарской областью и Пермским краем [9, с. 19]. При этом наличие механизма социального партнерства фиксировалось по принятию нормативного документа. Проблема заключается в различиях между принятием документа и реальной активностью института. Например, Закон Краснодарского края «Об Общественной палате» был принят в 2008 г., однако до настоящего времени палата не создана. В течение всего 2010 г. в крае проходило по инициативе Общественного совета при ГУВД обсуждение новой редакции краевого закона «О противодействии коррупции», была создана при участии администрации края рабочая группа по подготовке соответствующей законодательной инициативы от имени губернатора. Но в итоге законодательная инициатива так и не была внесена.

Наконец, наиболее ярким примером модели игнорирования и соответственно протестной гражданской культуры являются некоторые республики Северного Кавказа. Для протестной гражданской культуры типична готовность многих людей на использование насилия по отношению к власти и ее представителей. Это гражданская культура вооруженного сопротивления, т. е. она признает возможность незаконных методов взаимодействия с властью. Проявлением такой культуры являются, например, теракты. Рост популярности салафий (фундаменталистского ислама) также можно рассматривать как ответную реакцию некоторой части общества на деятельность власти. Этот рост продолжается, поскольку у него есть объективная база — высокий уровень социальной депривации. «Дрожжи», на которых вырастает салафия — массовое чувство несправедливости. Типичная и главная характеристика салафитов их сторонниками — «они справедливые». Конечно, далеко не все носители протестной гражданской культуры и далеко не всегда готовы использовать незаконные методы в своем диалоге с властью. Но даже в тех случаях, когда выбираются легальные способы, граждане исходят из того, что эту власть нужно сменить. Пример: два года назад, при подготовке первых выборов органов местного самоуправления в Ингушетии, республиканская власть навязала муниципальным образованиям модель местных выборов по пропорциональной системе. То есть все депутаты органов местного самоуправления были избраны на первый двухлетний срок по партийным спискам. Создаваемые в настоящее время инициативные группы по проведению местных референдумов хотят добиться изменения этой системы, введения голосования по территориальным округам. Другими словами, люди исходят из того, что власть нужно сначала поменять, а потом уже строить отношения с другой властью.

Гражданская культура как культура деятельностного и конструктивного взаимодействия гражданина и власти в России еще не приобрела кумулятивного эффекта, когда потенциал саморазвития настолько велик, что не нуждается во внешних подпорках. В нашей стране гражданскую культуру необходи-

мо выращивать наиболее надежным способом: не мешать ее развитию. Что мешает этому в настоящее время?

1. Отсутствие у власти уровня субъектов РФ и местного самоуправления действенной мотивации развития гражданской культуры. Как уже говорилось, гражданская культура в современной России является ведомой, а ведущей остается избыточная по своим возможностям власть. Активный гражданин, создание условий для его развития просто не входят в спектр реальных интересов власти. Нет таких закрепленных законами полномочий власти, которые бы требовали содействия развитию гражданской культуры. Решению этой проблемы могло бы помочь введение обязательного аутсорсинга ряда функций власти на всех ее уровнях.

2. Фактическая включенность местного самоуправления в систему государственной власти. Законодательно это не так, но начальники управлений культуры муниципалитетов собираются на планерки в республиканском министерстве. Дело в том, что местное самоуправление по содержанию своей деятельности, по направленности интересов может быть нижним этажом государственной власти или верхним — гражданского общества. В нашей стране местное самоуправление фактически (но не по закону) подчинено государственной власти. Причина такой подчиненности — жесткая бюджетная вертикаль России. Органы местного самоуправления не могут позволить себе самостоятельности в отношениях с властями субъектов РФ в силу контроля со стороны последних за бюджетными ресурсами. Но усиливаются также другие способы обеспечения зависимости ОМСУ. Так, ширится практика внедрения в муниципалитетах схемы управления, предусматривающей выборы главы МО из числа депутатов и наличие назначаемого по контракту, но наделенного большими полномочиями главы администрации — «сити-менеджера». Это схема минимальной зависимости ключевых фигур муниципальной власти от граждан и максимальной — от субъекта РФ. В связи с этими проблемами необходима корректировка бюджетных нормативов: местное самоуправление должно стать более самостоятельным. Это не опасно с точки зрения угроз сепаратизма — районы из страны не уходят, ограничивать необходимо полномочия субъектов Федерации.

3. Отсутствие законодательно закрепленных механизмов непосредственного участия граждан в управлении делами государства. Некоторые из этих механизмов нормативно закреплены в каких-то субъектах Федерации. Но эта практика в настоящее время — скорее исключение, чем правило. Можно уверенно говорить об отсутствии законодательной основы для реализации конституционного права: «Граждане РФ имеют право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей» (ч. 1 ст. 32 Конституции России). Граждане нашей страны имеют право, но имеют ли возможность? Представьте себе реакцию чиновника, к которо-

му пришел гражданин со словами: «Хочу принять непосредственное участие в управлении делами государства. Что мне делать дальше?». Законодательная база России такова, что механизмы воздействия гражданина на государственную власть (федеральную или уровня субъекта Федерации) намного слабее этих механизмов на уровне местного самоуправления. Необходимо принятие и апробация в ряде субъектов Федерации разработанного модельного закона «О реализации права граждан на непосредственное участие в управлении делами государства» [1].

4. Отсутствие правовых механизмов перевода рекомендаций совещательных гражданских структур в обязательные для исполнения решения власти. Если обязательность отсутствует, в условиях современной России рекомендации не учитываются. Причина понятна — рекомендательные нормы общественных структур являются эффективным механизмом только в условиях страха действующей власти перед выборами. Если результаты выборов очевидны заранее, мягкий рекомендательный механизм становится бессмысленным. В настоящее время в нашей стране ситуация именно такова. Необходимо расширение практики наделения контрольными полномочиями общественных советов при органах власти с учетом опыта полицейской реформы.

5. Низкий экспертный потенциал структур гражданского общества, что не позволяет воспользоваться новыми механизмами влияния на власть:

- общественной экспертизой;
- регламентами оказания услуг;
- ежегодными докладами о результатах деятельности;
- возможностями общественных наблюдательных комиссий;
- контрольными полномочиями общественных советов при органах полиции и т. д.

Какие изменения региональных гражданских структур происходят в настоящее время? Социологи отмечают рост протестных настроений россиян. В 2011 г. в ходе всероссийских опросов около половины респондентов заявили о своей готовности принять участие в протестных акциях (по результатам февральского исследования ФОМ, 49% готовы выйти на улицы, а 45% не станут этого делать) [6]<sup>2</sup>. Безусловно, это вербальная сфера. Между заявить и выйти — большая дистанция, но все же направленность процесса очевидна. Декабрьские события 2010 г. в Москве и ряде других городов России подтвердили возможность «взрывной мобилизации», в ходе которой большие группы людей оперативно реагируют на конкретное событие, усиливающее массовую депривацию. Это событие должно быть из ряда ярко подчеркивающих несправедливость власти или хотя бы выглядеть таким образом для массовых

<sup>2</sup> Социологи фиксируют рост протестных настроений в России. URL: <http://www.rosbalt.ru/main/2011/02/25/823094.html>.

социальных групп. Реакция проявляется в протестных уличных действиях с применением насилия. Помимо расширения социального ареала протеста, феномен «приморских партизан» продемонстрировал появление новых географических ареалов крайнего варианта протестной гражданской культуры. Надежды на то, что выход из кризиса и увеличение объема «углеводородных» денег автоматически снизит общественное недовольство, безосновательны. Людей выводит на улицы не сам по себе низкий уровень жизни, а глубина различий между реальностью и ожиданиями.

Вектор изменений гражданской культуры направлен к протесту. И это крайне нежелательный вариант для России. Ответственность за дальнейшее развитие событий взаимна, она лежит как на власти, так и на гражданском обществе. Но это, безусловно, различная ответственность: власть конкретна и персональна, гражданское общество — общая, деперсонифицированная конструкция. При этом интерес сохранения стабильности должен быть общим для гражданского общества и власти.

Необходим перевод протестной активности, допускающей насилие, в форму правового сопротивления. При этом власть должна понимать, что такое сопротивление, не дающее гражданам результата, не может быть привлекательной моделью и не ослабит протестный потенциал насилия. Необходимо предъявлять этот результат людям в каждом субъекте РФ и муниципалитете.

Для получения результата недостаточно, чтобы власть стала признавать правоту граждан в возможном споре. Одна из самых важных задач дня — повышение экспертного потенциала гражданского общества. Компетентность в форме гражданской компетентности — один из базовых элементов гражданской культуры. К настоящему времени в рамках административной реформы уже создано много реально применимых (хотя и мягких) механизмов гражданского участия в контроле за властью и в принятии решений. Но, как в сказке Аркадия Гайдара о Мальчише-Кибальчише: «И снаряды есть, да бойцы побиты». То есть очень мало кто из граждан России знает об этих механизмах и тем более умеет их применять. В то же время объективная потребность в них у людей велика и продолжает расти.

### **Библиографический список**

1. *Акрамовская А.Г., Веприкова Е.Б., Савва М.В.* Модельные законы субъекта Российской Федерации «О реализации права граждан на участие в управлении делами государства в субъекте РФ» и «О государственных гарантиях права населения на осуществление местного самоуправления в муниципальных образованиях субъекта РФ» с комментариями. М.: ЗАО «Гриф и К». 2007.
2. Концепция административной реформы в Российской Федерации: одобрена распоряжением Правительства России №1789-р от 25.10.2005 г. URL: <http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/economylib4>.

3. Об общественных советах при министерстве внутренних дел РФ и его территориальных органах: Указ Президента России № 668 от 23.05.2011 г. // Российская газета. 2011. 27 мая.
4. Основные проблемы взаимодействия органов государственного управления и общественных организаций // Вектор влияния. Краснодар: «Полиграфсервис», 2007.
5. *Пивоваров Ю. С.* Тенденции русской государственности и современность. Первая лекция. URL: <http://lib.rus.ec/b/218266/read>.
6. *Соловьев А. И.* Диалог государства с обществом: проблемы и направления // Материалы Всероссийского научно-практического симпозиума с международным участием «Культура конфликта во взаимодействии власти и гражданского общества как фактор модернизации России». М.: РАПН, 2011.
7. Социологи фиксируют рост протестных настроений в России. URL: <http://www.rosbalt.ru/main/2011/02/25/823094.html>.
8. *Соцкая Е. В.* Становление гражданской культуры в современной России: философский анализ: дис.... канд. филос. наук. Ставрополь: СГУ, 2004.
9. *Якимец В. Н.* Оценка и направления использования потенциала гражданских инициатив и возможностей межсекторного социального партнерства при модернизации России // Материалы Всероссийского научно-практического симпозиума с международным участием «Культура конфликта во взаимодействии власти и гражданского общества как фактор модернизации России». М.: РАПН, 2011.
10. *Almond G. A., Verba S.* The Civic culture. Political attitudes and democracy in five nations. New York, 1963.
11. *Heunks F., Hiksboors F.* Political culture 1960-1990 // Values in Western Societies/ed. by de R. Moor. Tilburg, 1995.

## ONLINE-СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ В ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКЕ: «СЕМЬ МОСТОВ» ЕГИПТА

.....

Н. А. Рябченко<sup>1</sup>

В статье описывается влияние online-социальных сетей и блогов на развитие публичной сферы. Особое внимание уделяется рассмотрению социально-политической ситуации, сложившейся зимой 2011 г. в Египте и роли, которую сыграли online-платформы, такие как online социальные сети, Twitter и блоги в формировании «социальных мостов», мобилизующих доступ к ресурсам публичной политики и объединяющих социальные практики и информационные технологии.

*Ключевые слова:* online-социальные сети, блоги, публичная политика, революция в Египте, политический процесс, публичная сфера, «социальные мосты».

In article are described influence online social networks and blogs on development of public sphere. The special attention is given to consideration of a sociopolitical situation in winter of 2011 in Egypt and a role which have played online platforms, such as online social networks, Twitter and blogs in formation of «social bridges», which is mobilizing access to resources of a public policy and which is uniting social experts and information technology.

*Key words:* online social networks, blogs, the public policy, revolution in Egypt, political process, public sphere, «social bridges».

Дефицит публичности (публичной сферы), проявляющийся в неконкурентности политической среды, отсутствии/наличии слабой оппозиции, непрозрачности действий политических акторов, приводит к нарушению открытого целенаправленного взаимодействия власти, СМИ, общества. Термин «публичная сфера», введенный Ю. Хабермасом [17], означает реальную возможность для каждого члена общества участвовать в общественно-политическом дискурсе, что, по сути, является своего рода двигателем общественно-политического процесса. По мнению Ю. Хабермаса, наличие публичной сферы опреде-

---

<sup>1</sup> Рябченко Наталья Анатольевна – аспирант кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета. Эл. почта: rrrnatali@mail.ru.

Работа выполнена в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук «Социальные сети как ресурс модернизации современного российского общества: концептуальные основы и методология межрегиональных сравнений», МК-2122.2011.6.

ляется наличием оппозиции и независимых СМИ: эти два условия — гаранты демократии [17]. Работы Д. Белла [2], Г. Шиллера [14] (изучение потребностей капитализма в информации и манипулирование ею) и др. показывают коррелируемость публичности и публичной политики с изучением информационных обменов, значимость которых увеличивается с переходом к информационному обществу. При этом публичность представляется как фактор информационной культуры общества и реализуется через функционирование средств массовой коммуникации. В работах Г. Спенсера [10], Т. Парсонса [9], М. Вебера [4] деятельность социально-политических институтов рассматривается в связи со средствами массовой информации как с институтом публичной политики.

Технология web 2.0 и основанная на ней технология web 3.0 предоставляют пользователю возможность проектирования систем, которые создают единое социально-политическое пространство, значительно расширяющее возможности информационно-коммуникационных процессов, протекающих в этом пространстве. Это пространство будем именовать online-пространством<sup>2</sup> при условии, что термин «пространство» будет пониматься как сущность некоторой системы.

Рассматривая вопрос об особенностях функционирования публичной политики в разрезе новых социальных СМИ и online-пространств в целом, можно говорить о роли online-социальных сетей как о новом субъекте публичной политики или публичной сферы. Ведь вес online-социальных сетей в политическом процессе не вызывает сомнения после событий на Ближнем Востоке. Под online-социальными сетями понимается некоторая платформа, созданная в online-пространстве, служащая для вертикального и горизонтального взаимодействия пользователей платформы. Учитывая особенности и характеристики online-пространства, online-социальные сети могут приобретать различные дополнительные функции в зависимости от потребностей пользователей.

Во многих странах состояние медийной системы обуславливается давлением со стороны политической системы, притом отсутствие конкуренции в самой политической системе приводит еще и к отсутствию общественного диалога и выключению аудитории из информационного обмена. В результате СМИ как институт публичной политики теряют способность к самостоятельности при выполнении социально-политических функций, что отражается на состоянии публичной политики в целом. Очевидно, что online-социальные сети можно использовать как новый публичный инструмент управления массовым сознанием. События на Ближнем Востоке (2010-2011 гг.) показали,

---

<sup>2</sup> Online-пространство публичной политики – это совокупность спроектированных пользователями систем, основанных на применении технологий web 2.0 и web 3.0, отражающих offline-пространство публичной политики, а также создающих и расширяющих единое информационно-коммуникативное пространство публичной сферы (определение сформулировано автором).

что этот инструмент и технологии, основанные на социальных сетях, не должны остаться без внимания со стороны социологов, политтехнологов и научного сообщества в целом. Конечно, отношение к социальным сетям как новой технологии продвижения информации в обществе не может быть однозначным: не нужно забывать, что в период Второй мировой войны радио (как новая технология распространения информации для того времени) использовалось Й. Геббельсом для пропаганды нацистских идей [21] так же активно, как и королем Великобритании Георгом VI, который в своих радиообращениях призывал народы Англии и всей Британской империи объединиться и быть твердыми в годы опасности. Георг VI стал символом нации в ее борьбе за независимость и свободу страны [8].

Предположим, что online-технологии могут в нужный момент заменить то, что так сложно выстроить в авторитарных государствах — способную действовать оппозицию. Однако будет ли достаточно гражданам, живущим в подобных государствах, просто дать доступ к свободной информации? Ответ на этот вопрос требует дополнительного изучения в рамках исследования причин возникновения флуктуаций плотности информации в online-пространстве, приводящих к социально-политическим изменениям в обществе. Данные изменения не всегда положительно влияют на развитие публичной политики. Online-социальные сети и в целом online-пространство могут стать следующим каналом продвижения чьих-либо интересов после «цветных революций».

Безусловно, без критической массы граждан, готовых рисковать своей работой, социальным положением и т.д. невозможно было бы организовать ни одно сопротивление правящему режиму в истории человечества. Но «египетская революция» (события в Египте, освещаемые не египетскими СМИ, стали описываться не как хаос и беспорядки, а как революция только после публичного обращения к телекомпании Cable News Network [12] одного из известных блоггеров) четко показала мировому сообществу, что информационные технологии, особенно глобальные информационные платформы, играют и будут играть одну из решающих ролей в будущем публичной политики. Говоря о революции в Египте, мы будем говорить о революции социальных медиа, основой которых как раз и послужили глобальные информационные платформы online-пространства, такие как социальные сети и блоги, поддающиеся быстрой и четкой трансформации в зависимости от запросов и потребностей пользователей и создающие особый вид публичной активности. Толчком к развитию таких платформ стала математическая теория графов, основу которой заложил немецкий математик Л. Эйлер.

### **Конструкция социальных сетей и блогов**

В 1736 г. немецкий математик Л. Эйлер опубликовал решение задачи семи мостов Кенигсберга [1]. Среди жителей г. Кенигсберга была известна загадка:

как пройти по семи мостам города, не пройдя по одному и тому же мосту дважды. Л. Эйлер сформулировал правило, используя которое можно было определить, как пройти по всем мостам, не проходя дважды ни по одному из них.

Теория, изложенная Л. Эйлером при решении задачи семи мостов, стала основой для развития современной теории графов [1], которая в совокупности с идеей упорядочивания человеческого общества (работа Дж. Барнса «Классы и собрания в норвежском островном приходе» [6]), исходя из связи между индивидуумами, сформировала базис для построения современных online-социальных сетей и блогов, таких как Facebook и Twitter, по сути являющихся математической моделью теории графов вертикальных и горизонтальных человеческих взаимоотношений, наложенных на online-пространство. Не вызывает сомнения, что online-социальные сети — сложные и многогранные системы, эволюцию которых можно проследить вслед за развитием и распространением интернет-технологий.

Дадим общую характеристику наиболее распространенных online-платформ Facebook и Twitter.

**Facebook** — online-социальная сеть, основанная в 2004 г. для внутреннего пользования сотрудниками и студентами университетов «Лиги Плюща». В 2006 г. Facebook стал общедоступной платформой — каждый пользователь глобальной сети мог стать ее участником. Facebook стал своего рода зеркальным отражением общества внутри online-пространства. В отличие от блогов, Facebook, как и любая другая online-социальная сеть, является нетекстоцентричной закрытой системой, поскольку для доступа к информации необходима регистрация. Пользователи Facebook могут объединяться в группы, создавать и передавать различные сообщения (не только текстовые), ограничивать доступ к информации своего аккаунта. Количество пользователей Facebook в январе 2011 г. достигло более 600 млн чел., при этом более 50% пользователей заходят на свои страницы ежедневно [16]. Самая быстрорастущая возрастная группа пользователей этой online-социальной сети — люди от 35 лет [11].

В 2010 г. разработчиками Facebook был создан механизм FacebookLike — сервис социальных рекомендаций. Принципы работы этого механизма основаны на возможности пользователя делиться просмотренной им информацией не только внутри сети, но и в online-пространстве в целом, что приводит к возникновению эффекта социального продвижения информации. В среднем каждый пользователь в сети использует механизм Like девять раз в месяц. Интересен тот факт, что механизм Like перешел из online-среды в offline: многие магазины для привлечения новых клиентов используют в своих витринах наклейки с изображением кнопки Like. Очевидно, что этот прием в скором времени найдет свое отражение в offline-социальных акциях и offline-политических кампаниях для привлечения людей определенного статуса

и возраста. Facebook переведен на 70 языков, около 70% пользователей находятся за пределами США [11].

*Twitter* — это система, по своей функциональности попадающая в категорию микроблогов и предназначенная для размещения текстовых сообщений до 140 символов. В отличие от Facebook, это текстоцентричная открытая система, размещаемая информация в которой доступна без регистрации в самой системе. Twitter создан в 2006 г., к началу 2011 г. число пользователей достигло 200 млн [13]. Twitter доступен на семи языках. Сообщения в системе могут быть объединены в группы по типу или теме с использованием hashtag (слово или фраза начинающиеся с символа #), сообщение может быть написано приватно, если перед ним стоит символ d (при этом приватные сообщения (*directmessages*) могут дублироваться на электронную почту). Знак @ ставится перед именем пользователя для цитирования или ответа другими пользователями. Длина текстового сообщения в 140 символов обусловлена совместимостью с SMS-сообщениями, что делает систему весьма мобильной и оперативной в использовании. К примеру, в апреле 2008 г. аспирант университета Беркли был арестован в Египте за съемку антиправительственных выступлений. По пути в полицейский участок он успел отослать слово «арестован» в свой Twitter с мобильного телефона. В результате этих действий при содействии «френдов» информация о его задержании была передана в университет и в СМИ. Мгновенная реакция общественности благодаря Twitter привела к тому, что уже на следующий день он был выпущен на свободу [20].

### **Египетский «blackout»<sup>3</sup>: роль социальных сетей и блогов в социально-политических изменениях и развитии публичной политики на примере Египта**

Прежде чем приступить к рассмотрению вопроса о роли социальных сетей в социально-политических изменениях и развитии публичной политики на примере Египта, опишем состояние online-пространства Египта до событий зимы 2011 г.

Согласно исследованию «Mapping the Arabic Blogosphere: Politics, Culture and Dissent» 2009 г., посвященного блогосфере Ближнего Востока [15], египетская блогосфера — одна из самых крупных на Ближнем Востоке. При этом египетские блогеры являются самыми политически активными среди блогеров арабской online-публичной сферы, это обусловлено тем, что большое количество блогеров связаны с политическими движениями и принимают активное участие в offline-политике. Египетская блогосфера состоит из нескольких крупных кластеров.

---

<sup>3</sup> «Blackout» – термин, обозначающий полное отключение электропитания или длительное, масштабное нарушение радиосвязи.

1. Светско-реформистский, для которого характерен сильный политический дискурс. В него входят блогеры, критически относящиеся к Президенту и Правительству страны, и блогеры из движения «Kefaya», созданного в 2004 г. с целью объединения людей против режима Хосни Мубарака. Более 49% пользователей в возрасте от 25 до 35 лет.

2. Египетская молодежь. Средний возраст в этом кластере — 18-24 года. Более половины участников этого кластера женщины: темы феминизм, права, статус, hijab гораздо чаще встречаются в этом кластере, чем в других.

3. Братья-мусульмане (Muslim Brotherhood). Участники этого кластера — представители offline-движения «Братья-мусульмане», которое является старейшей и крупнейшей исламистской организацией Египта, с 1954 г. деятельность этой организации запрещена в Египте. Однако с 1984 г. представители движения активно учувствуют в выборах различного уровня по спискам других партий или в качестве независимых кандидатов.

4. Египетские исламисты (Egyptian Islamic) — кластер, сосредоточенный на обсуждении вопросов ислама. Рассматривая вопросы политики, участники этого кластера смешиваются с участниками других кластеров.

5. Широкая оппозиция — кластер похож на светско-реформистский, но содержит больше блогов, пользователи которых рассуждают на левоцентристские и проарабские темы. Сюда входят не только блогеры Египта, но и других стран. В этом кластере большое количество пользователей, выражающих поддержку западной культуре.

Говоря о блогосфере Ближнего Востока, исследователи отмечают [15], что online-сообщества не имеют четкой структуры в offline-пространстве, что не позволяет им влиять в полной мере на социально-политические процессы и публичную политику. Исключение составляет online-пространство Египта, в котором четко прослеживается влияние двух крупных offline-движений — «Kefaya» и «Братья-мусульмане». Можно сказать, что произошел перенос и укрепление этих движений в online-пространстве. Особенно интересен этот процесс переноса в случае с движением «Братьев-мусульман». Online-пространство не просто влияет на публичную сферу, оно изменяет позиции и политическую субъектность акторов публичной сферы.

Перефразируем Л. Троцкого: нужна всего одна искра для того, чтобы превратить недовольство миллионов людей в скандирующую толпу на улицах. Гибель 28-летнего Халед Саида после жестокого избиения полицейскими в июле 2010 г. в г. Александрии стала той самой искрой, заставившей египтян активизировать социально-политическую деятельность на страницах online-социальных сетей. Насильственная смерть — самый сильный катализатор для любого общества.

В online-социальной сети Facebook возникла группа под названием «Мы все Халед Саид» [22]. Группа велась двумя анонимными администраторами на английском и арабском языках [23]. В кратком описании этой группы представлена информация о гибели Халед Саида, о том, что он стал символом борьбы для многих египтян, которые хотят видеть свою страну свободной от жестокости и пыток, о том, что египтяне хотят получить возможность выбирать своих представителей во власти. Подробная информация содержит ссылку на интернет-источники, раскрывающие историю Халед Саида, особенно впечатляют фотографии Халед Саида до стычки с полицейскими и фотография, сделанная посмертно, олицетворяющая собой состояние Египта в целом [18]. Правящий режим, естественно, занес Халед Саида в списки преступников, хотя он был обычным представителем среднего класса, разместившим в интернете видео, компрометирующее ряд чиновников и связанное с рейдами наркополицейских. По официальной версии, Халед Саид умер от передозировки наркотиков, но многочисленные свидетели и видеоролики, размещенные в online-пространстве достаточно ясно описывали картину того, что на самом деле произошло. И даже после независимого расследования виновные так и не были наказаны. Это событие могло бы остаться для многих египтян и всего мира незамеченным, но online-технологии позволили не просто провести распространение информации по online- и offline-пространствам, но и подтолкнули людей сделать выводы и принять решения. Люди задавали вопросы и сами себе давали ответы. Одной из первых социально-политических акций, организованных при помощи Facebook, был «час молчания». Тысячи людей в черных одеждах вышли на берег реки в г. Александрия. Власть не услышала этого «послания», и в online-пространстве запустилась система накопления и распространения информации о нарушениях прав человека. Группа «Мы все Халед Саид» объединила сотни тысяч пользователей сети и сыграла решающую роль в распространении антиправительственных протестов, прошедших трансформацию offline-online-offline.

Результатом стала отставка действующего президента страны Хосни Мубарака — власть перешла Высшему совету Вооруженных сил Египта, и 19 марта 2011 г. в Египте на референдуме прошло голосование по внесению поправок в Конституцию. На этом референдуме избирателям было предложено одобрить или отвергнуть поправки к девяти статьям Конституции, в частности, поправки предусматривают сокращение сроков полномочий президента с шести лет до четырех [5].

Система, состоящая из online-социальных сетей, блогов, видеохостингов, поисковых систем и просто web-ресурсов, разбросанных по всему миру, работала на мгновенное распространение информации, видеоматериалов, формировавших представление о том, что на самом деле происходило в Египте, а также координацию действий в offline-среде. Впервые эта система работала

на поддержание информационного потока и формирование определенного общественного мнения не просто в отдельно взятом регионе, а в масштабах всего мира. Безусловно, попытки направленные на прекращение работы этой системы, неоднократно предпринимались со стороны власти. Эти попытки в январе 2011 г. свелись к тому, что Египет пропал с online-карты мира. Теоретически любая страна имеет несколько каналов, которые пересекают границы страны и подключаются к Backbone — глобальной инфраструктуре. Но так как через подобные каналы Египта к Интернету подключено несколько соседних государств, официальные власти не стали идти на отключение этих каналов по двум причинам: во-первых, отключение позволяло сохранить передвижение информации по внутренним сетям, во-вторых, могло привести к обострению отношений со странами, зависящими от этих каналов. Поэтому вначале был ограничен доступ к Facebook и Twitter, эта мера последовала за выступлениями в offline 25 января 2011 г. Затем власть оказала непосредственное давление на интернет-провайдеров с целью ограничения доступа для жителей Египта к сайтам по определенным IP-адресам, 28 января в Египте интернет-провайдеры перестали предоставлять услуги связи вообще. Однако компания Google, объединив усилия с сервисом микроблогов Twitter, создала телефонные линии в Бахрейне, Италии и США, которые позволяли принимать телефонные звонки и транслировать их в Twitter в качестве голосовых сообщений [19]. Соответственно, для того, чтобы прослушать эти сообщения, необходимо было зайти на страницу Twitter или воспользоваться выделенными телефонными номерами и прослушать их по телефону. Насколько с точки зрения психологии подобные звуковые твитты оказывали эмоциональное воздействие на человеческое восприятие, можно судить по записям в @speak2twee. Пользователи не просто читали сообщения, они слушали голос автора твита и звуки всего того, что окружало человека в момент записи.

Вопрос, выиграли власти или проиграли от того, что перекрыли доступ жителей к глобальной сети, остается открытым, поскольку online-социальные сети в некоторой степени служили буферной зоной между властью и обществом. Технология коллективной оптимизации действий, совмещенная с передачей опыта при помощи online-пространства, была неподвластна стандартным наборам действий аппарата Хосни Мубарака, направленных на подавление/подчинение лидеров и политически активного населения. Многочисленные аресты активистов практически не влияли на развитие событий в социально-политической жизни Египта, поскольку политические ультиматумы были сформулированы не в процессе уличных выступлений, а задолго до этого. Процесс обсуждения и выработки политического протеста, способного перерасти в революцию, прошел задолго до январских событий 2011 г., о чем свидетельствуют описанные материалы, полученные Центром Беркмана, и анализ страниц Facebook.

Любая технология приносит свои изменения в социально-политическую систему общества. Online-социальные сети и блоги не стали исключением. События, произошедшие на Ближнем Востоке в конце 2010 г. и в начале 2011 г., наглядно продемонстрировали то, что элементы online-системы, состоящие из социальных сетей и блогов, в некоторые моменты своего функционирования могут приобретать признаки субъектности, что позволит им повлиять на состояние публичной политики и публичной сферы offline.

Исходя из выдвинутого П. Бурдые утверждения, о том, что концентрация политического капитала в руках нескольких людей встречает тем меньшее сопротивление и, следовательно, тем более возможна, чем более исчерпывающе простые члены партии лишены материальных и культурных инструментов, необходимых для активного участия в политике [3], и опираясь на работы И. Мирошниченко [7], в которых говорится о приобретении группами признаков субъектности, а значит, и возможности влиять на политический процесс, мы описали процесс построения «социальных мостов» между элементами (online-социальными сетями и блогами) online-системы Египта (аналогия задачи семи мостов Кенигсберга), позволивших некоторым наиболее активным группам общественности в условиях ограниченности материальных и нематериальных инструментов участия в политике влиять на принятие политических решений. Вопрос, насколько стихийным является процесс построения такого рода мостов и насколько он прогнозируем, остается открытым. Online-пространство предоставляет пользователям огромный потенциал действия и воздействия. Выделяя ряд признаков, можно охарактеризовывать состояние систем, образующих подпространства online-пространства, и определять вероятность и способность к построению «социальных мостов», при этом необходимо будет учитывать и состояние социально-политической системы offline.

Если предположить, что публичная сфера едина в существовании online и offline и содержит доступ к различного рода ресурсам (включая информацию как ресурс), то можно описать «социальные мосты» как инструмент, с помощью которого мобилизуется доступ к ресурсам публичной политики в условиях кризиса/турбулентности. Очевидно, что существуют факторы, способствующие и препятствующие развитию «социальных мостов». И те, и другие могут быть условно разделены на каузальные и структурные.

Каузальные (причинные) факторы формируются под влиянием сложившейся действительности публичной политики и вытекают из внутривнутриполитических событий. Этот вид факторов напрямую связан со степенью свободы, которой обладает субъект публичной политики, и означает готовность и способность к действию.

Структурные факторы обусловлены наличием таких элементов/агентов, как партии, политические движения, СМИ, уровнем информатизации обще-

ства, уровнем способности граждан к информационному взаимодействию внутри страны и за ее пределами.

Египет показал направление развития инноваций — своеобразные семь мостов Египта как инновация, заключающаяся в слиянии информационных технологий и социальных практик. Благодаря этому слиянию обмен субъектным опытом выходит за рамки ближнего окружения. Человеку становится доступна информация о том, сколько еще таких же, как он. Процесс агрегации «социальных мостов» и запустил египетскую революцию.

### Библиографический список

1. *Башмакова И. Г., Юшкевич А. П.* Леонард Эйлер // Историко-математические исследования. 1954. № 7.
2. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 1999.
3. *Бурдые П.* Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993.
4. *Вебер М.* Политические работы. М.: Праксис, 2003.
5. Конституционная декларация Высшего совета Вооруженных сил Египта. URL: <http://www.sis.go.eg/En/Story.aspx?sid=53708>.
6. *Мальцева Д. В., Романовский Н. В.* О современных сетевых теориях в социологии // Социологические исследования. 2011. № 8.
7. *Мирошниченко И. В.* Политическая культура социально-профессиональных групп. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2006.
8. *Остапенко Г. С.* Британская монархия от Эдуарда VIII до Елизаветы. URL: <http://vivovoco.astronet.ru/vv/papers/history/kings.htm>.
9. *Парсонс Т.* О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2000.
10. *Спенсер Г.* Личность и государство. URL: [http://www.sotsium.ru/books/90/79/spencer\\_person\\_and\\_state.html](http://www.sotsium.ru/books/90/79/spencer_person_and_state.html).
11. Страница группы «Русскоговорящие пользователи Facebook». URL: [http://www.facebook.com/note.php?note\\_id=275521666600](http://www.facebook.com/note.php?note_id=275521666600).
12. Телекомпания Cable News Network. URL: <http://edition.cnn.com/WORLD>.
13. Число пользователей сервиса микроблогов Twitter достигло 200 миллионов. URL: <http://www.korrespondent.net/tech/technews/1177110-chislo-polzovatelej-twitter-dostiglo-200-millionov>.
14. *Шиллер Г.* Манипуляторы сознанием. М.: Мысль, 1980.
15. Berkman center for internet&society. URL: [http://cyber.law.harvard.edu/publications/2009/Mapping\\_the\\_Arabic\\_Blogosphere](http://cyber.law.harvard.edu/publications/2009/Mapping_the_Arabic_Blogosphere).
16. Goldman Sachs May Sell or Hedge Facebook Stake Without Warning. URL: <http://www.bloomberg.com/news/2011-01-06/goldman-sachs-discloses-it-can-sell-hedge-facebook-stake-without-warning.html>.
17. *Habermas J.* The structural transformation of the public sphere: An inquiry into a category of bourgeois society. Cambridge: Polity, 1989.

18. Khaled... A story of many Egyptians. URL: <http://www.elshaheed.co.uk/home-khaled-said-full-story-background-truth-what-happened-torture-in-egypt-by-egyptian-police>.
19. Some weekend work that will (hopefully) enable more Egyptians to be heard. URL: <http://googleblog.blogspot.com/2011/01/some-weekend-work-that-will-hopefully.html>.
20. Student "Twitters" his way out of Egyptian jail. URL: [http://articles.cnn.com/2008-04-25/tech/twitter.buck\\_1\\_cell-phone-blog-anti-government-protest?\\_s=PM:TECH](http://articles.cnn.com/2008-04-25/tech/twitter.buck_1_cell-phone-blog-anti-government-protest?_s=PM:TECH).
21. The Radio as the Eight Great Power by Joseph Goebbels. URL: <http://www.calvin.edu/academic/cas/gpa/goeb56.htm>.
22. We are all Khaled Said. URL: <http://www.facebook.com/ElShaheed#!/ElShaheed?sk=info>.
23. We are all Khaled Said. URL: <http://www.facebook.com/elshaheed.co.uk>.

**КОНЦЕПЦИЯ ДЕФЕКТНОЙ ДЕМОКРАТИИ  
КАК ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ПРОЦЕССОВ  
ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ  
СТРАН ЮЖНОГО КАВКАЗА**

.....

**Д. Ю. Тихонов<sup>1</sup>**

Рассматривается концепция дефектной демократии как объяснительной модели модернизационных процессов в странах Южного Кавказа. Выделяются основные черты политических режимов изучаемых стран, не соответствующие принципам демократии, так называемые дефекты. Автор делает выводы о применимости теории демократических дефектов к анализу модернизационных процессов на Южном Кавказе.

*Ключевые слова:* демократия, дефект, модернизация, выборы, ветви власти, политический режим.

The author examines the concept of defect democracy as an explanatory model of modernization processes in the South Caucasus. Highlighted the main features of political regimes in the countries surveyed that are not consistent with the principles of democracy, the so-called defects. Further, the author draws conclusions about the applicability of the theory of democratic defects to the analysis of the modernization process in the South Caucasus.

*Key words:* democracy, defect, modernization, elections, branches of government, the political regime.

Последние 25 лет XX в. и первое десятилетие XXI столетия примечательны триумфальным распространением демократии по всему миру. С легкой руки С. Хантингтона этот процесс был назван третьей волной демократизации, а отправной точкой послужила дата государственного переворота в Португалии 25 апреля 1974 г. [12, с. 13]. В дальнейшем число новых режимов, определяемых как демократические, стремительно росло, и в 1998 г., по подсчетам Freedom House, из 191 существовавших на тот момент стран 117, или 61,3%, провели

---

<sup>1</sup> Тихонов Дмитрий Юрьевич – аспирант кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета. Эл. адрес: tihonoff.d@gmail.com.

свободные, тайные и всеобщие выборы, т. е. обладали процедурным минимумом демократии [7].

В 2010 г., по данным Freedom House, электоральные демократии утвердились в 115 странах из 194 (что показывает тенденцию сокращения количества демократий — в 2005 г. по оценке этой же организации их было 123 из 192 стран). Что касается уровня свободы, то на 2010 г. свободными и частично свободными считались 132 страны против 105 в 1990 г. [13]. Как отмечают В. Меркель и А. Круассан, впечатление от краха коммунистических режимов и шквала демократизаций породило устойчивое мнение о торжестве западной модели общественно-экономического и политического развития и отсутствии у данной модели альтернатив. Примером может служить концепция «конца истории» Ф. Фукуямы [11]. Однако непрочность большинства новых демократий, последовавшая откатная волна позволили охарактеризовать данный исторический этап как триумф не либеральных демократий, а как историю успеха дефектного варианта нелиберальной демократии [11].

Прежде чем приступить к рассмотрению дефектных демократий, следует отметить, что понятие «демократия» — одно из наиболее широко трактуемых в политической науке. Наиболее распространены минималистическая концепция демократии И. Шумпетера, определяющая её как систему «достижения политических решений, при которой индивиды обретают власть решать путем конкурентной борьбы за голоса народа» [2], и концепция «полиархии» Р. Даля. Выдвинутая им теория предполагает не только широкую политическую конкуренцию и участие, но и высокие уровни свободы (слова, печати и т. п.) и плюрализма, позволяющие людям вырабатывать и выражать свои политические предпочтения значимым образом [3].

Полиархия описывается через два взаимозависимых измерения — политическое участие и политическую конкуренцию. Правда, этих измерений недостаточно для того, чтобы идентифицировать различия между конституционно-правовой и дефектной демократиями. Соответственно, она требует дополнения. В. Меркель и А. Круассан добавляют третье измерение для определения дефектов демократии — конституционное, или конституционно-правовое. Трехмерный концепт дефектной демократии выглядит следующим образом: 1) ограничение избирательного права, ограничение свободных и честных выборов, ограничение суверенитета народа; 2) господство невыборных политических сил, так называемых групп вето; 3) дисбаланс ветвей власти и нарушенный взаимный контроль [11]. Л. Даймонд определяет подобные режимы как псевдодемократии. К их числу относятся полудемократии, сближающиеся с электоральными демократиями по уровню плюрализма, конкурентности и гражданских прав, равно как и системы с гегемонистской партией. Кроме того, понятие «псевдодемократия» охватывает многопартийные электоральные системы, где недемократическое господство правящей партии выражено

довольно слабо и оспаривается, персоналистские и плохо институционализированные режимы [2].

Таким образом, дефектная демократия, или псевдодемократия, не является консолидированной демократией. Она может формально декларировать либерально-демократические принципы и частично содержать их, но де факто содержит в себе множество недемократических практик, дефектов. С. Хантингтон сформулировал так называемый тест двух передач власти, согласно которому демократия становится консолидированной только тогда, когда партия демократизаторов уступает власть после поражения на выборах, а потом возвращается к власти в следующем электоральном цикле [6]. Применительно к постсоветским странам Б. Макаренко интерпретирует тезис С. Хантингтона следующим образом: страна движется к консолидированной демократии, если: 1) действует система выборов всех органов власти согласно общепринятым стандартам свободного и честного волеизъявления; 2) сложилась практика смены власти через выборы, причем проигравшая политическая сила сохраняет шансы на возвращение во власть; 3) основные правила избрания высших властных институтов не подвергались за десятилетие существенной коррекции [6]. В качестве четвертого параметра Б. Макаренко упоминает территориальную целостность государства.

Поскольку страны Южного Кавказа также относятся к постсоветскому пространству и после распада СССР взяли курс на демократизацию своих политических систем, небезынтересно рассмотреть, насколько применима в их случае концепция дефектов демократии. Армения кажется относительно благополучной в плане консолидации демократии страной: отставка первого президента Л. Тер-Петросяна внешне выглядела добровольной, за ней последовали президентские выборы. Однако есть основания полагать, что к отставке его вынудили — фактически под угрозой государственного переворота, а сыгравший в этой истории ключевую роль министр обороны С. Саркисян (равно как и финалист президентских выборов К. Демирчян) были убиты в парламенте в результате крайне загадочной истории. К концу 2008 г. в Армении, с одной стороны, проявилась отчетливая тенденция к стабилизации политической ситуации, несмотря на кризис и ухудшение экономического положения, а с другой — властям Армении, в отличие от соседних стран Закавказья, удалось избежать перехода к авторитаризму и сохранить демократическую систему управления. Провалу «оранжевой революции» также во многом способствовала гибкая коалиционная политика С. Саргсяна и Р. Кочаряна, направленная на привлечение во власть умеренных оппозиционеров [1, с. 67]. На сегодняшний день политические волнения в Армении начинают потихоньку стихать. Анализ действий АНК на данном этапе свидетельствует о том, что Конгресс действует согласно следующей тактике: если нет сильной внешней поддержки, а внутренних

сил недостаточно, довольствуясь тактическим успехом, пойти на переговоры с властями на предмет получения статуса парламентской оппозиции.

Грузия не соответствует как минимум двум из выделенных нами критериев: в самом начале независимого развития страна пережила две катастрофы — утрату территорий и фактическую гражданскую войну, окончившуюся свержением первого президента. По глубине провала «строительства нации» Грузия уступает разве что Таджикистану [6]. Кроме того, Грузия пережила вторую радикальную смену власти — «революцию роз», а проигравшая политическая сила, как правило, не имеет шансов для возврата к власти. Для Грузии характерен эффект распада правящей партии после проигрыша выборов [10]. В настоящее время внутривластное положение Грузии характеризуется нарастанием оппозиционного давления на режим М. Саакашвили. Этому послужил и «кризис надежд», связанный с его правлением, и коррупционные скандалы [8], и несдержанные обещания по демократизации и улучшению экономической ситуации в стране. Перспективы развития политической ситуации в Грузии зависят не только от деятельности оппозиции, но и от позиции США. Вашингтон может выбрать стратегию поддержки команды Саакашвили либо дать Бурджанадзе карт-бланш на захват власти [1, с. 63].

Азербайджан по наличию дефектов можно сравнить с менее авторитарными из центральноазиатских государств. Он тоже пережил на заре независимого развития один свершившийся государственный переворот и несколько попыток свержения президента Алиева. Этим можно объяснить жесткость азербайджанской власти в отношении оппозиции, хотя к формальной отмене электоральных процедур это еще не привело. Самый очевидный тренд в политическом развитии страны — дальнейшее укрепление личной власти И. Алиева. Прошедшие в 2008 г. президентские выборы показали полный триумф власти над оппозицией. Достигнуто это было, прежде всего, применением репрессий против лидеров и активистов оппозиционных организаций. Некоторые из них вынуждены проживать в эмиграции. Другие подвергались арестам и полицейским преследованиям [9]. Если вернуться к определениям Л. Даймонда, в Азербайджане четко прослеживается доминантная политическая партия, от выборов к выборам победитель остается неизменным.

Анализируя формы правления трех стран, О. Зазнаев выделяет ряд дефектов в конституционно-правовом измерении: диссонанс между конституцией и ее реализацией в политической жизни; наличие «мертвых» или с трудом применимых норм; наличие перегруженных норм, предлагающих сложные и громоздкие процедуры и механизмы; затрудненная процедура вынесения вотума недоверия правительству со стороны парламента; гипертрофированная роль президента в рамках треугольника «президент — правительство — парламента» [5].

Подобный диссонанс наблюдается также и на уровне местной демократии. Несмотря на ратификацию Европейской хартии местного самоуправления и ее основных принципов, для стран Южного Кавказа характерны слабость муниципалитетов, экономическая несамостоятельность, вмешательство местных и центральных исполнительных органов. Местное самоуправление в странах Южного Кавказа не выполняет таких своих основных функций, как децентрализация власти, участие граждан в принятии политических решений на местах, распространение демократических ценностей. Муниципалитеты рассматриваемых республик находятся под жестким гнетом исполнительной власти, как центральной, так и местной [4].

В своей статье Б. Макаренко остроумно называет дефекты демократии в постсоветских республиках «детскими болезнями» и ставит свой диагноз для каждой страны. Так, в Армении «острые симптомы» практически отсутствуют, есть надежды на развитие демократии в сторону консолидации. Главная проблема — отсутствие механизмов преемственности власти и политической силы, нетождественной нынешней власти, которая была бы способна «встать у руля». «Хронически больными» признаются Грузия и Азербайджан. Грузия — из-за катастрофического и затяжного кризиса государственной идентичности и неспособности заняться собственной безопасностью (плюс еще более тяжелая форма вопроса о преемственности власти); Азербайджан уже заступил за черту, за которой начинается авторитарное государство, и пока более вероятно, что он скорее останется там, чем вернется в демократическое поле. Азербайджан, если когда-нибудь встанет вопрос о преемнике действующего президента, рискует скатиться до самого низа «шкалы демократии» [6].

Из сказанного можно заключить, что проблемы демократического строительства стран Южного Кавказа объясняются несоответствием между формально декларируемыми принципами и их фактическим осуществлением в политической практике. Для понимания характера протекающих в южнокавказских странах процессов необходимо вооружиться теорией, способной объяснить сущность данных процессов. На наш взгляд, теория дефектной демократии выступает в данном случае удачной объяснительной моделью. Для выявления демократических дефектов используется многоуровневый анализ, затрагивающий характер формирования властных институтов, степень институционализации политического режима, роль народного волеизъявления в принятии политических решений, характер распределения полномочий между ветвями власти и фактор государственно-территориальной целостности. Данные проблемы являются ключевыми в процессе перехода к демократической форме правления, и их изучение теоретически и методологически важно для понимания сути транзитивных процессов. Все это делает концепцию демократических дефектов важным теоретическим инструментом в изучении процессов политической модернизации.

### **Библиографический список**

1. *Александров М. В.* Современные тенденции внутривосточного развития стран Закавказья // *Обозреватель-Observer*. 2009. № 5.
2. *Даймонд Л.* Прошла ли «третья волна» демократизации? URL: [pavroz.ru/dov/daimondtrvol.doc](http://pavroz.ru/dov/daimondtrvol.doc).
3. *Даль Р.* О демократии М.: Аспект Пресс, 2000.
4. Демократия на местном уровне: руководство для Южного Кавказа. URL: [www.idea.int/publications/dll\\_caucasus/upload/Russian\\_text.pdf](http://www.idea.int/publications/dll_caucasus/upload/Russian_text.pdf).
5. *Зазнаев О. И.* Дефекты форм правления стран СНГ. URL: [www.politex.info/content/view/498/30](http://www.politex.info/content/view/498/30).
6. *Макаренко Б.* Консолидация демократии: «детские болезни» постсоветских государств. URL: [www.politnauka.org/library/dem/makarenko.php](http://www.politnauka.org/library/dem/makarenko.php).
7. *Меркель В., Круассан А.* Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях // *Полис*. 2002. № 1.
8. Мцыри из Мюнхена. Бывший министр обороны Грузии Ираклий Окруашвили готовит новые разоблачения. URL: [www.rg.ru/2007/11/07/gruzia.html](http://www.rg.ru/2007/11/07/gruzia.html).
9. США создают условия для расцвета террора в Азербайджане // *Азербайджан за неделю*. URL: [www.regnum.ru/news/173278.html](http://www.regnum.ru/news/173278.html).
10. *Тихонов Д. Ю.* Современное состояние и развитие партийной системы Грузии // *Теория и практики общественного развития*. 2011. № 6.
11. *Тургаев А.* Политология: хрестоматия. URL: [www.modernlib.ru/books/turgaev\\_aleksandr/politologiya\\_hrestomatiya/read\\_18](http://www.modernlib.ru/books/turgaev_aleksandr/politologiya_hrestomatiya/read_18).
12. *Хантингтон С.* Третья волна. Демократизация в конце XX века. М.: РОССПЭН, 2003.
13. Freedom in the World 2011. The Authoritarian Challenge to Democracy. URL: [www.freedomhouse.org/template.cfm?page=594](http://www.freedomhouse.org/template.cfm?page=594).

## ПАРТИЙНО-КЛАНОВЫЕ СТРУКТУРЫ И ВЛАСТЬ В ИЗРАИЛЕ

.....

Н. А. Тороус<sup>1</sup>

В статье рассмотрена типология неформальных внутрипартийных группировок как неотъемлемого атрибута израильских партий, дан анализ процесса эволюции партийно-клановых структур власти современного Израиля. Основными факторами, по мнению автора, обусловившими формирование почвы для возникновения и последующей эволюции неформальных внутрипартийных группировок следует считать превращение общества из унитарного в плюралистическое, легитимацию идеи мультикультурализма и возрастание политического веса новых элит и различных социальных, культурных и общинных групп.

*Ключевые слова:* Израиль, субэтнические группы, политические партии, партийно-клановые структуры, неформальные внутрипартийные группировки, левые, патрон, Партия труда, Ликуд.

In this paper a typology of informal intra-party factions as an essential attribute of Israeli political parties, an analysis of the evolution of the party and clan-based power structures of modern Israel. The main factors in author opinion, contributing to the formation of soil for the emergence and subsequent evolution of informal groups of inner transformation of society must be considered from a unitary in the plural, legitimizing the idea of multiculturalism and increase the political weight of the new elites and different social, cultural and community groups.

*Key words:* Israel, subethnic groups, political parties, party-clan structures, informal party-clan factions, left, chuck, the Labor Party, Likud.

Обращаясь к такой теме, как партийно-клановые структуры власти в рамках партийно-политической системы современного Израиля, необходимо начать с краткого анализа социальной среды — ее особенностей, подводных камней, что позволит более точно описать причины и механизмы возникновения, а также эволюцию структуры и форм неформальных внутрипартийных группировок как неотъемлемого атрибута израильских партий.

---

<sup>1</sup> Тороус Николай Александрович – аспирант кафедры политологии факультета международной коммуникации Балтийского государственного технического университета им. Д.Ф. Устинова «Военмех». Эл. почта: ntorous@yandex.ru.

Как известно, одна из основных внутренних проблем Израиля — взаимоотношения между ашкеназами и сефардами. Около 80% всех евреев мира — ашкеназы и лишь 20% — сефарды. Однако в Израиле более половины еврейского населения составляют сефарды. В этой связи следует отметить характерную особенность, обнаруженную еще А. де Токвиллем в 1830-х гг. при сравнении аристократических европейских и демократических американских правительств, заключающуюся в большей коррумпированности именно демократического правительства, составленного из представителей демократических партий [5, с. 152]. В аристократических правительствах государственными делами занимаются люди состоятельные, которых на государственный пост приводит лишь стремление к власти. В демократических правительствах государственные деятели — это бедные люди, и им только предстоит нажать состояние. Это можно сказать и о партийном руководстве, о партийных функционерах разного уровня, в данном случае его сефардской части.

Подобное положение сложилось сравнительно недавно. Когда в 1948 г. был основан Израиль, его население в основном состояло из ашкеназов. Создавая израильскую культуру, «отцы-основатели» — представители первой-второй волн алии, представляли себя «наставниками» всего общества. В качестве «статусной группы» это поколение создало свои культурные и языковые символы. Оно говорило на иврите так, как способны на это только уроженцы Израиля, что еще больше подчеркивало различие между ними и новыми иммигрантами. Бесконечные испытания в самых драматических ситуациях с нередкой необходимостью самостоятельно принимать ответственные решения способствовали развитию у представителей этого поколения нескольких характерных черт: решительности, нежелания полагаться на других и т. д. В той или иной мере в этом сказывалось влияние ницшеанского мифа о «новом человеке» — антитезе галутному, закабаленному столетиями жизни в изгнании еврейству [1, с. 16]. Это привело к тому, что у большинства уроженцев Израиля сформировалось презрительное отношение к иммигрантам, в которых они продолжали видеть носителей «моральной ущербности» евреев, живущих на положении притесняемого меньшинства в странах диаспоры.

Важно заметить, что особенность начальных этапов функционирования партийно-политической системы Израиля заключалась в доминировании, безраздельном пребывании у власти (в течение почти тридцати лет) партийно-блоковой структуры МАПАЙ-Маарах, представляющей собой яркий пример закона дезинтеграции партии большинства (закон Я. Гашека) и «железного закона олигархии» Р. Михельса в действии.

Необходимо отметить и тот факт, что Партия труда традиционно была партией ашкенази, европейских, в основном польских евреев. При этом ашкеназская часть элит Израиля — это, как правило, выразители левых политических взглядов.

Таким образом, затрагивая на первый взгляд совершенно не связанную с рассматриваемым вопросом тему о принципе разделения властей, системе сдержек и противовесов, нужно сказать, что судьи Верховного суда — это высококвалифицированные правоведаы, всегда относящиеся к высшему сословию (подавляющее большинство судей — светские люди, почти все они — ашкеназы), что само по себе создает определенный дисбаланс сил, поскольку в израильском обществе важную роль играют не только статусные, но и этнические, культурные характеристики [12, с. 225].

Судьи Верховного суда не составляют большинство членов Комиссии по назначению судей, однако их представителей больше, чем представителей любой другой структуры власти, а потому их влияние на назначение своих будущих коллег особенно велико. Неизбежные разногласия между представителями различных политических партий, делегированных в Комиссию правительством и парламентом, делает мнение судей Верховного суда (выражаемое, как правило, консенсуально) решающим при отборе кандидатур будущих судей и их назначении. Поименный состав Комиссии (т. е. тех её членов, которые были делегированы различными уполномоченными на то структурами — коллегией адвокатов, правительством и парламентом) является легитимной темой судебного контроля.

Следовательно, отличительной чертой политической системы Израиля на определенных этапах ее функционирования выступает доминирование субэтнической группы, а именно, ашкенази, чьи представители традиционно занимают ключевые позиции в структуре института судебной власти, а также в парламенте страны в период доминирования/пребывания у власти Партии труда.

Вместе с тем нужно учесть деятельность, направленную на деполитизацию судебной системы, результат которой проявился как в отказе судей от формального членства в какой бы то ни было партии, так и в их подчеркнутом неучастии в любого рода политических и партийных мероприятиях [4, с. 10].

Карни Эльдад, политический обозреватель «Гаарец», анализируя похожие («зеркальные») иски, поданные левыми организациями против незаконного строительства поселенцев, и иски, которые были поданы правыми организациями против незаконного арабского строительства, приходит к выводу, что решения Верховного суда грубым образом склоняются в определенную политическую сторону: «Сравнительная статистика показала, Верховный суд поддерживает левых и арабов» [11, с. 6]. Например, сколько времени отводит БАГАЦ ответчику на предварительную реакцию (самая первая реакция на исковое заявление)? Если иск подан левыми организациями, речь идет о 25 днях. Однако если иск поступает от правых, ответчикам предоставляется 88 дней. Еще до того как будут заслушаны обе стороны, суд может издать промежуточное постановление. Здесь мы имеем, пожалуй, наиболее грубый пример нера-

венства: по 90% исков, которые были поданы левыми и арабами, БАГАЦ издал промежуточные постановления. Что касается исков, поданных правыми, эта цифра сводится к нулю.

Говоря о судебной коллегии, надо полагать, что соображения, связанные с назначением судей, носят исключительно профессиональный характер. Однако в 60% заседаний по искам, поданным левыми и арабами, участвует председатель Верховного суда Дорит Бейниш. При этом в подобных заседаниях, когда речь шла об исковых заявлениях правых организаций она не участвовала ни разу.

Другой характерный пример: срок с момента подачи иска до первого судебного заседания — 389 дней, когда речь идет об исках, поданных правыми, и 177 дней, когда иски подают левые и арабы. В ходе процесса суд быстро выносит приговор, когда речь идет об исках правых. Среднее число судебных заседаний таково: 0,5 по искам правых и 1,9 (почти в четыре раза больше) по искам левых.

При этом такой институт израильского гражданского общества, как СМИ, имеет четко выраженную тенденцию влево, причём, как правило, тенденцию нескрываемую. Опросы показывают, что по любому из вопросов, беспокоящих израильское общество, взгляды среднестатистического израильского журналиста располагаются не просто левее, а гораздо левее взглядов среднестатистического израильтянина [3, с. 130]. М. Фейглин отмечает: «Объединение судебной системы и прессы является следствием «левацкого» мировоззрения и одновременно вытекает из желания зафиксировать новый постдемократический порядок» [7, с. 13]. Истеблишмент старается навязать обществу «новояз», по которому демократия означает власть БАГАЦа и госчиновников. Когда суверен, т. е. народ в лице своих представителей в кнессете, пытается настоять на своем, пресса называет это «законом в обход БАГАЦа». Подразумевается, что народ осмелился обойти настоящего суверена, и это, разумеется, «смертельный удар по демократии». Когда, скажем, ликудники, вступившие в партию по идеологическим причинам, настаивают на реализации программы, с которой Ликуд шел на выборы и выиграл их, то это называют «враждебным захватом» и, следовательно, «угрозой демократии».

Абсолютно логично, что левонастроенные правящие элиты «первого Израиля» (политически влиятельные, экономически и культурно господствующие верхние слои ашкеназского среднего класса), сделавшие ставку на нового лидера Кадимы Ципи Ливни, крайне болезненно восприняли тенденцию роста электорального рейтинга Ликуда перед выборами 2009 г. Соответственно ими было сделано все возможное для того, чтобы убедить «умеренного избирателя» в том, что Нетаниягу, если он станет премьер-министром, приведет к власти «ультраправых экстремистов», положит конец перспективам мирного урегулирования ближневосточной проблемы и поставит под угрозу экономическое и социальное благополучие в стране. Отражая настроения влиятель-

ных левых кругов, ведущие израильские СМИ продолжительное время перед праймериз в Ликуде в изобилии снабжали будущих избирателей расчетами и выкладками, свидетельствующими о том, что доминирующей группой в парламентском списке Нетаниягу выступят так называемые повстанцы — члены фракции Ликуда в 2003-2006 гг. (Реувен Ривлин, Юваль Штайниц, Юлий Эдельштейн, Михаэль Рацин, Эхуд Ятом, Аюб Кара и др.), являвшиеся жесткими противниками шароновского плана спасения «идеологии Осло» методом «одностороннего размежевания с палестинскими арабами» и в конечном итоге «вынудившими» Шарона уйти со своими сторонниками из Ликуда в Кадиму [9, с. 94].

Главным объектом нападок политических противников Ликуда и его лидера оказался глава правой ликудовской фракции «Еврейское руководство» Моше Фейглин, выразитель идеологии «новых правых» — концепции национального развития, основанной на сочетании классических идей ревизионистского движения (идеи «единой Земли Израиля» (к западу от реки Иордан) с укреплением национально-культурной идентичности Израиля как еврейского государства.

Контролируемые этими элитами ведущие израильские СМИ, как только были опубликованы результаты выборов в Ликуде, принялись убеждать общественность, что именно такой ультраправый список Нетаниягу и получил, концентрируя внимание читателей, зрителей и слушателей на наиболее controверсальных высказываниях Фейглина и его соратников.

Согласно практике, сложившейся в израильских партиях, успехи и неудачи партийных политиков есть во многом итог деятельности выстроенных годами и контролируемых влиятельными партийными кланами сетей взаимной поддержки и обмена услугами. Любопытно, что «Еврейское руководство» М. Фейглина, которое практически не имело доступа к этим ресурсам, сумело обеспечить электоральный успех своего лидера почти на голом идеологическом энтузиазме, что несколько дискредитировало Нетаниягу, пытавшегося перемешать политическую мозаику на уровне неформальных структур власти в партии. Как отмечает В. Ханин, «в «феномене Фейглина» старая партийная гвардия видит раздражающую ее опасность смены «правил игры»» [9, с. 95].

Проведенная Нетаниягу реформа структур Ликуда, в частности, переход к формированию избирательного списка в кнессет путем голосования всех членов партии, имела целью переподчинить лидеру или как минимум ослабить ведущие внутривнутрипартийные неформальные группировки. Успех этой деятельности пока ограничен: в ряде случаев прорваться к рядовым активистам через плотные ряды местных и региональных «манипуляторов» ему оказалось крайне не просто. Этим объясняется провал на праймериз ряда фаворитов Нетаниягу, которых он лично пригласил в список и обеспечил им поддержку своего лагеря [9, с. 94]. Сей факт ко всему прочему следует интерпретировать как шаг в сторону партийного бонапартизма — прямое обращение к партий-

ной массе для искусственного создания и поддержания своей харизмы, завоевания массы на случай ожесточения верхушечной схватки за власть.

Стоит отметить, что именно в период пребывания у власти Ликуда — партии, занимающей правые позиции политического спектра, появились основные законы о гражданских правах личности: Основной закон о свободе и достоинстве человека и Основной закон о свободе деятельности, принятые в 1992 г. (второй из этих законов был принят в 1994 г. в новой редакции в период правления Аводы). До этого зафиксированные в Декларации независимости права на свободу вероисповедания и совести, а также отчетливо выраженный в ней принцип «полного общественного и политического равноправия всех граждан без различия религии, расы или пола» никогда не были повторены ни в одном из принятых кнессетом законов [12, с. 236].

Любопытно, что новая версия Основного закона о правительстве (от 18 марта 2001 г.) также была принята после того, как в результате скорейших внеочередных выборов кресло премьер-министра занял лидер Ликуда А. Шарон.

Как пишет Э. Бен-Рафаэль, «к концу эпохи Мапай — Маараха сформировалась практика «наследственной дискриминации» — порочный круг, в котором сабры (ашкенази) восточноевропейского происхождения, воспитываясь в соответствующей культурной среде и получив хорошее образование, приходили на места своих отцов в государственном и управленческом аппарате, а дети восточных репатриантов, проведя тяжелое детство в городах развития, продолжали отставать в социокультурном плане» [1, с. 17].

Такое положение дел способствовало дальнейшему развитию института «домашних кружков» — неформальных внутрипартийных группировок, поддерживающих тех или иных политических лидеров. Согласно В. Ханину, это неотъемлемый атрибут израильских партий едва ли не с момента их зарождения в рамках сионистского движения начала XX в. [8, с. 42]. Речь идет о довольно аморфных, но сравнительно стабильных группах партийных политиков, связанных отношениями взаимной лояльности и обмена услугами. Члены таких неформальных группировок, известных как «клики», или политические кланы, обычно замыкают на себя контакты с функционерами и активистами исторически связанных с партиями деловых, производственных, образовательных, информационных, культурологических институтов, а также женских, молодежных, секторально-этнических и поселенческих (коллективные поселки внутри и за «зеленой чертой») движений.

Преобразование ведущих израильских партий из массовых движений в преимущественно парламентские организации обусловило существенную трансформацию партийно-клановых структур власти в Израиле. Причинами изменений такого порядка выступают:

- превращение общества из унитарного в плюралистическое;

— легитимация идеи мультикультурализма и возрастание политического веса новых элит и различных социальных, культурных и общинных групп;

— постепенный перенос центра тяжести с работы с собственными членами на работу по мобилизации электоральной поддержки широких масс населения.

Так в партиях постоянно снижалась роль формальных бюрократических институтов и соответственно шло снижение роли партийной бюрократии и возрастание значения политтехнологов, аналитиков и структур по формированию общественного мнения, а также внепартийных, в том числе неформальных, механизмов политической мобилизации и внешних источников финансирования.

Политические кланы, или неформальные группировки партийных политиков выходили за рамки «материнских партий» и связанных с ними организаций и движений, превращаясь тем самым в ядро (центр) более широких сетей взаимоотношений с деловыми, управленческими, академическими, военными, информационными и прочими кругами, элитами и группами интересов. Так, например, Э. Барак, победив в 1999 г. на прямых выборах премьер-министра, объявив себя «премьер-министром всех-всех-всех», последовательно укреплял клановые по сути структуры своей личной власти в рамках аморфного избирательного блока «Единый Израиль» за счет формальных структур Партии труда.

Другой пример — Ликуд, где в сложном симбиозе конкурентного сотрудничества функционировали исторически связанные с движением разнородные группы идеологических, политических, социально-экономических и общинных интересов. В рамках движения постепенно сформировалась сложная комбинация формальных и неформальных структур власти. Ее ядром на определенном этапе стал ближний круг А. Шарона, на тот момент лидера партии и премьер-министра, известный как «Форум Шикмим» (по имени фермы в Негеве, принадлежащей семье Шаронов). Данная структура возникла как группа поддержки А. Шарона в борьбе за его лидерство в Ликуде после выборов 1999 г. В состав группы, координаторами которой были личный советник Шарона адвокат Дов Вайсглас и сын А. Шарона Омри, входили политтехнологи Эяль Арад, Реувен Адлер, Лиора Хорева и Кальман Гаера, тщательно отобранные влиятельные (или вследствие принадлежности ставшие влиятельными) представители политической, военной, профессиональной, административной, СМИ и деловой элиты страны, связанные с лидером многоплановыми персонально-деловыми взаимоотношениями.

В. Ханин отмечает: «Группировки типа «Форума Шикмим» А. Шарона и «ближнего круга» Э. Барака, существенно отличались от «номенклатурных партократических кланов» в МАПАЙ, структур типа «Советов мудрецов Торы» в партиях ультраортодоксов или семейно-родовых группировок в араб-

ских партиях» [10, с. 45]. Они представляли собой властные структуры нового типа, вплетенные в более сложную систему взаимоотношений с традиционными персональными лагерями, идеологическими фракциями и группами интересов в партиях, квази-государственных органах (Гистадруте, Сохнуте, Земельном фонде и т.д.) и институтах исполнительной власти. Однако и для новой институционализированной формы отношений политического клиентелизма инфраструктура партий, и прежде всего их «центры» — постоянные члены периодически созываемых партийных конференций, нечто вроде расширенного состава ЦК, остаются главной политической площадкой, где только и возможна реализация максимальных властных амбиций. К примеру, Амир Перец, занимавший в 2005 г. пост председателя Гистадрута, оказался победителем в борьбе за пост лидера Аводы за счет поддержки коалиции, состоящей из части старых кланов Партии труда (Ш. Симхона, Б. Бен-Элиэзера); бывших активистов партии «Ам Эхад» (в основном членов рабочих комитетов государственных и профсоюзных компаний); третьего поколения номенклатуры МАПАЙ и идеологической группы новых левых, инициировавших принятие партией «концепции Осло». Иная комбинация этих же сил в 2006 г. способствовала замене А. Перца Э. Бараком.

Как отмечает В. Ханин, успех любого из кандидатов на внутрипартийных выборах<sup>2</sup> в Партии труда зависит не столько от привлекательности их идеологии, сколько от способности заручиться поддержкой влиятельных партийных кланов [8, с. 11]. В. Ханин пишет: «В 2007 году часть из них поддержали Ами Аялона, ранее занимавшего должности главкома ВМС и директора Службы общей безопасности (ШАБАК), однако Э. Бараку удалось привлечь на свою сторону влиятельного министра национальных инфраструктур Биньямина Бен-Элиэзера, который на слете своих сторонников, проходившем в Тель-Авиве, призвал их голосовать за Барака; министра сельского хозяйства Шалома Симхона, который помимо своего лагеря поддержки задействовал личные связи с руководством Объединенного кибуцного движения (ТАКАМ), тем самым обеспечив поддержку Барака со стороны этого сектора, составляющего около 40% постоянных членов Аводы» [8, с. 11]. Кроме того, Барак добился расположения так называемого третьего поколения номенклатуры МАПАЙ, два видных представителя которого — генсек Аводы Эйтан Кабель и министр туризма Ицхак Герцог ориентировали свои «лагеря» поддержать Барака на предстоящих праймериз, что в совокупности обеспечило победу Барака.

<sup>2</sup> В качестве поправки к закону о партиях от 1992 г., по инициативе Аводы в 1996 г. дабы устранить всевластие партийных штабов при составлении партийных списков, были введены праймериз — промежуточные выборы для отбора кандидатов в кнессет (ранее это входило исключительно в компетенцию штабов партий). Несмотря на все недостатки и издержки принятой системы, результатом впервые проведенных праймериз стало невиданное до этого обновление политической элиты страны. Так, по результатам выборов 1996 г. (кнессет 14-го созыва) 40% депутатов пришли в политику впервые.

Избирательная формула, а именно изменение механизма выборов премьер-министра страны придает дополнительный импульс процессу формирования неформальных структур власти<sup>3</sup>. Так как прямые выборы премьер-министра в Израиле более не практикуются, каждому из лидеров, если они заинтересованы в том, чтобы возглавить правительство, придется «конвертировать» свой личный рейтинг в голоса, поданные избирателями за их политические партии. А для этого им нужно не только сохранить «домашних» избирателей этих партий, но и вернуть ту часть бывшего электората Аводы, Ликуда и их предшественников (соответственно МАПАЙ и блока херутников-ревизионистов и либералов — ГАХАЛ), которые уже довольно давно откололись от «твердого ядра» их избирателей.

Период правления Б. Нетаньяху (с 1996 г. фактическое вступление в силу Основного закона о правительстве 1992 г.) характеризуется усилением внутриправительственных интриг, многочисленные кризисы привели к внеочередным парламентским выборам 1999 г. Период правления следующего премьер-министра, Э. Барака, продлился лишь до 2001 г. Характерно, что на первом же заседании правительства во главе с Э. Бараком, было принято решение о существенном расширении кабинета министров с 18 до 24 членов [2, с. 158].

Пример лейбористской Партии труда Израиля подтверждает тезис о том, что социал-демократические партии, как правило, усматривающие смысл своего существования в установлении общественной и государственной демократии и в теории обязанные иметь образцовую демократическую организацию собственной внутрипартийной жизни, на практике превращаются в ядро структур личной власти того или иного лидера-патрона в рамках аморфного избирательного блока. Как отмечал Р. Михелс в работе «Социология политической партии в условиях демократии», причиной этому служат социальные процессы, в частности, социальная трансформация рабочих партий, которая ведет за собой трансформацию политическую: «партия становится выразительницей интересов не только рабочих, но и всех трудящихся», так как новая политическая реальность требует, чтобы для достижения успеха, партия обращалась к предельно широкому кругу избирателей [6, с. 162].

Элита рабочих партий или партийное руководство с течением времени получают дополнительные мотивы, чтобы игнорировать мнение руководимой массы, предоставляя ей минимум информации и принимая важнейшие решения без апелляции к ней. Разрыв ранее тесных отношений между партийным руководством и рядовыми членами, характерный для первых этапов функционирования социал-демократических партий, привел к олигархизации последних [5, с. 154].

---

<sup>3</sup> В 1992 г. кнессетом был принят второй по счету Основной закон о правительстве, согласно которому вводились прямые всеобщие выборы премьер-министра страны.

Уже в 1999 г. было очевидно, что оба тогдашних кандидата на пост премьера, и Барак, и Нетаньяху, были больше озабочены числом голосов, которые будут поданы за них лично, чем количеством мандатов, которые смогут собрать их партии. Соответственно они были вполне готовы поделиться этими мандатами, например, с секторальными движениями, в случае если лидеры последних обеспечат им «правильный» выбор этих общин.

Возвращение к старой системе голосования только за партийные списки вновь поставило перед лидерами задачу «привязать» голоса своих сторонников к партиям, во главе которых эти лидеры шли на выборы. В 2003 г. эту задачу вполне решил Шарон, подавляющее большинство персональных сторонников которого проголосовали за его тогдашнюю партию Ликуд. При этом у Шарона, который активно выстраивал в рамках своего лагеря неформальные структуры его персональной власти, была и сверхзадача: интегрировать в эти структуры партийные институты Ликуда. Этого Шарону, равно как и ранее Бараку, который, победив на выборах 1999 г., пытался превратить свой клан в ведущее звено избирательного блока «Единый Израиль» и переподчинить ему формальные структуры Партии труда, так и не удалось. В дальнейшем Шарон попробовал объединить «плавающие голоса» обоих умеренных лагерей — и своих шаронистов, и баракистов (претензии на лидерство которым после временного ухода из политики Барака в 2001 г. заявил Шимон Перес) под «зонтиком» новой партии власти — Кадимы, созданной в ноябре 2005 г.

Реализация плана размежевания потребовала выстраивания отношений с различными компонентами инфраструктуры движения, которых Шарону следовало, согласно его политической логике, превратить в элементы становления режима своей личной власти.

Это затронуло статус идеологических фракций, которые прежде играли роль важного элемента симбиоза Ликуда. Занимая официально одну из верхних позиций в иерархии формальных и неформальных партийных структур, эти фракции, как правило, действующие в виде кружков или форумов (к примеру, «Форум за сохранение идеологических ценностей Ликуда», блок «Еврейское руководство» и др.), очевидно влияли на расстановку политических сил и процесс принятия политических решений [10, с. 47].

В условиях превращения Ликуда в главный двигатель плана размежевания, партийные бюрократические институты и связанные с ними формальные и неформальные структуры резко усилились за счет идеологических групп. Так, для завершения процесса одностороннего отделения Шарону оказалось недостаточно статуса харизматического лидера партии, чтобы выиграть внутрипартийный референдум по данному вопросу и ряд голосований по связанным с ним темам в ЦК и на съездах Ликуда. Лишь поставив своих людей во главе секретариата Ликуда (партаппарат), исполкома ЦК (органа политического руководства) и Политбюро, ответственного за выработку официальной идеоло-

гической линии движения, и усилив значение двух последних, А. Шарон сумел восстановить контроль над собственной партией.

К таким ресурсам следует отнести поддержку третьей группы внутрипартийных структур — лобби, направления и другие группы оформленных секторальных интересов: этнокультурные, социальные, региональные, профессиональные и т. д. Часть из этих категорий — репатрианты, религиозные, этнические меньшинства, молодежь, женщины, интеллигенция, жители сельскохозяйственных поселений и городов развития — имеют формальные организационные рамки и закреплённые за представителями этих групп места в избирательных списках.

Наиболее влиятельную группу партийных институтов составляют персональные политические лагеря. Верхушку израильского варианта группировок кланового типа образует сравнительно узкая группа представителей политической и административной элиты национального и регионального уровня, связанных отношениями личной лояльности и взаимным обменом услугами. В Ликуде, до его раскола в 2005 г., структуры такого рода были представлены лагерем премьер-министра А. Шарона, министров Б. Нетаньяху, С. Шалом, Ц. Ханегби, И. Каца и А. Ливнат [10, с. 48].

Среднее звено клановых структур Ликуда образовывали сравнительно стабильные неформальные политические группы, состоящие из членов пленума ЦК, как правило, функционирующих на базе крупных отделений партии, муниципальных блоков и административно-хозяйственных структур. Это группа профсоюзных бойцов Хаима Каца, иерусалимские группы Ицхака Койфмана, Игаля Амеди и Рафи Бар Хена; северные группы братьев Леви, Гастона Малка и Ицхака Регева и т. д. Именно в руках этих групп фактически находилось формирование основного состава центра партии и функционирование его основных секторально-лоббистских институтов.

Лидеры таких неформальных групп, как правило, находятся в отношениях взаимного обмена услугами с лидерами ведущих лагерей. В. Ханин характеризует эти связи как весьма подвижные: «В 2005 году глава «йеменитской муниципальной группы» активистов ЦК Ликуда, Узи Коэн, покинул лагерь сторонников Биньямина Нетаньяху и открыто перешел на сторону Сильвана Шалом» [10, с. 48].

Нижнее звено ликудовских кланов образуют члены ЦК, известные как электоральные посредники — политические назначенцы в министерствах и кампаниях, представители контролируемых Ликудом муниципальных органов и общественных организаций, в арабоязычном секторе это вожди бедуинских племен и старейшины друзских деревень.

Таким образом, в Ликуде, как и во многих других израильских партиях, а также вокруг них образуются широкие патронажно-клиентельные сети, превращающие политические кланы в развернутые структуры.

Будучи институционализированной формой отношений политического клиентелизма, партийно-политические кланы в Израиле контролируют реальный механизм функционирования «партийных машин», включая формирование избирательного списка и назначения в партаппарате; разветвленную систему связей с представителями различных общественных элит (бюрократической, силовой, хозяйственной, информационной, религиозной, академической, предпринимательской). Их участники объединены системой непосредственно-личностных (родственных, дружеских, этнических, земляческих) или превращенно-личностных (деловых, профессиональных, административных, имущественных) взаимоотношений.

Отношения членов политического клана с его лидером строятся на принципах персональной лояльности последнему, взаимном обмене услугами. Патрон вправе рассчитывать на максимальное задействование его клиентами имеющихся у них связей и возможностей для укрепления своего положения во властных структурах. Лидер, в свою очередь, обеспечивает своим сторонникам возможности карьерного продвижения: политические, административные и профессиональные назначения, а также обеспечение доступа к источникам материальных и социальных привилегий [10, с. 50].

Официальным лидерам Аводы, Кадимы и Ликуда — соответственно министру обороны Эхуду Бараку, лидеру оппозиции Ципи Ливни и премьер-министру Биньямину Нетаньяху — сегодня приходится вести непростую борьбу за сохранение власти со своими конкурентами из числа высшего партийного руководства. На последних выборах эти партии оперировали главным образом личностями своих вождей, их командами и определенным набором электоральных символов, а не сформулированными идеологиями. Следовательно, в новой политической реальности партиям необходимо озаботиться созданием более акцентированных идейно-политических платформ (прежде всего во внешней политике), что в свою очередь порождает серьезную конфронтацию между идеологическими фракциями и течениями, весьма нежелательную для движений, обращающихся к предельно широкому кругу избирателей, так как последние зачастую делают свой выбор в соответствии с той позицией, которую занимают лидеры той или иной общины, субэтнической группы, что является особенностью Израиля. Таким образом, сами эти движения становятся ареной обостряющейся борьбы внутрипартийных группировок, подерживающих личности и платформы тех или иных кандидатов на лидерство.

### Библиографический список

1. *Бен-Рафаэль Э.* Самоидентификация различных социальных групп в современном израильском обществе // Общество и политика современного Израиля. М.; Иерусалим: Мосты культуры — Открытый университет Израиля, 2002.
2. *Воробьев В. П., Чайко И. А.* Израильский парламентаризм: конституционно-правовой анализ. М.: МГИМО-Университет, 2006.
3. *Гейзель З.* Политические структуры Государства Израиль. М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 1999.
4. *Зиссерман-Бродская Д.* Верховный суд Израиля и публичная дискуссия о его функциях. Иерусалим: Теэна, 2000.
5. *Исаев Б. А.* Теория партий и партийных систем: учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 2008.
6. *Михелс Р.* Социология политической партии в условиях демократии // Мир политической мысли: хрестоматия по партологии. СПб.: Петрополис, 2002. Кн. 1: Основоположники партологии.
7. *Фейглин М.* Диктаторское государство и выдача евреев на растерзание // Макор Ришон. 2010. 24 янв.
8. *Ханин В.* Израиль: к теории и практике публичных политических «взрывов». М., 2008.
9. *Ханин В.* Израиль: предвыборная прелюдия послевыборных расколов. М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2010.
10. *Ханин В.* Партийно-клановые структуры власти современного Израиля. Опыт типологии // Ближний Восток и Современность. 2007. № 33.
11. *Эльдад К.* Сравнительная статистика показала: Верховный суд поддерживает левых и арабов // Гаарец. 2010. 11 июля.
12. *Эпштейн А.* Социально-политические последствия укрепления статуса Верховного суда как главенствующей структуры в политической жизни страны. Предварительные итоги «конституционной революции» и практики «судебного активизма» 1990-х годов // Ближний Восток и Современность. 1999. № 8.

## КОНФЛИКТОГЕННЫЕ ФАКТОРЫ ЛОКАЛЬНЫХ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ В ПОСТСОВЕТСКОЙ КАЛМЫКИИ

.....

**С. С. Белоусов<sup>1</sup>**

В статье на основе привлечения широкого круга источников исследуются причины и факторы локальных межэтнических конфликтов в Калмыкии в 1980-2000-е гг. Особое внимание уделено миграционному, этнопсихологическому, социально-экономическому и политическому факторам, оказывающим решающее влияние на создание конфликтного фона в Республике Калмыкия.

*Ключевые слова:* этнические конфликты, Калмыкия, миграции, народы Северного Кавказа, межнациональные отношения.

In article on the basis of attraction of a wide circle of sources are investigated the reasons and the factors of the local interethnic conflicts in of Kalmykia in 1980-2000 years. The special attention is given migrations, ethnic psychology, socio economic and political factors rendering decisive influence on creation of a disputed background in Republic Kalmykia.

*Key words:* the ethnic conflicts, Kalmykia, migrations, peoples of Northern Caucasus, interethnic relations.

Проблема межнациональных конфликтов на территории Республики Калмыкия до настоящего времени не стала объектом исследования учёных, несмотря на то, что за последние двадцать лет российскими учёными накоплена солидная теоретическая и эмпирическая база, позволяющая проводить подобного рода исследования. Научное изучение межэтнических конфликтов позволяет понять истоки и механизм их действия и наметить возможные пути для их разрешения и предотвращения. В этой связи особое значение приобретает изучение причин и факторов, способствующих возникновению межэтнических конфликтов.

Подавляющее большинство межэтнических конфликтов в постсоветской Калмыкии относится к разряду локальных, под которыми согласно методи-

---

<sup>1</sup> Белоусов Сергей Степанович – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории истории и этнографии Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН. Эл. почта: sbelousovelista@mail.ru.

ке, разработанной В. А. Харченко и Л. Л. Хоперской, понимаются микросоциальные конфликты, охватывающие небольшие географические пространства (отдельные населённые пункты, муниципальные образования и районы) [12, с. 10-11]. За период с 1989 по 2009 г. автором было выявлено на территории Калмыкии 63 межэтнических конфликта.

В Калмыкии большое влияние на создание конфликтогенного фона оказывают миграционный, этнопсихологический, социально-экономический и политический факторы.

Предпосылки к возникновению локальных межэтнических конфликтов начали складываться в 1960-1970-е гг., когда восстановленная в 1957 г. автономия калмыцкого народа вследствие огромных демографических потерь калмыцкого населения испытывала большие потребности в трудовых ресурсах. В переселенческом потоке в Калмыкию в те годы весьма заметную часть составляли и северокавказские народы: даргинцы, аварцы, чеченцы, кумыки и др. В отличие от мигрантов других этнических групп они в большинстве своём трудоустраивались в животноводстве и компактно расселялись семейными группами в мелких населённых пунктах: на фермах, гуртоправских стоянках и чабанских точках.

Послевоенные миграции привели к серьёзным изменениям в этнической структуре населения Калмыкии. За 30 лет (1959-1989 гг.) удельный вес северокавказских народов в результате миграций и высокого естественного прироста вырос с 0,8 до 9%, и по численности они стали третьими после калмыков и русских. В восточных районах республики (в Черноземельском, Ики-Бурульском, Яшкульском районах) северокавказские народы за период между переписями 1979 и 1989 гг. переместились на второе место, опередив русских, и их доля в 1989 г. в населении указанных районов составила соответственно 31,1, 25,9 и 19,5% [1, с. 68].

Одним из важных инструментов, позволяющих выявить отношение жителей региона к миграциям, являются социологические опросы. Анализ результатов нескольких социологических опросов, проведённых во второй половине 1980-х — начале 2000-х гг. свидетельствует о том, что у местного населения сложилось далеко не однозначное отношение к мигрантам определённых национальностей: против миграции северокавказских народов, как правило, высказываются от 35 до 45% респондентов.

Миграции, несомненно, накладывают определённый отпечаток на межнациональные отношения в республике, что даёт основание поставить их в ряд конфликтогенных факторов, которые при определённых условиях способны привести к возникновению локального межэтнического конфликта.

По сведениям переписи населения 2002 г., наиболее крупными по численности этническими группами в Республике Калмыкия были калмыки

(155938 чел., или 53,3% от численности всего населения), русские (98115 чел., или 33,6%), даргинцы (7295 чел., или 2,5%) и чеченцы (5979 чел., или 2%) [9, с. 6]. Некоторые исследователи подвергают сомнению цифру численности уроженцев Дагестана в Калмыкии, указанную в материалах переписи населения 2002 г., полагая, что она сильно занижена.

Что касается калмыцкого и русского населения, то статистика их численности по переписи населения 2002 г. в целом не вызывает особых разногласий. Анализ данных послевоенных переписей населения Калмыкии свидетельствует о том, что у калмыцкой группы сохраняется положительная динамика роста численности, хотя темпы прироста населения постоянно сокращаются. Вторым по численности народом Калмыкии продолжают оставаться русские, численность которых вот уже на протяжении трёх десятилетий стабильно снижается. За период между переписями 1979 и 1989 гг. русское население сократилось на 3979 чел. [11, с. 4], а с 1989 по 2002 г. — на 23416 чел. [9, с. 6]. Русское население уменьшается вследствие его массовой миграции за пределы Калмыкии и неблагоприятной демографической ситуации. С 1990 по 2007 г. русское население в результате миграций потеряло 20885 чел., а демографические потери с 1995 по 2008 г. составили 5671 чел. [3, с. 18].

Демографическая ситуация в Республике Калмыкия по сравнению с другими субъектами Южного федерального округа выглядит относительно благоприятной. Несмотря на падение рождаемости, в Калмыкии пока ещё сохраняется естественный прирост населения, однако необходимо отметить, что в первое десятилетие текущего столетия естественный прирост населения республики идёт в основном не за счёт составляющих более 86% населения Калмыкии калмыков и русских, а за счёт калмыков, народов Дагестана и чеченцев. Удельный вес наиболее многочисленных в Калмыкии северокавказских народов (даргинцев, чеченцев, аварцев и кумыков) в естественном приросте населения Калмыкии в 2002-2008 гг. составил 31,1%, в то время как у калмыков за то же время — 37,1%, у русских естественного прироста нет с 1992 г.

Сохранение естественного воспроизводства у северокавказского и калмыцкого населения положительно отражается на их возрастной структуре: по переписи населения 2002 г., у чеченцев лица в возрасте до 15 лет составляли 33,1% от их общей численности, лица от 15 до 40 лет — 44,7%, у даргинцев данные показатели были соответственно 31,1 и 47,7%, у калмыков — 23,6 и 39%. По этим показателям русские уступают указанным народам: у них доля лиц в возрасте до 15 лет — 18,9%, от 15 до 40-34,8% [9, с. 6]. Абсолютное и относительное преобладание у северокавказских народов и калмыков лиц молодых возрастов делает данные этнические группы более восприимчивыми к активным акциям в сфере межнациональных отношений.

Этническая составляющая сознания населения играет положительную роль в сохранении этноса, предохраняя его от ассимиляции, однако одновременно

она может создавать предпосылки для повышения межэтнической напряжённости, способной привести к конфликтам.

Социологические опросы 1990-х гг. показали доминирование у калмыцкого населения этнической и республиканской идентичности, у русских респондентов национальная и общегражданская идентичность оказались примерно на одном уровне. В 2000-е гг. акцент в определении идентичности у калмыков и русских сместился в пользу гражданских идентичностей, при этом значимость этнической идентичности имела тенденцию к снижению. Преобладание у опрошенных представителей титульной нации республиканской и близкой к ней этнической идентичности создаёт определённые предпосылки к конфликтам.

Важнейшим индикатором национальных отношений в обществе является ориентация представителей различных народов на позитивное взаимодействие в индивидуально-личностной сфере. Материалы социологических опросов 1980-1990-х гг. и начала XXI в. свидетельствуют о том, что между двумя самыми многочисленными этническими группами населения Калмыкии — русскими и калмыками в семейно-личностной сфере существует некоторое отчуждение. Истоки сложившейся ситуации, на наш взгляд, лежат в прошлом двух народов, формировавшихся в различных хозяйственно-культурных, этнических и конфессиональных средах. Калмыки по этническому происхождению являются монгольским народом, принадлежат к монголоидной расе, по вероисповеданию — буддисты, в хозяйственном отношении представляют тип центральноазиатских кочевников-скотоводов. Русские же формировались в иных историко-географических и этнических условиях. Их этнической родиной были лесостепи Восточной Европы, национальной религией — православие, хозяйственным типом — пашенное земледелие. Волею исторической судьбы столь непохожие друг на друга этнические системы оказались на одной территории и несколько столетий сосуществовали на ней, взаимно влияя, но принципиально не изменяясь. За годы советской власти обе системы в значительной степени были разрушены: изменился уклад жизни двух народов, социальная структура, произошёл резкий разрыв с национальными традициями. В результате модернизационных процессов произошло сближение двух народов, однако некоторая отчуждённость в отношениях между ними всё же сохранилась.

За последние 40-50 лет в Калмыкии в результате миграций сложились крупные этнические группы северокавказских народов из Дагестана и Чечни.

Среди прибывших из северокавказских республик мигрантов почти не было квалифицированных специалистов и горожан, большинство составляли уроженцы сельских районов, где внутренняя жизнь местного населения в большой степени регламентировалась национальными традициями. Кланово-родовой принцип организации общества северокавказские переселенцы принесли

с собой в Калмыкию, и он оказался довольно устойчивым, чему во многом способствовали изолированный характер расселения мигрантов и близость к исторической родине, связи с которой у них никогда не прерывались.

Привнесённый мигрантами из республик Северного Кавказа тип поведения, свойственный традиционным обществам, в целом был чужд численно преобладающим в КАССР калмыцкому и русскому населению, для которого был характерен современный тип организации общества. Несхожесть типов организации общества местного и пришлого населения способствовало формированию у части местного населения негативных этнических стереотипов в отношении мигрантов из Дагестана и Чечни. В конфликтных ситуациях местные жители при общении с представителями государственной власти и журналистами чаще всего среди отрицательных черт поведения кавказцев называли их вызывающее поведение и неуважительное отношение к ним со стороны кавказцев, склонность к воровству скота, стремление к этнической обособленности и использованию северокавказским населением неблагоприятных способов к обогащению.

На ситуацию в межнациональной сфере определённое влияние оказывает социально-экономическая обстановка, однако чаще всего не напрямую, а опосредованно. Если в период проведения рыночных реформ уровень жизни большинства населения резко падает, то в социуме создаётся стрессовая ситуация, которая в полиэтничных регионах существенно повышает риск осложнения межнациональных отношений.

В Калмыкии важным фактором, способствовавшим возникновению определённой напряжённости в межнациональных отношениях, стали трудовые миграции северокавказского населения. В силу своей массовости они изменили этнический состав работников животноводческой отрасли, где ранее доминировало калмыцкое население. Так, в 1985 г. доля северокавказских народов в данной отрасли составляла 59,9%, калмыков — 23,9, русских — 12,2, других народов — 4,7% [2, с. 129].

Животноводство привлекало северокавказское население довольно широкими для советской эпохи возможностями поправить своё материальное положение. В Калмыкии характер и форма ведения животноводства предопределены её природными условиями: животноводческое производство здесь предполагает сосредоточение работающих в этой отрасли в мелких населённых пунктах и не требует привлечения большого количества людей, позволяя обходиться силами одной или нескольких семей. Всё это открывает широкие возможности для ведения индивидуального хозяйства и сокрытия от властей действительных доходов, а значит, и личного обогащения.

Заполнению мигрантами отрасли, традиционно считавшейся калмыцкой, способствовали причины объективного и субъективного характера. В период депортации, когда калмыки находились в ссылке и большей частью были

заняты не в традиционной для них отрасли производства, произошёл определённый разрыв в хозяйственной преемственности поколений. Для родившихся в Сибири калмыков и для тех молодых людей, на долю которых выпало профессиональное становление в годы депортации, животноводство перестало быть традиционным занятием. Старшее же поколение в силу больших демографических потерь, понесённых в годы депортации, после возвращения из ссылки не в состоянии было обеспечить животноводческую отрасль достаточным количеством кадров. Другой причиной, приведшей к потере калмыками ведущих позиций в животноводстве, стала быстрая модернизация калмыцкого общества, целенаправленно проводившаяся советской властью во второй половине XX в. В ходе неё значительные перемены претерпела социально-профессиональная структура калмыцкого народа, изменился его стандарт жизни. Молодое поколение стремилось получить образование и переехать на жительство в город, где можно было попытаться устроиться на более престижную работу и где условия быта были намного благоприятнее.

Когда в конце 1980-х гг. в стране начался социально-экономический кризис, относительное материальное благополучие северокавказского населения, достигнутое им в основном за счёт животноводства, вызывало у части местного населения всё большее раздражение и желание восстановить потерянные им ранее позиции в животноводстве.

В 1990-е гг. в связи с переходом России на новую модель социально-экономического развития произошло обвальное ухудшение социально-экономического положения большинства россиян. Калмыкия вступила в полосу реформ в худших стартовых условиях по сравнению со многими другими регионами. Она не имела развитой промышленности, собственных источников электроэнергии, разработанных значительных запасов природных ископаемых, за счёт доходов от которых можно было бы поддерживать социальную сферу и проводить реформы. В результате в народнохозяйственном комплексе республики произошёл резкий спад производства, закрылись многие промышленные и сельскохозяйственные предприятия. Между переписями 1989 и 2002 гг. в республике сократилось число занятого в экономике населения, причём особенно заметно у северокавказского населения. Так, если у калмыков и у русских доля задействованного в экономике населения в межпереписной период уменьшилась с 50,6 и 51,7% [11, с. 34] до 34,7 и 35,7% [2, с. 8] соответственно, то у даргинцев почти в два раза — с 45,1 [11, с. 35] до 24,3% [9, с. 9], а у чеченцев более чем в три раза — с 45,6 [11, с. 36] до 13,7% [9, с. 9]. Увеличению экономически незанятого населения у северокавказских народов способствовало обострение политической ситуации на Северном Кавказе и в первую очередь в Чечне. Спасаясь от военных действий, в Калмыкию прибыло большое количество вынужденных мигрантов, которые осели преимущественно в сельской местности у своих родственников и земляков. Это усилило нагрузку на соци-

альную сферу республики, а отсутствие работы ещё и подтолкнуло часть представителей северокавказских народов на незаконную деятельность. Всё это вызывало недовольство у старожильческого населения. На сходах и митингах из уст местного населения в адрес кавказцев часто звучали обвинения в незаконной продаже спиртных напитков, в спекуляции товарами, в скотокрадстве, неоднократно указывалось на значительное количество среди них нигде не работающих лиц трудоспособного возраста.

На фоне резкого падения уровня жизни большинства населения республики резко возросла преступность: в 1991-1995 гг. на территории республики в среднем ежегодно фиксировалось более 4,5 тыс. преступлений [5], в 2000-2004 гг. — более 5 тыс., в 2005 г. — 5458 преступлений, а в 2006 г. рекордное за предшествующие двадцать лет число — 5885 преступлений [4, с. 75]. Часть этих преступлений была совершена представителями северокавказских народов, при этом в сознании части местного населения сложилось представление о том, что многие преступления, связанные с кражей скота, разбоями, похищениями людей, — дело рук кавказцев. Последним, по мнению местных жителей, нередко удавалось уходить от наказания благодаря попустительству правоохранительных органов, в рядах которых служило немало представителей кавказских народов. Заметное представительство кавказцев в милиции в определённой степени подтверждается утверждением одного из лидеров чеченской общины Калмыкии Эльжуркаева о том, что среди сотрудников правоохранительных органов чеченцы — третьи по численности после калмыков и русских. Во время межнациональных конфликтов в 1980-х — начале 1990-х гг., в частности, в г. Элиста, Черноземельском и Сарпинском районах, сходы местных жителей выдвигали в качестве одного из главных требований удаление из милиции всех кавказцев.

На рост межнациональной напряжённости большое влияние также оказали политические события конца XX в. Проводившаяся в годы перестройки советским руководством политика гласности и демократизации в условиях низкой политической культуры привела не к сложению гражданского общества, в котором преобладают общечеловеческие ценности, а к росту национального самосознания, что спровоцировало резкий всплеск националистических настроений. Эти настроения обострились ещё больше после распада СССР, когда произошёл крах коммунистической идеологии, а у правящего слоя не было более привлекательной альтернативной идеологии. Не оказалось у российских реформаторов и продуманной стратегии в национальном вопросе, в результате чего при проведении национальной политики был допущен ряд серьёзных ошибок.

Усилению межнациональной напряжённости способствовали также действия отдельных руководителей на местах. В ходе этнических конфликтов его участниками почти всегда высказывались серьёзные претензии к деятельно-

сти местных властей. Их обвиняли в покровительстве, оказываемом кавказцам при приёме на работу в животноводство, в покровительстве их незаконной экономической деятельности, в игнорировании интересов калмыцкого и русского населения. Подобные обвинения в адрес районных и сельских властей имели под собою почву, поскольку именно их действия привели к национальным перекосам в кадровой политике, создав тем самым межнациональную напряжённость. Местные власти ответственны и за отсутствие эффективного надзора со своей стороны за хозяйственной деятельностью пришлых работников, нередко в целях личного обогащения преступавших закон.

Своё недовольство некоторыми действиями местных властей выражало и северокавказское население Калмыкии. Во второй половине 1980-х гг. руководители ряда хозяйств попытались выправить перекосы в кадровом составе животноводов, что сразу же привело к росту межнациональной напряжённости. Необходимо отметить, что с действиями местных властей непосредственно связано несколько межнациональных конфликтов, произошедших в Черноземельском и Сарпинском районах.

Конфликтогенность в межнациональных отношениях возросла в связи переходом республики к рыночным отношениям. В 1990-е гг. началась реорганизация бывших совхозов и колхозов, на базе которых создавались СПК и крестьянско-фермерские хозяйства. Одновременно менялись и формы собственности на селе. В некоторых хозяйствах руководители под разными предлогами попытались не допустить приёма кавказцев в члены СПК и передачи в их собственность земли и другого недвижимого имущества.

24 апреля 2007 г. на имя К. Н. Илюмжинова поступило письмо от уполномоченного по правам человека в Чеченской Республике Н. С. Нухажиева, где он, ссылаясь на обращения ряда граждан чеченской национальности Калмыкии к Президенту ЧР Р. Кадырову, проинформировал калмыцкого главу о нарушении прав чеченцев и уроженцев Дагестана в Калмыкии. В письме в довольно резком тоне фактически осуждалась национальная политика руководства Республики Калмыкия. В качестве примеров в упомянутом письме приводились конкретные факты безосновательного отказа местными властями передачи в собственность представителям северокавказских народов помещений и земель чабанских стоянок [11].

Если вернуться к началу 1990-х гг. и проследить до 2008 г. динамику оценки респондентами качества межнациональных отношений, то выяснится, что, несмотря на преобладание позитивных оценок, выросла доля тех, кто менее оптимистичен в своих оценках. Так, в сентябре 1993 г. считали хорошими отношения с другими национальностями 78% опрошенных, не очень хорошими — 15, плохими — 1% [10, с. 101], в 2002 г. нормальными их назвали 58,3%, стабильными, но не беспроблемными — 44,3% [6, с. 115].

При анализе факторов конфликтогенного порядка важно учитывать также и те из них, которые носили ситуационный характер, т.е. действовали только на определённом временном этапе в постсоветской Калмыкии. К ним можно отнести распад СССР, военные действия в Чечне, кризис 1998 г. и др. Необходимо также отметить и то, что возникновению межэтнических конфликтов в отдельных населённых пунктах способствовали факторы местного характера.

Приведённый в данной статье материал свидетельствует о том, что в Республике Калмыкия имеется определённый конфликтогенный потенциал для возникновения локальных межнациональных конфликтов. Этот факт органам государственной власти необходимо учитывать при проведении региональной политики в Калмыкии, при этом важно понимать, что глубинные основы межнациональных конфликтов лежат в различиях этнических систем противостоящих сторон и в слабой интегрированности северокавказских народов в российское социокультурное пространство.

#### **Библиографический список**

1. Белоусов С. С. Изменения в этнической структуре населения Калмыкии в 90-е годы XX в. // Россия и Центральная Азия: историко-культурное наследие и перспективы развития: материалы Междунар. науч. конф. Элиста: АПП «Джангар», 2008. Ч. 2.
2. Белоусов С. С. Локальные межэтнические конфликты в Калмыкии в годы «перестройки» (1985-1991 г.) // Конфликты и сотрудничество на Северном Кавказе: управление, экономика, общество: сб. тез. Междунар. науч.-практ. конф. Ростов н/Д: СКАГС, 2006.
3. Белоусов С. С. Межнациональные конфликты в Республике Калмыкия в годы «перестройки» и в постсоветский период (1985-2009 гг.): отчёт о научной работе. Рукопись. Элиста: Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН, 2009.
4. Калмыкия в цифрах: стат. сб. Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Республике Калмыкия. Элиста: АПП «Джангар», 2007.
5. Ланцынова М. Круговая оборона МВД Калмыкии против боевиков, скотокрадов, проституток, а также обвесов и обсчётов // Известия Калмыкии. 1996. 7 февр.
6. Муянова Б. М. Миграционные процессы и проблемы толерантности в Калмыкии // Вестник Калмыцкого института социально-экономических и правовых исследований. 2004. № 1.
7. Население отдельных национальностей, владение языками, уровень образования, распределение по статусу в занятии и источникам средств к существованию, группировка домохозяйств и семей по размеру в разрезе районов. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года по Республике Калмыкия. Элиста: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Калмыкия, 2005. Ч. 2.
8. Национальный архив Республики Калмыкия. Ф. Р-1. Оп. 4. Д. 2867.

9. Национальный состав и языки народов Калмыцкой ССР. Демографическая, культурная и социально-экономическая характеристика отдельных национальностей. Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Элиста: Госкомстат РСФСР. Калмыцкое республиканское управление статистики, 1991. Ч. 2.
10. *Очирова Н.Г.* О некоторых вопросах развития межнациональных отношений в Республике Калмыкия // Калмыцкая нация на рубеже столетий: современное состояние, перспективы развития. Элиста: КГУ, 1995.
11. Р. Кадыров направил в Калмыкию рабочую группу для восстановления прав чеченцев. URL: <http://chechnya.gov.ru/page.php?r=11106>.
12. *Хоперская А.А., Харченко В.А.* Локальные межэтнические конфликты на юге России: 2000–2005 гг. Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2005.

## **ЭКСТРАОРДИНАРНОСТЬ, СЛУЧАЙНОСТЬ И ПРОТЕСТ В ПОЛИТИКЕ (К ИТОГАМ IX ВСЕРОССИЙСКОГО СЕМИНАРА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО КОМИТЕТА РАПН ПО СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТОЛОГИИ)**

.....

**Морозова Е. В.<sup>1</sup>**

6-9 октября 2011 г. на базе Кубанского государственного университета при организационной и финансовой поддержке РГНФ прошел IX Всероссийский семинар Исследовательского комитета РАПН по сравнительной политологии «Экстраординарность, случайность и протест в политике: тематическое и методологическое поле сравнительных исследований». Оргкомитет семинара следовал традиции, связывая проблематику семинара с исследовательской темой комитета 2011 года: «Событийная природа политики и исследовательские стратегии в сравнительной политологии». В семинаре участвовало 68 исследователей, представляющих университеты и академические структуры 14 регионов страны. 42 участника выступили с докладами в рамках семи тематических сессий, 26 — участвовали заочно. Заметно было участие молодых политологов: в мероприятии приняли участие 7 студентов-политологов и 9 аспирантов.

Участники представляли Институты РАН — Институт социологии, Институт системного анализа, ИНИОН РАН, Московский, Санкт-Петербургский, Кубанский, Астраханский, Ставропольский, Адыгейский, Воронежский, Волгоградский, Тюменский Ярославский, Южный федеральные государственные университеты, Российскую академию народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Московский городской психолого-педагогический, Армавирский государственный педагогический, Пятигорский государственный лингвистический университеты, Балтийский государственный технический университет «Военмех», Дагестанский институт экономики и политики, Краснодарский университет МВД России, Ярославский государственный педагогический университет, Северо-Кавказскую академию

---

<sup>1</sup> Морозова Елена Васильевна – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой государственной политики и государственного управления КубГУ. Электронная почта: morozova\_e@inbox.ru

государственной службы, Санкт-Петербургский филиал ГУ-ВШЭ, Карачаево-Черкесский филиал Российского государственного социального университета, филиал Кубанского государственного университета в г. Армавире, администрацию города Краснодара.

Первую тематическую сессию «**Сравнительный анализ закономерного и случайного в политике: тематические и методологические границы**» открыл декан факультета управления и психологии, руководитель проекта к. и. н., проф. **А. М. Ждановский** (КубГУ). Он не только поделился опытом личного участия в экстраординарных политических событиях начала 1990-х годов, но и проанализировал их последствия, векторы влияния на политический процесс в Краснодарском крае. В докладе председателя Научного совета РАПН, д. филос. н., проф. **Л. В. Сморгунова** (СПбГУ) было рассмотрено значение сравнительного политического исследования случаев в аспекте событийного знания. Событийность самой политики является ее отличительным признаком от происходящего в других сферах жизнедеятельности общества. Метод и стратегия политического исследования должны учитывать эту событийную природу политики. Категория «политическое событие» играет важную роль в разрешении проблемы методологического синтеза в современной сравнительной политологии. Д. социол. н., проф. **Л. И. Никовская** (Институт социологии РАН) посвятила свой доклад конфликтологическому анализу модернизирующихся обществ в контексте угроз глобального кризиса. Взрывное ускорение перемен, вызывающее шок столкновение с новыми реалиями, ценностями и моделями поведения изменяют смысловую непрерывность жизненного мира. Трудности развития российского общества состоят в том, что общество оказалось перед императивом «креативной модернизации», основой которой является инновационный тип развития, не решив задач «первичной» модернизации, призванной освободить социум от традиционалистских и тоталитарных наслоений, очистить от деформаций «дикого капитализма», провести реиндустриализацию страны. Каналы и механизмы латентного политического протеста стали предметом рассмотрения в докладе д. полит. н., проф. **А. И. Соловьева** (МГУ). В докладе председателя Правления РАПН, д. полит. н., проф. **Л. Н. Тимофеевой** (РАНХиГС) речь шла о дуализме юридических и этических прерогатив и пределов конвенционального-неконвенционального политического поведения. Доклад д. полит. н., проф. **А.-Н. З. Дибирова** (Дагестанский институт экономики и политики) был посвящен причинам и проблемам протестных настроений на российском Кавказе. По мнению докладчика, политика мультикультурализма размывает национальную идентичность России, усиливает процессы национально-гражданской дезинтеграции. Первая сессия завершилась докладом д. полит. н., проф. **С. П. Поцелуева** (ЮФУ) о ритуализации политической агрессии, о возможностях и рисках этого процесса. Ритуал востребован в экстраординарных политических ситуациях, зачастую сопряженных с насилием и агрессией. С одной стороны, он может служить каналом отвода агрессии

в безопасное для политической системы русло. С другой стороны, может и обнажать невидимые противоречия и тем самым эскалировать конфликты.

Вторая тематическая сессия «**Ординарное и экстраординарное в политике**» открылась докладом д. филос. н., проф. **О. Ю. Малиновой** (ИНИОН РАН) об использовании прошлого для легитимации политического курса (на примере анализа ежегодных посланий Федеральному Собранию). Общепринятые представления о прошлом — одна из несущих конструкций коллективной идентичности. В настоящее время российская властвующая элита на практике воспроизводит старый культурный алгоритм «разрыва с традицией». Популизм как фактор политической экстраординарности в Белоруссии был рассмотрен в докладе д. полит. н., проф. **Н. А. Баранова** («Военмех»). Д. п. н., проф. **О. В. Попова** (СПбГУ) назвала свой доклад достаточно провокационно: «Петербургские выводы «по-туркменски»: экстраординарное или системное политическое событие?». Она полагает, что отчуждение населения от реального механизма принятия политических решений настолько очевидно, что политический истеблишмент не считает нужным даже имитировать демократические принципы выборов. Политический краудсорсинг считает ресурсом модернизации современной России канд. полит. н., доц. **И. В. Мирошниченко** (КубГУ), приведшая результаты анализа конструктивного потенциала сетевого краудсорсинга в различных сферах: спасении людей в чрезвычайных ситуациях, социальном лоббизме, обсуждении законопроектов. Д. полит. н., проф. **Т. М. Чапурко** (Краснодарский университет МВД) привела убедительные эмпирические данные, характеризующие уровень политического нигилизма в молодежной среде в современной России. Как проявление экстраординарности в современной политике показал двойную мораль д. филос. н., проф. **Н. П. Медведев** (СКФУ). Влиянию экстраординарных политических событий на развитие института политического представительства в России посвятил своё выступление **А. И. Любецкий** (КубГУ).

Третья тематическая сессия называлась «**Конфликты, терроризм и экстраординарная политика**». Первый выступающий, д. полит. н., проф. **Ю. А. Головин** (Ярославский государственный университет имени **П. Г. Демидова**), в своем докладе рассмотрел проблему политической безопасности в контексте избирательных компаний 2011-2012 годов. Региональным конфликтам в качестве обычных и экстраординарных явлений в российской политике посвятил свое выступление канд. полит. н., доц. **А. И. Кольба** (КубГУ). Расхождение поведенческих моделей переводит конфликт из разряда типовых ситуаций с высоким уровнем институализации в число экстраординарных явлений, угрожающих обострением противоречий. Д. полит. н., д. и. н., проф. **А. В. Баранов** (КубГУ) на материалах стран Западной Европы убедительно продемонстрировал взаимосвязь сепаратистских конфликтов и терроризма, проанализировал существующие процессуальные варианты преодоления сепаратизма. Как наиболее

оптимальный сценарий рассматривается децентрализация власти правовыми методами. Политический террор и терроризм в истории России в конце XIX — начале XX вв. стали темой выступления к. и. н., доц. **Т. А. Корниенко** (филиал Кубанского государственного университета в г. Армавире).

Четвертая тематическая сессия «**Политический протест и его формы**» началась докладом д. полит. н., проф. **С. А. Панкратова**, канд. полит. н., доц. **С. И. Морозова** (Волгоградский государственный университет). Докладчики уделили внимание проблеме иллюзий, прагматизма и экстраординарности в ходе политических протестов в современной России. В докладе канд. филос. н., доц. **Т. А. Мордасова** (Астраханский государственный университет) была рассмотрена методология анализа возможностей, а также ограничения протестного участия как фактора развития политического процесса. Итоги практического исследования протестных движений в регионах России и их отражения в сообщениях СМИ стали предметом рассмотрения коллективного доклада студентов **Н. С. Охманович**, **М. В. Филипповой**, **А. А. Фролова** (Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова).

В первом выступлении в рамках пятой тематической сессии «Конвенциональное и неконвенциональное политическое поведение» д. полит. н., доц. **Н. В. Гришин** (Астраханский государственный университет) уделил внимание аномалиям в электоральном поведении. Д. полит. н., проф. **А. К. Боташева** (Карачаево-Черкесский филиал Российского государственного социального университета) проанализировала проблематику абсентизма и терроризма в качестве основных форм конвенционального и неконвенционального политического поведения. В своем докладе канд. полит. н. **Е. О. Негров** (СПбГУ) поделился своими размышлениями относительно эффективности форм политического поведения в современной России. Социально-психологические аспекты экстраординарного политического события в демократическом государстве «всеобщего благоденствия» стали предметом рассмотрения канд. полит. н., доц. **С. А. Миронцевой** (КубГУ). В выступлении был рассмотрен кейс террористического акта в Норвегии в 2011 году. Результаты практического исследования половозрастных и экономических особенностей политического поведения населения юга Тюменской области были представлены в выступлении студентки **А. Ф. Кайгородовой** (Тюменский государственный университет).

Шестую тематическую сессию «**Публичная политика: институты и механизмы**» открыл доклад д. социол. н., проф. **В. Н. Якимца** (Институт системного анализа РАН). В нем участник семинара проанализировал некоторые особенности мониторинга публичной политики в регионах России. Выступление д. полит. н., д. биол. н., проф. **А. Ю. Сунгурова** (СПб филиал ГУ-ВШЭ) было посвящено экстраординарной составляющей деятельности институтов государственной правозащиты на Северном Кавказе. Особенности теневой и пу-

бличной сферы деятельности современных политических элит были представлены в докладе д. филос. н., проф. **П. А. Карабущенко** (Астраханский государственный университет). Д. полит. н., проф. **О. А. Коряковцева** (Ярославский государственный педагогический университет имени **К. Д. Ушинского**) в выступлении проанализировала связь государственного режима и молодежной политики. Д. эк. н., проф. **М. В. Терешина** (КубГУ) на конкретных примерах из российской экологической практики убедительно продемонстрировала существование феномена экологического рейдерства и описала его социально-политическое значение. Новому формату стабилизационно значимого большинства в ординарной российской образовательной политике было уделено внимание в выступлении канд. социол. н. **М. С. Негровой** (СПбГУ). Канд. полит. н., доц. **А. А. Гнедаш** (КубГУ) в своем выступлении наглядно продемонстрировала существование пронаталистских тенденций в модернизации государственной семейной политике в современной России.

Заключительная седьмая секция называлась «**Новые коммуникационные практики в условиях ординарной и экстраординарной политики**». Первый докладчик, д. филос. н., проф. **Е. В. Морозова** (КубГУ) убедительно показала существование большого протестного потенциала в деятельности сетевых сообществ. Канд. полит. н., доц. **А. В. Соколов** (Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова) посвятил свое выступление особенностям использования Интернета в протестных компаниях. Канд. полит. н. **Н. В. Кольба** (Администрация МО г. Краснодар) уделила внимание оценке мобилизационного потенциала социальных сетей рунета в экстраординарных политических ситуациях. Особенности процесса политической коммуникации в условиях трансформации публичного политического пространства были рассмотрены в докладе аспирантки **К. А. Крайновой** (Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова). В докладе аспирантки **Н. А. Рябченко** (КубГУ) были проанализированы особенности российской online публичной сферы в преддверии электорального цикла 2011-2012 годов. Темой выступления канд. полит. н., преп. **А. Б. Сазантовича** (КубГУ) стали визуальные образы политического протеста, а также их значение в современной российской и зарубежной политике. Мобилизационным и коммуникативным функциям символических акций протеста был посвящен доклад аспиранта **И. С. Башмакова** (КубГУ).

В рамках семинара прошла презентация книги «Гражданские инициативы и модернизация России» (авторы Л. И. Никовская, В. Н. Якимец, М. А. Молокова, М.: Издательский дом «Ключ-С», 2011).

Сборник статей участников семинара «Экстраординарность, случайность и протест в политике: тематическое и методологическое поле сравнительных исследований» был издан к началу мероприятия и вручен авторам.

## К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ СТАТЕЙ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ЧЕЛОВЕК. СООБЩЕСТВО. УПРАВЛЕНИЕ»

.....

Журнал публикует работы в области политологии и политического управления, государственного и муниципального управления, местного хозяйства, менеджмента и управленческого консультирования, общей психологии и психологии личности, социальной и экономической психологии, психологии развития, психологии труда, педагогики и др. областях.

Принимаются научные статьи, рецензии и обзоры объемом до 32 тыс. знаков с пробелами (до 0,8 п.л.) в электронном виде формата Word for Windows приложением («прищепкой») по электронным адресам редакции chsu1999@yandex.ru, journal@manag.kubsu.ru (просьба дублировать отсылку материалов).

*Авторская справка.* Рукопись должна включать сведения об авторе(-ах): ФИО полностью, ученую степень, ученое звание, место работы и занимаемую должность, номера телефона, электронный и почтовый адрес.

*Оформление ссылок.* Автор обязан оформлять ссылки на источники, из которых он заимствует цитаты, статистические данные и другую информацию. В конце статьи формируется *Библиографический список*, в котором цитируемые (упомянутые) источники группируются в алфавитном порядке. Каждому источнику присваивается порядковый номер. В библиографическом описании источника обязательно указывается место издания и название издательства (кроме периодических изданий), год издания. Вначале указываются источники, изданные на русском языке, затем – на иностранных.

Внутритекстовая ссылка обозначается квадратными скобками. Она должна содержать номер источника и страница (или страницы), на которую(-ые) делается ссылка. Пример ссылки: [3, с. 67] означает, что цитируется страница 67 источника под номером 3 *Библиографического списка*.

*Аннотация.* Рукопись должна включать аннотацию статьи объемом не более 800 знаков, содержащую описание сути научного сообщения (основная идея и цель, методы, результаты исследования), и список ключевых терминов (не более десяти). Аннотация и список ключевых терминов предоставляются на русском и английском языках.

Плата за публикацию с авторов журнала, в т.ч. с аспирантов, не взимается.

*Редакция журнала* располагается по адресу: Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, к. 412Н.

*Распространение журнала.* Журнал распространяется по подписке. С отдельными номерами нашего журнала можно ознакомиться и приобрести их в библиотеке факультета управления и психологии КубГУ — 4-й этаж Нового корпуса, к. 414Н. Библиотека открыта в рабочие дни с понедельника по пятницу с 10 до 17 часов.

## ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ

В течение 5 дней после отсылки статьи автор получает уведомление о получении и включении ее в цикл рецензирования. Для проведения рецензирования и экспертизы работ в качестве рецензентов и экспертов могут привлекаться как члены редакционной коллегии и редакционного совета, так и другие высококвалифицированные ученые и специалисты, обладающие глубокими профессиональными знаниями и опытом работы по конкретному научному направлению, как правило, доктора наук, профессора. Аспиранты, представляющие свои статьи в журнал, должны также переслать в редакцию внешнюю рецензию с заверенной в установленном порядке подписью рецензента. Рецензентом не может быть автор или соавтор рецензируемой работы.

В течение последующих 30 рабочих дней автору высылается ответ с вариантом мотивированного решения: (1) статья рекомендуется к печати, (2) статья рекомендуется к печати после доработки, (3) статья не рекомендуется к печати.

*Образец оформления рецензии:*

### Рецензия

на рукопись статьи

Иванова Ивана Ивановича, к. пол. н., доц. кафедры политологии НГУ

*Текст рецензии, в которой в свободной форме* излагается мнение рецензента относительно: 1) научной проблемы, решаемой автором, и ее новизны; 2) актуальности проблемы; 3) теоретической и практической значимости статьи; 4) соответствия или несоответствия положений и выводов автора современным научным концепциям, существующим в данной области исследования; 5) личного вклада автора статьи в решение рассматриваемой проблемы; 6) оценки статьи с точки зрения языка, логики и стиля изложения материала, обоснованности и достоверности выводов и заключений.

Рецензентом дается заключение о целесообразности публикации конкретного материала.

Рецензент

ФИО, научное звание, должность

« \_\_\_\_ » \_\_\_\_\_ 20\_\_ г.

\_\_\_\_\_ подпись, заверенная печатью